ББК 84Р **69**
Т 17

ТАМБОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

№ 6 (сентябрь 2008)

ИЗДАНИЕ
Тамбовского отделения Союза писателей России,
Тамбовского отделения Литературного фонда России

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Управления культуры и архивного дела области

Главный редактор
Николай НАСЕДКИН

Редакционный совет
Валентина ДОРОЖКИНА
Людмила КОТОВА
Евстахий НАЧАС
Лидия ПЕРЦЕВА

Тамбовский альманах. № 6. Тамбов: Изд-во Тамбовского
Т 17 отделения ОООП «Литфонд России», 2008. 256 с.

ББК 84Р

ISBN 5-7117-0381-1

Содержание

Уважаемые читатели!.....3

ГОД СЕМЬИ
Елена ГРЕБЕННИКОВА. **О семейном чтении для души и разума**.....4

ПРОЗА
Александр СОХРАНСКИЙ. **Легенда о Цне** 10
Александр СТРЫГИН. *Рассказы* 19
Михаил ГРИШИН. **Старая прялка.** *Повесть-сказка*.....29
Мария ЗНОБИЩЕВА. **Восемь воспоминаний.** *Рассказ*..... 127
Елена ВЛАДИМИРОВА. **Митины сказочки**.....133

ПОЭЗИЯ
Марина ГУСЕВА.....141
Лидия ПЕРЦЕВА.....145
Алексей СУТОРМИН.....149
Евстахий НАЧАС.....153
Татьяна КУРБАТОВА.....158

ДРАМАТУРГИЯ
Татьяна МАЛИКОВА. **Я всегда буду с тобой...**.....164

ЮНОСТЬ
Анастасия СЫЧЁВА. *Стихи.*.....201
Юные пишут о доме. *Стихи* 208
..

ВЗГЛЯД
Странная “дискуссия”..... 214
Александр АКУЛИНИН. **Согласно сложившемуся мнению**.....216
Людмила КОТОВА. **Ещё одно мнение**.....219
Иван ЕЛЕГЕЧЕВ. **Робя! Работать надо!**.....223
Нина ВЕСЕЛОВСКАЯ. **Не о том печалитесь, господа**.....225
Зинаида КОРОЛЁВА. **Отделить зёрна от плевел**..... ..231
Николай НАСЕДКИН. **Точки над “i”**.....235

ЛИТЖИЗНЬ
Тамбов на страницах «ЛГ».....240
Новые книги.....255

Уважаемые читатели!

Этот номер «Тамбовского альманаха» практически весь посвящён литературе для детей и подростков. И это не случайно: ведь на дворе у нас в самом разгаре – Год семьи. А значит, и – Год семейного чтения.

За исключением последних разделов номера «Взгляд» и «Литжизнь», во всех остальных напечатаны произведения, которые можно и нужно читать именно всей семьёй. Повести, рассказы, стихи, пьесы адресованы читателям как совсем юным, так и школьникам.

Кстати, и среди авторов вы найдёте как профессиональных писателей, так и совсем юных поэтов и прозаиков, которые пишут-сочиняют для своих младших братьев и сестёр.

Приятного вам семейного чтения!

Елена ГРЕБЕННИКОВА

О СЕМЕЙНОМ ЧТЕНИИ ДЛЯ ДУШИ И РАЗУМА

2008 год в России указом Президента объявлен Годом семьи. В контексте возрождения авторитета, традиций семьи в российском обществе, на радость многим любителям книги, просвещённой интеллигенции, вновь заговорили о семейном чтении.

В вашей семье есть семейное чтение? Да, ответят многие, мы читаем ребёнку сказки на ночь, а иногда он просит почитать вслух любимую книгу. Ребёнок взрослеет, и оказывается, что чтение вслух сродни застёгиванию пуговиц на рубашке: пока ребёнок мал и не справляется сам, вы делаете это за него. Постепенно он овладевает навыками (чтения или застёгивания пуговиц), вы какое-то время контролируете его, а затем облегчённо вздыхаете и отпускаете ребёнка в «самостоятельную жизнь». «Как хорошо уметь читать! Не надо к маме приставать, не надо бабушку трясти: «Прочти, пожалуйста, прочти»…»

А где же семейное чтение? Оно заканчивается тогда, когда ребёнок больше не нуждается в вашей помощи, или его и не было? Просто вы читали ребёнку, пока он не научился делать это сам? Давайте разберёмся, в чём разница. Что такое семейное чтение, и почему специалисты в один голос говорят об исчезновении традиции семейного чтения, несмотря на то, что большинство родителей, бабушек и дедушек продолжают читать вслух своим детям?

Елена Гребенникова родилась в Тамбове, окончила библиотечный факультет Тамбовского филиала Московского государственного института культуры (ныне — ТГУ имени Г. Р. Державина). Работает заместителем директора Тамбовской областной детской библиотеки.

Традиции семейного чтения уходят корнями в далёкое прошлое нашей истории. О них можно говорить, начиная примерно с IX века, с процесса воспитания в семьях древних восточных славян. Большинство населения занималось земледелием и охотой. Воспитанию в семье придавалось всё большее значение, так как требовался сильный и умелый работник (пахарь, охотник, воин). Эти и другие жизненно важные качества формировала народная педагогика, которая рождалась в семьях в результате целенаправленного творчества.

К древнейшим видам устного народного творчества относят заговоры, в которых переплетались сказки, реальность и мечты. В народной педагогике восточных славян использовались пословицы, поговорки, сказания, рассказы о мифических персонажах (волхвах, летучих змеях), где говорилось о героях, которым следовало подражать, о моральных нормах и требованиях к поведению ребёнка.

Постепенно семейное чтение входит в быт русской семьи. Замечательный этап в развитии семейного чтения и расширении его традиций начинается с середины XVIII века. К этому времени особую роль в русской культуре начинает играть женщина-мать, которая чётко улавливала общественные настроения и потребности. С большой долей вероятности можно сказать, что именно она поняла роль семейного чтения в детской жизни и воспитания гражданина.

XIX век стал свидетелем уже закрепившейся традиции семейного чтения. Значительным явлением в русской народной традиции явились вечера семейных чтений. Эмоциональную атмосферу таких вечеров описывает И. Бестужев-Лада: «Вечер. Семья в сборе. Ужин и разные домашние хлопоты позади. Все сидят на своих любимых местах в уютном покое. Горит лишь одна лампа, под которой кто-то из членов семейства — чаще всего, понятно, глава семьи, но это совсем не обязательно, — читает вслух книгу. А все слушают и затем обсуждают услышанное».

Подобные семейные чтения проходили в семьях Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Дети рассматривали их как светлые, счастливые моменты духовного общения с родителями, как этапы своего роста. В качестве примера можно сослаться на высказывания старшего сына Льва Николаевича Сергея: «Отец читал нам путешествия Жюль Верна “80 дней вокруг света”. Книга, по которой он читал, не была иллюстрирована. И он сам чертил к ней иллюстра-

ции, приводившие нас в восторг. Рисовал он довольно плохо, но у него бывали характерные штрихи. Мы очень любили эти рисунки отца и с нетерпением ждали следующего вечера».

А. Г. Достоевская вспоминает о том, что их гостиная оживлялась тогда, когда в ней устраивали музыкальные вечера. Но особенно памятными были семейные чтения, проходившие при свечах за овальным столом. Читали вслух Н. Карамзина, биографию М. Ломоносова, стихи Г. Державина, В. Жуковского, романы М. Загоскина, И. Лажечникова, А. Пушкина.

Пожалуй, самое яркое, запоминающееся воспоминание о роли и значении семейного чтения в детские годы даёт отечественная писательница И. Грекова. Она пишет, что детство было всякое: и горе, и бедность, и голод, детство «праздничное, насквозь пронизанное литературой, искусством слова, духом слова». Семейные вечера были ежедневными: «Каждый вечер мы трое, накормленные, умытые, приготовленные к предстоящему торжеству, лежали в своих кроватях, мама пристраивалась рядом со своим рукоделием, а папа брал книгу… и начинал читать».

Это было систематическое чтение — «чтение-ритуал, который нельзя было нарушить, несмотря ни на какие бытовые трудности, а они сопровождали нас постоянно… Даже в тяжёлые времена гражданской войны, голодного и холодного «военного коммунизма» вечернее чтение не отменялось… Эти, год за годом, чтения вслух были, как я теперь понимаю, настоящим подвигом».

Смею предположить, что чем-то такие чтения были сродни сегодняшнему «смотрению» телевизора по вечерам. Длинные романы с продолжением заменяли сериалы, вечерняя газета — выпуск новостей, фельетон из еженедельника — выступление юмористов. Неудивительно, что с появлением телевидения семейные чтения вслух, существовавшие ещё в 1950-х во многих семьях, почти окончательно исчезли.

Почему же сейчас, почти полвека спустя, возникла и укрепилась идея о необходимости возрождения семейного чтения? Зачем нам в век телевидения и компьютерной техники потребовалось воскрешать давно забытую и устаревшую традицию, для которой нет ни времени, ни условий и которая требует сознательных и немалых усилий?

Один из напрашивающихся ответов: дети стали меньше читать, а это один из способов приохотить ребёнка к чтению. Но семейное

чтение — это не только чтение детям. Это традиционно взрослый досуг, к которому дети допускаются лишь по мере взросления. Если для неспешного XIX века чтение вслух — естественное занятие, то сегодняшнему взрослому, живущему в постоянном цейтноте, выделить время на чтение вслух и собрать всю семью — весьма проблематично.

А ведь само по себе чтение вслух — занятие непростое, требующее творческого подхода. И в этом начало разгадки секрета его привлекательности. Если продолжить аналогию с просмотром телевизионных программ, то можно смело утверждать, что телевизор не даёт нам возможности творчества и выбора. Вы сами выбираете книгу для чтения. Да, программу для просмотра тоже, но, если сравнить — мировая художественная литература и программа передач на сегодня — возможности для выбора не сопоставимы.

А ведь вы выбираете не только книгу, но и манеру чтения, его темп и тембр голоса. Вместе с автором книги вы творите её содержание, как театральный спектакль, для тех, кто слушает вас. Это театр одного актёра, в котором только от вас зависит, что останется в памяти и в душах ваших зрителей и читателей. Они, в свою очередь, — не пассивные потребители, как в случае с телевидением. Их сочувствие, сопереживание, блеск глаз или затаённое дыхание — источник вашего вдохновения. И возможность поговорить, поспорить. Обсудить, поплакать или посмеяться вместе, и возможность увидеть друг друга по-новому — всё это дарите своим близким вы, а не телевизор.

Почему ваш ребёнок, несмотря на обилие видеокассет с мультфильмами, просит вас почитать вслух? Он ещё не осознаёт полезность чтения вслух для развития речи и совершенствования в родном языке, для развития эмоциональности и образного мышления. Просто он хочет, чтобы вы были рядом, а не телевизор. Это рождает в нём чувство уверенности, защищённости, даже если ребёнку гораздо больше пяти, и он прекрасно читает самостоятельно. И даже если это вовсе не ребёнок, а взрослый и успешный во всех отношениях супруг. Ведь в этот момент вы принадлежите друг другу, а не телевизору.

А когда дети становятся старше и возможностей для того, чтобы собраться и почитать вместе любимую книгу, становится всё меньше, можно предложить другую форму семейного чтения — самостоятельного прочтения с последующим обсуждением. Ребё-

нок-подросток, взрослея, всё чаще попадает в различные жизненные ситуации, требующие социально-психологического анализа, готовности к решительным поступкам. Как подготовить своё чадо к адекватной оценке реальной обстановки и помочь сделать правильный нравственный выбор?

В этом и заключается волшебная сила художественной литературы, которая предоставляет нам возможность почувствовать себя в самых разнообразных образах и вместе с литературными героями переживать их жизненные коллизии, радоваться, огорчаться. По сути — это ролевая игра, где каждому предоставляется возможность прожить какое-то время жизнью и мироощущением другого человека. Именно здесь и необходимо участие близкого взрослого человека в совместном поиске правильного вывода, решения. Более того, во время семейного обсуждения, обмена мнениями о прочитанном взрослый имеет возможность ненавязчиво передать ту нравственную установку, которую он считает важной в воспитании и становлении своего ребёнка как личности. Появляются неосязаемые мосты духовной близости и взаимопонимания между родителем и ребёнком, что особенно важно в так называемом «переходном» возрасте.

И тут возникает проблема круга чтения. Если два-три десятилетия назад мы обсуждали с подростками произведения А. Гайдара, В. Железникова, Ю. Яковлева, Р. Погодина, Б. Васильева, В. Распутина, А. Алексина и др., то сегодня в ежедневно меняющемся мире актуальными становятся книги, написанные новыми авторами, поднимающими проблемы современных подростков, их взаимоотношений с родителями, с окружающим миром. Можно отметить как положительную тенденцию появление новых литературных произведений для подростков — Т. Воробей «Жирафа», «Журавль в небе», «Свидание вслепую»; Е. Мурашовой «Класс коррекции»; Е. Габовой «И отец мой и мама моя» и др., которые можно рекомендовать для семейного чтения и обсуждения.

А для тех родителей, которые ещё находятся в начале своего педагогического пути, спасителем и добрым другом станет книга Даниэля Пеннака «Как роман». Ни пересказывать, ни цитировать эту книгу невозможно — не остановишься. Автор напоминает нам о том, какими читателями были в юности мы сами; что испытывает ребёнок, впервые прочитавший слово, подробно и очень правильно показывает момент, когда книга становится для подростка нака-

занием. Вы невольно соглашаетесь и вдруг понимаете, чего нельзя делать, если хочешь, чтобы ребёнок любил читать. В третьей части мы находим описание того, как Пеннаку удалось приохотить к чтению целый класс подростков, отвергнутых «хорошими» школами. Он просто читал им вслух.

Заставить читать нельзя. Можно только любить чтение вместе с ребёнком. И для того, чтобы это не оставалось пустыми призывами, Пеннак напоминает нам, какие права мы сами себе как читатели присвоили: читать по своему выбору, не дочитывать то, что не нравится, перечитывать любимое помногу раз, молчать о прочитанном…

«Когда учитель достал из своего портфеля “Парфюмера” Зюскинда, они были в шоке, увидев перед собой айсберг! И вот он принимается читать, и они видят, как айсберг тает буквально на глазах! Время уже больше не время, минуты летят секундами, и сорок страниц прочитано, и час прошёл, как не бывало.

Единственное условие этого примирения с чтением: ничего не требовать взамен. Совсем ничего. Не выстраивать вокруг книги никакой стены предварительных сведений. Не задавать ни единого вопроса. Ни малейшего задания. Не добавлять ни слова к словам прочитанных страниц. Никаких оценок, никаких объяснений лексики, никаких анализов текста, никаких биографических данных… Настрого запретить себе “говорить вокруг да около”. Читать, читать и довериться глазам, которые открываются, лицам, которые веселеют и проясняются, вопросу, который вот-вот сорвётся и повлечёт за собой следующий».

А что же можно предложить для семейного чтения из современных тамбовских авторов?

Конечно, опубликованные в этом номере альманаха стихи, рассказы, сказки. В Тамбовской областной детской библиотеке есть много книг для детей и подростков. Для чтения в семье подойдут повести и рассказы Александра Акулинина, Василия Кравченко, Виктора Герасина, Валерия Кудрина, Анатолия Косневича, Виктора Кострикина, стихи разных поэтов на разные темы, в том числе и о родном крае. Это даст возможность родителям и детям больше узнать о жизни и творчестве тамбовских авторов.

Александр СОХРАНСКИЙ

ЛЕГЕНДА О ЦНЕ*

Мы часто ездили ловить рыбу и собирать грибы на берега Цны, в те места, где теперь стоит город Котовск. Но тогда, лет 50 тому назад, здесь шумели только огромные дубы и сосны. Там, где река, петляя и извиваясь в низких, болотистых луговых берегах, подходит к лесу, стоял на самом берегу кордон. Здесь в качестве лесника жил мой дальний родственник Семён Иванович, в просторечии Сеня, с женой Машей и двумя детьми: Танечкой пяти лет и трёхлетним Мишей…

…Однажды в конце августа я и две моих сестры приехали к нашим друзьям в их лесное жилище.

Мы все, хозяева и гости, собрались вокруг стола, на котором ярко горела большая, сильная лампа.

* Журнальный вариант.

Александр Васильевич Сохранский (1883—1962) родился в Тамбове в семье священника Знаменской церкви, окончил Киевский императорский университет. Вернулся на родину, преподавал с 1911 года в женской гимназии, после Октябрьской революции – в школе № 21. Замечательный педагог, он оставил неизгладимый след в душах своих воспитанников, а среди них были такие известные люди, как писатель Николай Вирта, митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (в миру – Константин Нечаев).

Всю жизнь страстью А. В. Сохранского было краеведение. С 1907 года он собирал и записывал всё, что связано с Тамбовским краем. Некоторые обработанные им рассказы до революции печатались в столичных журналах «Русское слово», «Для всех».

Ходики, висевшие на стене, показывали начало девятого часа.

— Как ветер-то разбушевался! Наверное, и деревья поваляет в лесу, а уж сучьев наломает целые кучи, — сказал Сеня, прислушиваясь к грозным звукам ночной бури.

— И река наша, смирная и тихая Цна, гремит волнами о берега, бьётся о них, а порой будто стонет и плачет, жалуется и зовёт кого-то... как в сказке, — задумчиво произнесла Маша.

— Мама! А ты расскажи сказку о Цне, как ты рассказывала нам с Мишей... И котёнок ещё слушал-слушал, а потом уснул у меня на коленях, — обратилась вдруг Танечка к матери.

— Ой, Маша! Я и не знал, что вы такие сказки знаете... О Цне? Да ведь это, должно быть, не сказка, а легенда, а в легендах, вы знаете, всегда зерно правды есть, — удивлённо заговорил я.

О Тамбовском крае и его прошлом я слышал несколько легенд, некоторые записал: я всегда интересовался ими, но никогда не слыхал о Цне и потому удивился, услышав от Танечки, что её мама рассказывает такую сказку.

— Не знаю, сказка это или легенда, а я как слыхала её, так и рассказываю детям, — отвечала Маша на мои слова.

Маша быстро умыла и раздела детей и уложила их в маленькие кроватки, сделанные руками Сени.

Миша тут же заснул, засунув в рот маленький, как грецкий орех, кулачок, а Танечка долго ещё лежала с раскрытыми глазёнками, прислушиваясь к голосу матери, пока сон не сморил её.

Маша уселась поудобнее на лавку и начала своё сказанье:

«Давным-давно, ещё до татар, это было: в тех местах, где теперь Тамбов раскинулся, лес был. От века не рубленый, он кишел зверьём и птицею, а людей мало было в нём. Лишь кое-где на холмах мордва жила, только не большими деревнями, а малыми одинокими хуторами.

И на том месте, где Тамбов был построен, мордвин жил, по имени Урлап. Поэтому и место это получило потом название Урлапова городища. По обычаю того времени, эта усадьба была огорожена земляным валом и тыном, чтобы звери не могли проникать туда и таскать скотину и птицу.

У мордвина того были жена и дочь. Как звали жену, я забыла, а дочь звали Цна.

Мордвин Урлап был охотник, пчеловод; скотину в лесу на поля-

нах пас, а жена его, помимо хозяйства, ведовством занималась, то есть, проще сказать, колдуньей была. Но своим колдовством она людям зла не делала, а, наоборот, от разных болезней лечила, от смерти и увечья спасала, пчёл и скотину от мора заговаривала, заблудившихся в лесу на дорогу выводила. А дочь росла, красавицей девушкой становилась, а ведовства материнского не знала: мать до поры до времени не открывала ей своих тайн. Так проходили годы. Умер старый Урлап и по мордовскому обычаю был похоронен там, где жил, — в своей усадьбе. Остались мать и дочь вдвоём.

Пришло время умирать и матери, но смерть, как в народе говорят, не может взять ведьму, пока она не передаст своих тайн кому-нибудь другому: мучается ведьма в предсмертных муках, душит её рука смерти, а умереть она не может, если не нашла человека, кому можно было бы передать все свои тайные знания.

Призвала умирающая ведьма дочь свою Цну и передала ей всё, что знала, научила ведовству, а потом сказала:

— Спасибо тебе, дочка, что пожалела ты мать: взяла на себя то, что давило мне душу и мешало отойти на вечный покой: телом в землю, а духом — к своим предкам. Ты много теперь знаешь и много можешь, но смотри: только для добра употребляй то, что ты узнала от меня, никому не причиняй зла и страданий этими тайными знаниями, а если для зла людям захочешь применить их, то от них и сама погибнешь, да и меня там, за гробом, мучиться заставишь, хоть я и буду тенью.

Дочь поклялась исполнить волю матери, тогда поцеловала она дочь, вздохнула последним вздохом и умерла.

Похоронила Цна тело матери там же, где лежал её отец, и стала жить одна. Хорошая слава о ней пошла среди лесных жителей: и людей лечила от разных болезней и ран, градовые тучи отводила от убогих посевов мордвы, пчёл охраняла заговором от мора, рыбу и дичь приваживала рыболовам и охотникам. Люди охотно шли со своими нуждами к красавице Цне, знали, что не откажет она им в помощи и от беды убережёт.

Хорошо жилось девушке, только порой скучно и одиноко было: не было возле неё близкого человека, с которым она могла бы разделить свои мысли и чувства, свои печали и радости; тосковала девушка по любви и ласке.

И судьба словно услышала её печаль и послала то, о чём грустило её сердце. В некотором расстоянии от Урлапова городища жил

молодой охотник Сампор. Красивый собой, отважный, сильный, он славился во всей округе как победитель многих медведей.

Медвежьими шкурами были устланы лавки в его жилище и стены, медвежьими черепами, по мордовскому обычаю, были увешаны колья плетня вокруг усадьбы.

Но однажды, отбившись от товарищей, таких же отважных и смелых охотников, как и он, зашёл он в такую глубину леса, куда никто из мордвы не заходил: это была в полном смысле лесная глухомань. Изрезанное глубокими оврагами, по дну которых гремели ручьи, а крутые склоны заросли густым осинником и кустами, окружённое вековыми соснами и дубами, меж которых лежали сломленные бурями столетние лесные великаны, место это у окрестной мордвы считалось страшным и гибельным для человека. Там было жилище царя зверей — огромного медведя страшной силы. С ним-то и встретился Сампор в этой лесной чащобе и вступил в бой. Но не смог одолеть лесного царя: выбил медведь из его рук оружие — рогатину и большой нож, опрокинул самого охотника, подмял под себя и изломал своему врагу кости, расцарапал страшными когтями тело. Но грызть и рвать не стал, оставил его, когда убедился, что охотник лежит без движения и признаков жизни.

Однако жизнь ещё оставалась в израненном теле молодого охотника: спустя некоторое время он пришёл в сознание и, кое-как передвигаясь ползком, выбрался из владений страшного зверя, а там и товарищи нашли его и привезли лечить к молодой волшебнице Цне.

Долго продолжалось леченье страшных ран, нанесённых Сампору медведем. И вот в сердцах Цны и Сампора загорелась любовь: молодая волшебница и отважный охотник полюбили друг друга. А когда Сампор поправился, когда благодаря заботам и леченью Цны снова вернулись к нему силы, молодые люди решили быть мужем и женой и навсегда соединить свои жизни вместе.

Сделавшись женой Сампора, Цна переселилась в его жилище, а родная усадьба её, покинутая и пустынная, разрушалась: гнили и падали стены, проваливалась крыша, двор зарастал бурьяном; волки устроили себе логовище там, где некогда жили люди. Лишь могилы, в которых лежали Урлап, его жена и предки, говорили о том, что ещё недавно здесь было человеческое, а не волчье гнездо.

Шли годы мерными, медленными шагами, но быстро, как волны в реке под напором ветра, мелькали дни. Тихо и спокойно проходила жизнь в мордовских лесах: охотники и звероловы, пчелово-

ды и рыбаки делали своё обычное дело, не ожидая никакой беды для себя. Но беда шла. Однажды Сампор вернулся с охоты в дальних лесах, где он пропадал несколько дней, и рассказал жене, что далеко на востоке, где кончается лес и начинается степь, стоит огромное конное войско, со своим царём во главе. Воины все отлично вооружены и сидят на крепких и сильных лошадях. За войском едут в больших телегах, на которых поставлены войлочные шатры, жёны и дети воинов, гонят большие стада разного скота. Говорят те люди на неведомом языке, но мордовским охотникам стало ясно, когда они вышли к этим неизвестным воинам, что они страшно боятся идти через лес, боятся лесной тьмы, болот, даже лесных звуков, особенно ночных, которые они считают за голоса лесных духов. Эти воины, очевидно, родились и выросли на просторах степей и никогда не знали леса, поэтому всё в нём им кажется таинственным и страшным.

Кто они, эти вооружённые степняки, и куда и зачем идут — никто из мордвы не знает, но ясно одно, что они хотят найти человека из местных, кто знает дороги через лес и проведёт их в равнины, в степи, где кончаются мордовские городища и начинаются селения русских земледельцев.

Услышав от мужа рассказ о вооружённом неведомом народе, который стремится перейти лес и выйти на русские степные просторы, Цна вспомнила, как её мать незадолго до смерти говорила ей о том, что далеко, на востоке, идёт война: там злой и жестокий народ, который называется татарами, громит, жжёт и разрушает города и селения, грабит и убивает тысячи людей, опустошает целые царства, превращает в пустыни цветущие, заселённые земли, и никто и ничто не может противиться им, остановить их кровавый путь. «И вот они здесь, — думала Цна, — у черты их мордовского леса, готовые начать свои убийства и грабежи мирных мордовского и русского народов. Их ведёт кровожадный и безжалостный царь. Неисчислимы его богатства, как неисчислимы и злодеяния, и нет жалости к людям ни у него, ни у его воинов».

Через несколько дней Сампор с другими охотниками опять ушёл на охоту, пробыл в лесах довольно долго, а когда вернулся, то рассказал жене, что он был опять у татар, видел самого их предводителя и царя. Хотя ни он, ни другие мордовские охотники не знали татарского языка, но поняли, что татары сулят огромное богатство тем, кто проведёт их через этот лес. Они дадут много дорогих тка-

ней и одежд, оружия, золота и скота тому, кто укажет им дорогу через лесные дебри и выведет в степь. А мордву они обещают не обижать: не грабить и не убивать. И он хочет указать им дорогу, провести через лесные дебри, чтобы получить обещанное богатство.

— Если ты проведёшь этих неведомых, лютых на кровь людей через лес, то они сделаются хозяевами земли нашей, и никто не сможет удержать их, если они захотят убивать людей мордовской страны и грабить русские селения. Людей, которые привыкли жить грабежом и убийством, не удержит никакое слово, никакое обещание, потому что у них нет совести. Лес — наша единственная защита от них, и ты хочешь лишить нас этой защиты из-за богатства, которое нам совсем и не нужно: лес и земля дают нам всё необходимое для жизни.

Долго уговаривала Цна мужа не проводить татар через болота и леса родного края, не льститься на богатства, которые сулит татарский царь, не губить своих русских братьев. Долго спорили Цна и Сампор, но в конце концов, в первый раз с того времени, как они полюбили друг друга, Сампор не послушался жены и пошёл к татарам, чтобы провести их через лес в русские степи.

Долго раздумывала Цна, что делать. Можно было силой волшебных чар погубить в лесу мужа, не дать ему возможности выполнить намерение, но Цна слишком горячо любила его. И она решила обратиться за советом и помощью к матери. Пошла она на её могилу, на старое своё городище, и глухою ночью силой чар вызвала тень матери.

— Зачем ты, дочка, потревожила мой покой? Я научила тебя волшебству, — заговорил призрак матери, — разве оно бессильно, что ты вызываешь меня?

Цна рассказала призраку о беде, которая грозит мордовскому народу и русским, если Сампор проведёт татар через лес.

— Скажи, мать, что я должна сделать, чтобы отвести беду от родины?

— Наведи слепоту на Сампора и его друзей, и они погибнут в зёвах лесных болот, не найдут дорог. Ты знаешь, как это сделать, — ослепить изменников, чтобы они не дошли до вражьего стана. Сделай это скорее.

— Нет, мать! Я не хочу губить Сампора: он любит меня, и, кроме любви и ласки, я от него ничего не видела. Он в первый раз не согласился со мной, но любовь его ко мне жива, лишь жажда богат-

ства затуманила её. И у меня рука не поднимется, чтобы погубить его. Надо остановить или погубить не его, а татар.

— Но я не знаю таких чар, которые могли бы действовать на целый народ. Да и там, в татарском стане, найдутся волшебники, которые сокрушат наши чары. Остаётся одно: погубить Сампора и его товарищей в лесной чащобе и не допустить их провести татар через лес.

— Нет, я не могу этого сделать! Но я не хочу видеть и того, что произойдёт потом, когда потечёт кровь по родной земле и огонь уничтожит наши жилища и селения русских, благодаря безрассудному желанию Сампора и его товарищей. Я не знаю, что мне для этого нужно делать, научи меня!

И из глаз Цны закапали слёзы.

— Так плачь и дальше, дочь моя, истеки потоком слёз и превратись в реку: вечно живая, ты потечёшь среди тех мест, где ты жила, и будешь поить землю и людей нашей родины, но не будешь причастна к тому злу, которое Сампор принесёт своей изменой.

— Я так и сделаю, мать! Спасибо тебе за добрый совет!

Возвратясь домой, к жилищу Сампора, Цна заплакала зачарованными слезами. И силой волшебства женщина Цна растаяла в слезах и превратилась в светлый источник, из которого побежал тихий ручеёк, ручеёк превратился в реку, которая побежала могучим потоком среди лесов и степей. Но веяло печалью и тоской от той светлой реки, и невесел был шум её волн: рождённая слезами, она несла в своих водах неутешное горе женщины, страдавшей и за себя, и за родную землю. Светлым, грустным потоком протекла она и у того места, где стоял дом Сампора, где жила она счастливой женой, разлилась ручьями на несколько рукавов, широко охватив водами своими лесные низины и луга там, где проходили тайные лесные дороги, по которым Сампор мог провести врагов; с грустным лепетом, словно жалуясь, прошла она мимо того холма, где стоял некогда дом отца и матери, где в земле лежали их кости, и потекла, заструилась дальше и дальше. Красотой и грустью дышала и доныне дышит грудь реки на всём пути её течения.

Так зачалась наша река: женщина Цна превратилась в реку Цну. Вот вам и вся сказка…»

Рассказчица замолкла. Все слушатели сидели неподвижно, словно заворожённые легендой, передававшей в тумане вымысла и фантазии какую-то драму, разыгравшуюся в тех местах, где находились мы, воскресившую безвестных, неведомых людей, любивших, страдавших и павших жертвой своих сильных, но противоречивых чувств.

— А что же было с Сампором? Провёл он татар и получил богатство, о котором мечтал? — после минутного молчания спросил я.

— Да, я не досказала, а сказка говорит, что Сампор выполнил свою измену: провёл татар через лес и вывел в степь недалеко отсюда, около того места, где находится теперь село Кузьмино-Гать. Татары по его указанию намостили гать из хвороста, земли и песка там, где Цна, разлившись по луговым низинам, пресекла им дорогу на Русь.

С той поры это место так и стали называть «Гать», а потом, когда тут возникло село, прибавилось слово «Кузьмина». А о Сампоре сказка рассказывает, что он, получив от татар богатые подарки за измену, вернулся домой, но там не нашёл жены, а невдалеке от дома увидел светлую, тихую реку, которой раньше не было. В удивлении стоял на берегу этой новой чудной реки. И вдруг в говоре речных волн он узнал голос жены: Цна говорила ему слова любви и упрекала за то, что он богатство поставил выше любви к ней и к родине.

Тогда только понял молодой охотник, чего он лишился, прельщённый богатством, понял, что наделал он своим поступком, и с отчаяния бросился в воды Цны, стремясь хоть после смерти быть вместе с любимой.

С той поры место то, где жил Сампор и где покончил с собой, прозвали люди его именем, так стал называться и посёлок, зачавшийся позднее здесь и превратившийся потом в большое село. В народе есть поверье, что Цна не вернула тело утопленника: лежит оно много веков на дне, и волны целуют его мёртвые уста и шепчут слова любви и упрёка.

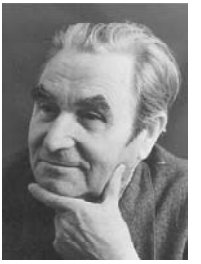
Вот и всё, что я слышала от наших сельских женщин о Цне и Сампоре.

Маша встала и подошла к детям, которые безмятежно спали в

своих кроватках. Сеня посмотрел в окно, потом неожиданно распахнул его. Оказалось, что буря совсем утихла, перестал и дождь. По небу неслись клочья разорванных туч, между ними проглядывала луна, которая то ныряла в них, то выплывала и внимательно глядела на землю. Всплески волн реки стали тише, и лес отзывался на них слабым шорохом ветвей…

Время было уже позднее: близилась полночь, но расходиться для сна не хотелось: мы долго ещё говорили между собой, стараясь отделить в только что прослушанной легенде истину от фантазии…

Александр СТРЫГИН



РАССКАЗЫ

ТЁТЯ МАША

Больные хирургической палаты привыкли видеть дежурную няню тётю Машу молчаливой, всегда занятой делом. Иным казалось, что эта маленькая невзрачная женщина с грубыми чертами лица ищет как можно больше дела, чтобы забыть о каком-то горе; иные утверждали, что она принадлежит к тому изумительному типу русских женщин, которые ни минуты не могут сидеть, сложа руки, а многие просто, не задумываясь, принимали все её труды и заботы как должное.

Только семиклассник Вася Першин, попавший в палату с переломом ноги, невзлюбил тётю Машу, хотя и видел, как уважают её все больные. Он понимал, что она была права, когда не пустила в палату его товарищей, когда стыдила за то, что он разбросал по полу огрызки яблок. Всё это он понимал, но...

Александр Васильевич Стрыгин (1920—1999) родился в деревне Беломестная Криуша Тамбовской губернии. Участник Великой Отечественной войны. После демобилизации работал учителем, воспитателем в детском доме, занимался литературным творчеством. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. С 1960 по 1968 год возглавлял Тамбовскую областную писательскую организацию. Автор широко известного романа «Расплата». С 1972 года жил и работал в Краснодаре, выпустил несколько книг стихов и прозы.

Вот если бы те же замечания сделала ему вторая дежурная няня, Людмила Павловна, женщина молодая, красивая, то Вася, наверное, не принял бы это так близко к сердцу. Людмила Павловна умеет смеяться, шутить. Лицо у неё белое, волосы светлые, с завиточками на шее. Вася не скрывал своего предпочтения, хотя Людмила Павловна и меньше ухаживала за ним, чем тётя Маша. Он даже придумал прозвище тёте Маше: Сорокаручка.

В это прозвище он вложил всё своё пренебрежение к невзрачной фигурке с множеством, как казалось ему, длинных рук, которые сами цеплялись за всё, что можно чистить, мыть, разглаживать, убирать.

Когда она подходила к нему поправить постель или помочь переложить закованную в шину ногу, он сквозь зубы цедил: «Я сам», хотя и знал, что она всё равно поможет ему.

Вскоре врач разрешил Васе опускать ногу на пол и пробовать ходить на костылях. Потребность в няне совсем отпала, Вася почувствовал себя свободно.

Теперь он мог выходить на улицу и под ветвистой рябиной прятаться от августовского зноя, мог сидеть за тумбочкой и рисовать на обитателей палаты карикатуры. Над незатейливыми рисунками, сделанными бойкой Васиной рукой, смеялись все, даже те, кто попадал под карандаш. Это льстило Васе.

Он нарисовал карикатуру и на тётю Машу. Она была изображена с длинными руками, цепляющимися за койки, одеяла, окна, костыли, а под рисунком было подписано «Сорокаручка». Вася был уверен, что карикатура будет иметь шумный успех, и таинственно улыбался, когда выводил последние буквы. Но, к его удивлению, никто не смеялся. Каждый, рассмотрев рисунок, торопился передать его на соседнюю койку, кое-кто с укоризной качал головой. А главное — все молчали. Это больше всего поразило Васю. Он чувствовал себя обиженным и решил взять рисунок назад.

— Дайте, я подправлю, — просительно сказал он, обращаясь к пожилому рыжему трактористу Лаптеву, которого совсем недавно привезли с переломом руки и который больше всех смеялся, когда Вася нарисовал на него карикатуру.

— Что ж тут поправлять, — со вздохом ответил Лаптев. — Дрянь, а не рисунок. И ты — глупец, коль не знаешь, на кого карикатуру заводить. На меня нарисовал — хорошо, я смеялся, потому что без зла был рисунок. А тётю Машу не трогай! Ты не стоишь ногтя с

тёти Машиной руки. О ней роман писать надо, а ты... эх ты, карикатура! — с последним словом Лаптев изорвал листок на мелкие части и выбросил в урну.

— А я что? Я... это дружеский шарж, — боязливо глухим голосом заговорил Вася, — на это не обижаются. Она и сама не обиделась бы...

— Это мы знаем, — строго ответил тракторист. — Может, она душой переживает, а виду не кажет. — Тракторист даже привстал с постели. — Э, да что я тебе объясняю, ты ещё суслик придорожный. Жизни хлебнёшь — узнаешь.

Убитый словами Лаптева, Вася ушёл на улицу и там, под ветвистой рябиной, которая прижалась вплотную к каменному зданию районной больницы, сидел до самого вечера, угрюмый, нахохлившийся.

Его окликнул незнакомый мальчишеский голос. Вася увидел неподалёку от себя стройного чернявого парнишку в форме ремесленного училища.

— Мария Ефимовна Сотникова сейчас дежурит? — спросил парнишка, одёргивая свой новенький пиджачок.

— Какая такая Мария Ефимовна? — недружелюбно заговорил Вася. — Я такой не знаю. Она кто?

— Санитарка, няня.

— У нас какая-то тётя Маша санитаркой...

— Ну, вот она и есть, — оживлённо заговорил ремесленник, подходя ближе к Васе. — Позови её, пожалуйста. Я только на один день приехал... Повидаться.

— А она тебе кто? — Вася подозрительно окинул взглядом пришельца.

— Мама...

— Ну? Да ты и не похож совсем на неё. Иди сам, да и зови.

Мальчишка хотел что-то ответить Васе, но переступил с ноги на ногу и молча зашагал к крыльцу.

Вскоре Вася увидел, как вышедшая из палаты тётя Маша горячо обнимала и целовала мальчишку, шептала ему что-то, заботливо поправляла его новенький костюм. А мальчишка всё смотрел, смотрел на мать любящими искренними глазами.

Вася искоса поглядывал в их сторону, перекладывая с места на место костыли. То, что мальчишка так ласкался к тёте Маше, больно укололо Васино сердце. «За что уж так он её любит, — подумал он. — Сразу видно: маменькин сынок... А ещё форму надел!..»

Когда тётя Маша ушла в амбулаторию, Вася встал с земли, опер-ся на костыли и запрыгал к крыльцу. Будто между прочим, спросил у мальчишки:

— Любишь её?

— Люблю.

— А вот я не люблю!

— Почему? Разве она тебя обидела?

Вася помялся, не находя слов для ответа.

— Не обидела, а так вообще... — он выставил костыли сразу на третью ступеньку и ловко прыгнул, гордясь своей натренированностью перед маменькиным сынком.

Вечером все рано легли спать. Только Лаптев остался в коридоре дочитывать книгу.

Вася тоже старается заснуть, но не может. Ещё с вечера у него поднялась температура — видимо, простудил горло холодной водой, которую выпил тайком от тёти Маши. Вася вертится с боку на бок, прислушивается к голосам в коридоре. Его начинает разбирать любопытство: о чём они говорят?

Он привстал и сел на постель. Тётя Маша говорит очень тихо — ничего не слышно. Надо подойти ближе. Вася нащупывает костыли... Старается не стучать, крадучись движется к двери. Хорошо, что на костылях резинки.

Дверь немножко приоткрыта. Вася видит в щель только тётю Машу. Она как-то неестественно положила руки на колени — в такой позе Вася видит её впервые. И смотрит она не на Лаптева, а на свои руки.

— Ну и вот, — медленно и неохотно рассказывает тётя Маша. — Сошлись мы с ним, а добра-то у обоих негусто. Одни ребятишки. У меня их осталось двое, да его тройка прибавилась. Куда как весело стало! А тут бац — война, и моего второго мужика отправили на фронт. Письма два получила, а потом — без вести пропал. — Она почему-то улыбнулась, но Вася заметил, что улыбка получилась грустная. Женщина помяла в руках край халата и вдруг подняла глаза на Лаптева.

— Самому младшему его сынишке года три было. Поплакала-поплакала, а делать нечего — надо за дела браться. Сирот жалко стало, оттого и сил прибавилось. Старшую дочь свою за домоседку оставила, а сама — куда только можно было совалась, чтоб на хлеб да на одежонку заработать. И дояркой была, и конюхом, и свинар-

кой, и грузчицей на станции. Люди советовали его ребят в детдом отдать. Не легло сердце — жалко мне их было, да и привыкла уж, как к своим. Ни в еде, ни в одежде от своих не отличала...

Вася оперся плечом о стену, чтобы легче было стоять на одной ноге, и приник ухом к щели, боясь пропустить хоть слово.

— Эвакуированные гнали как-то через наше село стадо, да и задержались на отдых. У меня квартировали дней пять. Ребят моих молоком поили, мясо давали. Уж перед самым отъездом узнали от соседей, что не все мои-то... Как узнали, так отругали меня — почему молчала. Посоветовались они между собой и решили дать мне корову хромую. Не догоним, говорят, всё равно до места, а ты, может, вылечишь. И вправду... уж мы с ребятами её холили! На славу получилась коровушка. Это нам вот как помогло. Пережили войну... А теперь — ребята большие!

Вася увидел, как тётя Маша ещё ниже опустила голову, чтоб спрятать глаза, и часто-часто затеребила пальцами полу халата. Ему вдруг показалось, что перед ним сидит совсем не тётя Маша, которую он привык видеть, а мужественная героиня, которой должны завидовать и Людмила Павловна, и многие другие женщины, в том числе и тётка Васи, у которой он воспитывался уже шестой год после смерти матери и которая больше всего заботилась о нарядах...

— А пенсию-то на них получала? — невпопад спросил Лаптев, чтобы, видимо, вновь заставить её говорить.

— Какую пенсию? — встрепенулась тётя Маша и влажными глазами взглянула на Лаптева. Вася, пожалуй, впервые рассмотрел, как следует, её глаза — светлые, ласковые.

— Какую пенсию? — ещё раз переспросила она и снова опустила голову. — Ведь он жив.

— Как жив?! — встрепенулся Лаптев.

Тётя Маша долго молчала, рассматривая пятно на своём белом фартуке, и ответила так тихо, что Вася едва расслышал:

— С другой живёт...

Лаптев так и ахнул от неожиданности, а Вася чуть не уронил костыль.

— Нашёл на фронте. Медсестрой она была. Сообщение мне сделал поддельное, а я не разобралась и хлопотать никуда не ходила. Мне солдат из соседней деревни рассказал об нём. Я не поверила, поехала туда. Оказалось — правда. Её видела. Она красивая.

— Ну и что же? — нетерпеливо и зло спросил Лаптев.

— А ничего... посмотрела... не стала беспокоить. Пусть живут. Ребятам, думаю, помощь не нужна, теперь выросли, Я им об отце ни слова. Без вести пропал, и всё тут. Только вот с тех пор говорить трудно стало, будто ком в горле стоит. Нелюдимой меня считают. А зачем свои слабости людям выказывать?

— Почему прощаешь ему, сукину сыну? — гневно спросил Лаптев. — Я бы ему, подлецу, покоя не дал и прежде всего алименты бы стребовал.

Тётя Маша тихо улыбнулась:

— Нет, не надо... Он, конечно, платить не отказался бы. Совесть свою успокоить... мол, помогаю воспитывать. Нет, этого не надо. Теперь баба к мужниным деньгам не привязана. Мой труд ценят, люди помогают. А главное — дети в люди выходят. Старшая дочь в учительском институте. А младший, Петька, ремесленное кончает. Вот ты говоришь — прощаю. Я не простила. Когда приехал он за детьми...

— Приезжал-таки?

— Приезжал... Жена его как разузнала про нас, так прогнала за детьми. Да... приехал. Пьяный явился вечером, стыдно трезвым-то. А я говорю ребятам: «Какой-то пьяница к нам в отцы набивается. Наш отец на фронте погиб. Гоните, детки, этого пьяного!». И прогнали...

Она помолчала, видимо, воскрешая в памяти мельчайшие подробности того вечера.

— Когда ушёл, мне и жалко его стало, и радостно, что сдачи ему дала, что не он меня, а я его победила, — и она с гордостью взглянула на Лаптева.

Вася не может оторвать глаз от разгоревшегося, взволнованного лица тёти Маши. Она настолько теперь преобразилась, выросла в его глазах, что он почувствовал себя перед ней тем самым придорожным сусликом, которым окрестил его Лаптев.

Тихо, крадучись вернулся он на своё место и, положив костыли на пол, лёг. Пружины койки громко заскрипели. Вася закрыл глаза.

Вскоре пришёл Лаптев. Он долго и шумно откашливался, словно стараясь разбудить всех больных и поделиться с ними чем-то необыкновенным, значительным, потом укрылся с головой, хотя и было жарко в палате.

Когда заснул и Лаптев, похрапывая и свистя носом, Вася услышал, как тихо открылась дверь. В палату вошла тётя Маша. Она включила свет и стала обходить кровати. Вот она поправила на Лаптеве сползшее одеяло, вот подняла книгу, выпавшую из-под подушки

старика бухгалтера, вот тихо подняла Васины костыли, повесила их на спинку кровати, в ногах, и повернулась к соседней койке.

— Спасибо, тётя Маша, — едва слышно сказал Вася ей вслед. Она обернулась и внимательно посмотрела на Васю.

— Что ты? — тихим протяжным голосом спросила она.

У Васи загорелись щеки от её настойчивого взгляда, ставшего опять сухим и непроницаемым.

— Ты что? — повторила тётя Маша и ближе подошла к нему.

— Спасибо, тётя Маша, что костыли повесили...

Глаза тёти Маши стали круглыми от удивления. Она вдруг опустила голову и засуетилась у столика:

— Спи, Вася, спи, сынок, некогда мне...

ПОРТСИГАР

Рассказ воспитателя

Как-то раз осенью пришёл в наш детский дом печник, класть новую печь. Солидный, высокий, молчаливый. Ребята познакомились с ним очень быстро, целый день сновали вокруг печки, которую он клал, помогали месить глину, подносили кирпичи, то и дело обращаясь к нему с вопросами.

Но Иван Иванович отвечал нехотя, односложно, — это не нравилось ребятам: человек внушительного вида, мастер, а разговаривать не умеет!

Зато была у печника вещь, на которую не могли смотреть без восхищения наши мальчишки, — самодельный портсигар!

На первый взгляд — так себе, простая алюминиевая коробочка, но что на ней нарисовано! Какие надписи! В центре крышки из кругленького окошечка, заделанного целлулоидом, выглядывает фотография гвардейца с орденами.

Вытащит из кармана печник свой портсигар, возьмёт папиросу и щёлкнет крышкой. Потом молча положит его на кирпич: смотрите, мол, но руками не трогайте.

И — не трогали! Смотрят, пальцем указывают друг другу на рисунки, а не трогают. Молчаливая строгость всегда больше действует.

И вдруг — встречает меня как-то печник расстроенный, злой.

— Воришки, — говорит, — у вас в детдоме прячутся.

— Какие воришки? — удивился я. — Быть не может! У нас давно забыли об этом. В чём дело?

— Портсигар мой стащили. Столько лет хранился, и вот тебе! Пожалуйста! Не дорога цена вещи, память дорога. Фронтовая память! Вы понимаете, Василий Петрович? Командир отряда перед штурмом подарил. Погиб он.

Я, конечно, понимал, и от этого мне было ещё тяжелее, но я всё ещё не сдавался.

— Да, может, — говорю, — затерялся где в кирпичах, вы поищите получше, Иван Иванович!

— Вы меня ребёнком, что ли, считаете? — насупил брови печник. — Я был бы очень рад, если б только затерялся, а не пропал. Я всё обыскал! Сам не хотел верить, что украли. Ведь никого не было на глазах-то. Отошёл за глиной на минутку, вернулся — а его уже нет. На кирпичике, как всегда, лежал.

— А может, забылись, Иван Иванович? — твержу я своё. — Может, оставили в другом каком месте? Мы поищем с ребятами. Уверен, что найдётся! Не расстраивайтесь. Ведь не иголка, не провалился же он сквозь землю!

— Нет, Василий Петрович, — вздохнул печник. — С воза упало — пропало. Вора бы знать, тогда другое дело. Или вы всё ещё не верите, что его украли? — с угрюмой насмешкой спросил он.

Я верил, но как мне не хотелось признаваться в этом! Как не хотелось класть пятно на честь хорошего детского коллектива из-за одного мальчишки. Я попросил печника не говорить никому о случившемся и дал слово найти портсигар.

Оставшись один, я стал думать, с чего начать поиски.

В памяти мелькнуло худенькое, курносое лицо Пети Карева — любителя «трофеев» и разных коллекций. Кроме него, никто не мог этого сделать — в этом я был почему-то уверен.

Может быть, прямо пойти к нему и сказать: «Поиграл, Петя, хватит, давай портсигар!». А если откажется и не отдаст? Чем я докажу, что портсигар у него?

Нет, тут надо что-то другое. Мелькнула очень рискованная мысль...

Когда я вошёл в общежитие, ребята сразу заметили, что я сильно взволнован, и, как обычно в таких случаях, бросились ко мне с сочувственными вопросами:

— Не заболели, Василий Петрович?

— Что-нибудь случилось?..

— Да, случилось, — сказал я подавленным голосом. — Очень плохое дело, ребята.

В коридор, где мы разговаривали, высыпали ребята из всех комнат и, услышав последние мои слова, притихли, насторожились.

Я стал медленно раздеваться, чтоб продлить минуты напряжения. Несколько ребячьих рук проворно потянулись к моему пальто, чтобы отнести на обычное место в коридоре. Краем глаза я заметил, что среди протянутых рук была и рука Пети Карева. Пусть, думаю, он повесит. Отдал ему и вошёл в комнату для старших мальчиков. Там мы всегда проводили беседы.

— У Ивана Ивановича, — тихо сказал я, когда все уселись, — пропал портсигар. Я очень боюсь, как бы он не подумал, что этот портсигар у него украл... — я сделал паузу, кашлянул, — кто-нибудь из нашего коллектива. Это было бы позором для всех нас! Ведь этот портсигар Иван Иванович хранит уже столько лет как фронтовую память о погибшем друге, с этим портсигаром он прошёл от Смоленска до Берлина... Я убедил Ивана Ивановича, что он просто его потерял. Я даже поспорил с ним, что вы его найдёте, что портсигар будет лежать через час в кармане моего пальто.

Я помолчал несколько мгновений, потом добавил:

— Честь коллектива, ребята, в ваших руках. Вас много, помогите мне найти портсигар. Обыщите всю территорию, все углы. Я был бы очень счастлив, если через час и в самом деле в кармане моего пальто оказался бы портсигар.

Встал отрядный вожатый Стёпа Бетин:

— Пошли, ребята, искать! Кто ищет, тот всегда найдёт! Пошли!

Через несколько минут все были на улице. Последним уходил Петя Карев, то и дело оглядываясь на меня.

Я ушёл в комнату девочек и занялся с ними подготовкой уроков, а из головы не выходило: положит или нет?

Слышно было, как ребята ходят по коридору, хлопают дверью. Они могут помешать Пете. Может, сказать, чтоб ушли?

Но вот в коридоре всё затихло. Через несколько минут тихо и жалобно скрипнула дверь. Робкие, быстрые шаги. Назад... Снова скрипнула дверь.

Положил ли? Нетерпеливо жду подходящий момент выйти в коридор, но уже начинают собираться ребята с разочарованными лицами.

Милые, дорогие глупыши! Там, где вы его ищете, не найдёте

никогда! Он или лежит уже в кармане моего пальто, или... Нет, он должен там лежать!

Стараясь держаться как можно спокойнее, я сказал ребятам, что час времени уже прошёл и пора проверить, лежит ли портсигар в условленном месте.

Подходил я к своему пальто с таким чувством, словно в кармане лежала граната, готовая каждую секунду взорваться. И я видел, что ребята с не меньшим страхом следят за моими движениями.

Я ощутил в своей руке холодный металл портсигара и, ещё не вынимая его из кармана, выражением своего лица сказал ребятам всё...

Они смотрели теперь на портсигар, как на чудо, и, наверное, всем стало понятно, что спрашивать о том, кто его положил в карман, не следует, — они молчали. Я хотел уже нести портсигар Ивану Ивановичу, но раздумал и предложил ребятам.

— Я понесу! Я! Я! — послышалось кругом.

Только Петя Карев стоял, нагнув голову, словно ничего не видел и не слышал.

— Что же делать? — сказал я. — Всем хочется нести. Чтоб никому не было обидно, сделаем так: понесёт тот, кто не лез вперёд. Вот Петя Карев вёл себя очень скромно, пусть он несёт.

Если бы вы только видели, сколько мольбы было в глазах Пети! Он взял в руки портсигар, как берут острую бритву, опасливо, аккуратно, и пошёл к выходу медленным, тяжёлым шагом, видимо, раздумывая над тем, что сказать печнику...

Никто из ребят не ожидал, что вместе с Петей придёт в общежитие Иван Иванович.

На глазах Пети ещё стояли слезы. Я подумал: не побил ли его печник вгорячах?

Но Петя во всём признался печнику... Петин отец погиб на фронте. Дядя на фотографии очень походил на отца.

— Он, ребята, дал мне слово — больше никогда... А я ему вот... дарю этот портсигар!..

Мы впервые услышали так много слов, сказанных молчаливым печником. Петька дрожащими от волнения руками держал портсигар и неотрывно смотрел на дорогие ему черты.

Михаил ГРИШИН

СТАРАЯ ПРЯЛКА, или Необыкновенные приключения Витьки Картошкина*

Повесть-сказка

1

Эта история приключилась на летних каникулах, когда Витька гостил у бабушки в деревне со смешным названием Большие Хомуты. Может, эти самые Хомуты и были когда-то большими, только сейчас от них осталось несколько домов, которые полого спускались к оврагу. Овраг был замечателен тем, что на самом дне его в кустах пряно пахнущего орешника жил родничок.

Раньше много народу ходило к нему за прохладной и вкусной водицей. Но со временем тропинка заросла, затерялась, к роднику всё реже кто захаживал. Некому. Только Витька, не обременённый всяческими домашними делами, любил сюда приходить. Вырабатывая в себе силу воли, он бесстрашно продирался к роднику сквозь заросли жгучей крапивы и чертополоха. Сидя на корточках, интересно было наблюдать, как со дна, поднимая песчинки, пульсировал водяной ключик. Было такое ощущение, что родник живой, — он дышал.

---

* Журнальный вариант.

Михаил Гришин родился в 1959 г. в Тамбове. В настоящее время работает в областной газете «Новая Тамбовщина».

Публиковался в «Тамбовском альманахе», журналах «Подъём», «Литературные незнакомцы» и др.

Автор трёх книг прозы: сборника рассказов «Дождь, самогон и коробка конфет» и «Паутина» (Тамбов) и романа «Вкус мести» (Москва).

В 2008 году принят в Союз писателей России.

Сверху сквозь зелёную листву орешника пробирались солнечные лучи, серебристо отражались в воде, ласково пригревали Витькину вихрастую макушку. А пахло травой так, что дух захватывало.

Витька сколько угодно мог так сидеть, размышляя о том, как там чувствует себя родничок под огромной толщей земли. Не верилось, что струйка воды толщиной с обычный карандашик сама, безо всякой на то помощи, как какой-нибудь гейзер, сумела выбраться на поверхность. Витька однажды даже провёл эксперимент: нагрёб сверху горку мокрого песка, но упругий фонтанчик его размыл, упорно пробившись на свет.

— У меня тоже такой характер, — похвалился перед ним Витька. — Уж если я что задумал, обязательно исполню.

Тихоней и слюнтяем он себя не считал. Он был бесстрашным, живым и добрым человеком. И Витька, сжалившись, раскопал в том месте, где пульсировал водяной ключик. Фонтанчик, освобождённый от земли, побежал веселее, негромко зажурчал в благодарность.

И сделалось от этого Витьке радостно! Стало ещё интереснее наблюдать за живым родником!

Иногда Витька мечтал, что окружавший его шиповник, густо переплетённый колючей ежевикой, — непроходимые джунгли, известные всем, кто учил географию. И ветви орешника, сомкнувшиеся над его головой, приобретали таинственность, создавали зелёную чащу, в листве которой щебетали и порхали невидимые птицы. И уж, конечно, не те, которые ему приходилось видеть ежедневно, а тропические, в ярком цветастом оперении.

В такие минуты Витька чувствовал себя знаменитым путешественником и неутомимым исследователем. Сравнение ему ужасно нравилось. Он прямо не мог усидеть на месте, непременно хотелось что-нибудь исследовать. Царапая колени, Витька смело углублялся в непроходимую чащу, внимательно ко всему прислушиваясь и приглядываясь, чтобы случайно не проглядеть что-то важное.

Однажды после долгих поисков нашёл старую консервную банку, которая, видно, осталась от других путешественников. Витька песком очистил её от ржавчины и принёс к роднику, где пил ледяную воду до тех пор, пока не заломили зубы. Потом повесил её тут же, на кустик. Бесполезная ранее банка сразу стала полезной вещью.

Довольный собой Витька загорланил на все джунгли песенку собственного сочинения:

Я известный путешественник, го-го-го!
Не могу жить без приключений, го-го-го!

2

Но вот в жизнь Витьки вошло настоящее приключение, и его жизнь стала гораздо интереснее, волнующей, полной загадок. Чудес, конечно, не бывает, это он знал точно. И какие могут быть чудеса, если люди уже готовят экспедицию на Марс. И всё-таки… И всё-таки чудо случается.

Этот день для Витьки начался с приятного происшествия. Он спал, когда совсем близко пронзительно прокричал петух. Витька вздрогнул и проснулся. Он чуточку приоткрыл один глаз и увидел на подоконнике настежь распахнутого окна соседского петуха. Сон сразу пропал: с петухом у Витьки были свои, ещё старые счёты. Однажды, когда он мирно шагал с бидончиком к тёте Марусе, занятый важными размышлениями о пользе козьего молока, коварная птица молча выбежала со двора и ни с того, ни с сего налетела. Витька еле отбился. Но с этого дня петух словно специально подстерегал его; чуть завидев Витьку, он с грозным видом устремлялся навстречу. Во избежание кровопролития Витька был вынужден теперь ходить по другой стороне улицы.

Петух стоял на подоконнике и то одним, то другим глазом презрительно косился на Витьку. Витька запустил в него кроссовкой. С громким квохтаньем петух вывалился на улицу и с позором бежал, распушив крылья и разинув клюв.

— Попадись мне ещё! — пригрозил ему Витька из окна. — Хвост враз ощиплю!

Посрамлённый перед курами, петух от стыда забился под хозяйское крыльцо, затаив на отчаянного мальчишку лютое зло.

Походкой человека, только что совершившего геройский поступок, Витька прошел на кухню, где на столе, заботливо накрытый сверху чистым полотенцем, ждал завтрак, загодя приготовленный бабушкой. Витька, недолюбливавший козье молоко за его очень уж жирное свойство, на едином дыхании опорожнил кружку, торопливо закусив мягким ноздреватым хлебом. Прислушиваясь к тому, что у него происходит внутри, с надеждой потрогал мускулы. Утешая себя тем, что Шварценеггер тоже не за один день сделался силачом, вышел во двор. Щурясь на солнце, поглядел в огород. На том конце среди зелёных картошечных плетей виднелась согбенная бабушкина фигура в белом линялом платке.

Сперва Витька хотел помочь ей в прополке огорода, потом передумал. После одного случая доверием у бабушки он не пользовался. Тогда Витька посчитал, что махать тяпкой большого уменья не надо. Чтобы доказать, что хотя он и считается городским жителем, но выдержит любые трудности, предложил свои услуги.

— Вот и хорошо, — обрадовалась бабушка. — А я минутку передохну.

Гордый оказанным доверием, Витька взмахнул тяпкой. Бабушка с интересом глядела на нежданного помощника. Не успел Витька войти в азарт, как бабушка испуганно всплеснула руками:

— Ты что ж это, аль картошку не видишь?

Не переставая орудовать тяпкой, Витька успокоил:

— Ты не переживай… её вон здесь сколько… картошки-то.

— Теперь что ж, всю её подчистую и рубить надо, — рассердилась бабушка и отняла у него тяпку. — Ты меня на зиму так без картошки оставишь. Иди уж… отдыхай.

Витька не обиделся, по голосу было видно, что скоро бабушка злиться перестанет. Это только с виду она такая строгая, а вообще-то у него бабушка добрая, быстроотходчивая.

Витька огляделся по сторонам, ища, чем бы заняться, — не стоять же истуканом посреди двора. Тут он вспомнил о роднике. Витька давно хотел смастерить там скамейку, да всё как-то не было времени. Осенённый прекрасной мыслью, тяжелой трудовой походкой человека, знающего себе цену, пошёл в сарай. Сказать по правде, Витьке очень хотелось доказать бабушке, что работы он не боится. Вот смастерит он великолепную скамейку, освободит тропинку от бурьяна, тогда всякий сможет, когда захочет, ходить к роднику за водой. В колонках вода ржавая, дерьмовая вода, не то что в Витькином роднике. Её пьёшь, пьёшь, прямо никак напиться не можешь. Холодная вода, вкусная.

Если бы Витька постоянно жил в деревне, он всю жизнь до самой смерти пил бы только родниковую воду. Она здесь особенная, потому что вытекает прямо из-под земли, загрязняться не успевает. Вот закончатся каникулы, он уедет в город, а память о нём останется. Пусть в его отсутствие люди ходят за водой да отдыхают на лавочке, ему не жалко.

Витька представил себе, как бабушка будет хвалиться перед соседями: золотой, мол, парень, всё спорится у него в руках. И соседи, которые сейчас к Витьке относятся без должного уважения, будут

тогда охать и ахать: как это они сразу не могли разглядеть в нём трудящегося человека. Думать так было приятно…

Покосившаяся дверь сарая подалась не сразу. Витьке пришлось изрядно повозиться, прежде чем она с ужасным скрипом отворилась.

В сарае было жарко и тесно от громоздившихся всюду старых вещей. Витька зажмурился, пережидая, когда глаза привыкнут к темноте. Но стоять с закрытыми глазами оказалось ещё хуже, чем с открытыми. В душе завидуя кошкам, для которых увидеть ночью даже самую крошечную мышку — плёвое дело, Витька перестал жмуриться. В углу сквозь узкую щель с улицы точил пыльный луч. Витька не спеша оглядел окружавший его хлам: с чего бы начать?

Тут он разглядел скворечник и несказанно обрадовался. Стать обладателем настоящего птичьего домика он и не смел мечтать. Витька не мог припомнить, чтобы в деревне у кого-либо висел скворечник. Значит, у него одного на будущий год поселятся скворцы, а потом они выведут и скворчат. От такой заманчивой перспективы у Витьки аж захватило дух. Он с ещё большим рвением стал копаться в старых вещах, выискивая такие нужные в его хозяйстве вещи.

Вековая пыль, поднятая от ветхих предметов, щекотала ноздри. Витька терпел, вытирая грязной ладошкой сочившийся по лицу пот.

И тут… Занятый делами Витька услыхал, как в сарае кто-то негромко чихнул. В том, что чихнул не он, Витька мог поклясться самой страшной клятвой, какая только бывает на свете. Он перестал ковыряться и оглянулся. Распахнутая настежь дверь зияла светлым дверным проёмом. Витька подумал, что ему показалось, и опять стал вытаскивать из груды вещей старую деревянную прялку. Но тут опять кто-то чихнул.

Теперь Витька в этом ни капельки не сомневался. Медленно пятясь к двери, он приглушённо спросил:

— Кто здесь?

В этот момент лёгкий ветерок, из любопытства заглянувший в полумрак сарая, колыхнул свисавшую с потолка паутину. Витька почувствовал, как его лица коснулась липкая и мохнатая лапа невидимого чудовища. С диким воплем он рванулся к спасательному проёму, но в дверях запнулся, растянувшись во весь рост. За его спиной тут же раздалось писклявое:

— Хи-хи-хи!

Не переставая по-заячьи верещать, он на четвереньках торопливо выполз из сарая.

Врассыпную брызнули перепуганные куры, закатывая глаза и

икая, пробежал голенастый бабушкин петух. Кот Васька с противным воем стремительно вскарабкался на дерево, притих, затаившись в кроне.

На улице светило солнце, белые бабочки капустницы порхали над зелёной травой, из огорода пахло мятой и укропом.

Витькина душа из пяток неохотно вернулась на положенное ей место. Он огляделся: бабушка все также трудилась в огороде, далеко на лугу женщина по имени тетя Маруся доила свою козу Фроську. Отсутствие свидетелей проявленной им трусости несколько его воодушевило. Витька поднял камень и запустил им внутрь сарая. Чтобы нагнать побольше страху, заорал хриплым голосом:

— Эй, кто тут есть? А ну, выходи!

Камень, видимо, попал в цель, так как из сарая тут же донеслось жалобное:

— Ой!

Витьке стало стыдно за свой неприглядный поступок. Набравшись храбрости — негоже такому молодцу, как он, испытывать страх, — вошёл внутрь. И всё же голос его слегка дрожал, когда он спросил:

— Ты кто?

В углу, в свете тонкого пыльного лучика, шевельнулась серая тень. Витьке стоило огромного труда не убежать.

— Я-то? Я Бабася.

Витька смутно, но всё же разглядел маленькую древнюю старушонку. Судя по её дремучему виду, было старушонке не менее ста лет, а может, и все двести. Витька зажмурил глаза и помотал головой, но старушка не исчезла.

Шаркая подошвами разношенных башмаков, она с кряхтеньем, но довольно-таки ловко перелезла через груду хлама. Вблизи он уже более детально разглядел её ветхий наряд: коричневая вязаная кофтёнка, штопаная-перештопанная, да мешковатая не по росту тёмная юбка, латанная в нескольких местах нитками прямо через край. Голова старушки, покрытая ерундовым шерстяным платком, порванным на самом видном месте, была похожа на кокон бабочки павлиний глаз, который ему приходилось находить в кустах сирени.

Но более всего Витьку поразили глаза. Несмотря на почтенный возраст старухи, они сохранили живой блеск, юркими мышатами шныряли под теплым платком. Создавалось такое впечатление, что её выразительные глаза жили сами по себе. Витька стоял, разинув

рот. Очнулся, когда старуха, шамкая беззубым ртом, сердито спросила:

— Ты чего ж это в меня камнем-то шибаешь?

Витька смутился:

— Я это… я нечаянно.

— Нечаянно, — передразнила старушка. — За нечаянно бьют отчаянно. Вот возьму каменюку-то, да и шибану им в обрат.

На всякий случай отступив, Витька стал торопливо оправдываться:

— Ну, что вы, бабушка. Это вовсе и не каменюка, а так себе… камушек… ма-а-аленький такой.

— Какая я тебе бабушка? — слегка вскипела старушка. — Я Бабася.

Стараясь быть повежливее (во-первых, так полагается вести себя с пожилыми людьми, а во-вторых, чтобы окончательно не разозлить эту чокнутую старуху), Витька спросил:

— Скажите, пожалуйста, а что вы делаете в нашем сарае?

— Что делаете, что делаете? Живу я здесь!

3

Если бы старуха призналась, что она свалилась с Луны, Витька удивился бы меньше всего. Но жить в сарае? Что-то раньше он её здесь не встречал. Впрочем, возможно, что Бабася, как она себя называет, изредка и забредала сюда переночевать. От бабушки он слышал, что в старину по деревням ходили такие бездомные люди, их называли странники. По-своему истолковав её ответ, Витька опять спросил:

— Вы странница?

— Сам ты странник, — обиделась старуха. — Я тебе русским языком говорю: живу я здесь.

— Вам бабушка разрешила погостить? — допытывался Витька.

Старуха аж притопнула ногой от его бестолковости:

— Что ты всё наладил, бабушка да бабушка. Если хочешь знать, я сама себе хозяйка и гостья. А знакома я была ещё с бабушкой бабушки твоей бабушки.

Вот так сходу проследить родственную связь всех бабушек было никак не возможно, и Витька честно признался:

— Ничего не понял.

Старушка схватилась за голову:

— За триста лет я ещё никогда не встречала такого бестолкового мальчишку.

Витька широко распахнул удивлённые глаза. Если быть честным, ему никогда ещё не приходилось видеть перед собой такого древнего человека. Или хитрая старушка над ним смеётся, или… Не в силах совладать с любопытством, Витька сглотнул слюну:

— Бабася, а вы… вы меня не разыгрываете… Ну, что триста лет вам уже?

Старушка пошептала, подсчитывая, и, видимо, не доверяясь своей памяти, неопределённо сказала:

— Может, и больше… Годков этак на сто…

Тут уж Витька такого хвастовства вытерпеть просто не мог. Забыв про приличие, необдуманно брякнул:

— Хватит заливать-то!

Старуха вопросительно приподняла брови, преломив их домиком.

Витька, от стыда покраснев как рак, запинаясь, пояснил:

— Ну… это самое… обманываете вы меня…

— Мал ещё в обмане меня уличать, — строго сказала Бабася. — Ежели по-настоященски разобраться, за такое непочитание к моей преклонной старости всыпать тебе надобно… дюжину розог…

Немного обеспокоенный этим обстоятельством, Витька решил внести ясность:

— Что вы, Бабася… сейчас розгами не наказывают.

— А жаль, — опечалилась старушка.

Витька осторожно возразил:

— И ни капельки не жаль. Это за что ж меня наказывать?

— Знамо за что.

— Ну а всё-таки?

— За то, что веру потеряли в нас… духов. Вроде как мы и не существуем. А ведь было время, мы внушали боязнь и уважение. Ни одно даже маломальское дело не обходилось без нашего участия…

— Это что…

— Подожди, не перебивай. Повсеместно было принято задабривать нас, чтобы… чтобы делали мы людей счастливыми…

— Это что ж за духи такие? — всё-таки перебил её Витька.

Старушка пристально к нему пригляделась, наверное, сомневаясь, насколько можно довериться этому подозрительному мальчишке с облупленным носом на веснушчатом лице да вечно исцарапанными коленками. И, видимо, не заподозрив щуплого на вид Витьку

в широких на вырост шортах, у которых то и дело сползала резинка, в каких-то недобрых намерениях, спросила:

— А знаешь ли ты, добрый молодец (тут Витька подбоченился, выпятив свою богатырскую грудь), что прихожусь я двоюродной сестрой Кикиморе. Может, слыхал о такой?

Витьке вспомнилась старая книга русских сказок и былин. Там было одно существо такого противного вида, какого в наше время только на картинке и увидишь. Он туманно ответил:

— Да… то есть нет!

Старушка ещё раз к нему пригляделась и вздохнула:

— Мы всё больше по избам поселялись… хозяюшкам помогали. Кикиморы, те, как правило, шитьём занимались… а мы, духи-Бабаськи, пряли. Ох и мастерица я была прясть. Бывало, за ночь столько напряду пряжи… что самой не верится. А сейчас что ж… Нет того куража. А всё оттого, что хозяева настоящие перевелись… Никто уже не водит ни овец, ни коз… Вот и шерсти браться неоткуда. Какой век так в рваном платке и хожу. Ох и стыдобушка.

Витька, любитель всяческих тайн и секретов, стоял, широко открыв глаза, и жадно слушал.

— Так испокон века у прялки и нахожусь. Вроде как её охраняю. Бывало, нас радовали чаркой браги и чашкой снеди. Считалось, как нас задобришь, так и жить будешь. Это теперь я перебиваюсь, чем придётся…

— Вы что ж, мышей ели? — ужаснулся Витька.

Старушка постучала согнутым пальцем его по лбу:

— Ты что, милый, того? Аль у тебя голова чепухой всякой забита? Дурашка, ты и есть дурашка.

Витька надул губы, ему до слёз было обидно слышать о себе такое.

— Чего вы обзываетесь, — сказал он дрогнувшим голосом.

— Сам хорош, — укоризненно ответила старушка и, нарочно косноязыча, противным голосом передразнила: — Вы мы-ы-ышей ели… Надо же такое придумать! С кошкой меня сравнил. Тьфу, сорамник!

Витька и сам уже сообразил, что, если долго находиться в одиночестве, любой человек поневоле одичает, но вот с мышами он, конечно, перегнул. Он виновато взглянул на старушку, которая стояла с обиженным видом, демонстративно отвернувшись. Выказывая своё дружелюбие, Витька примиряюще сказал:

— Бабась, а Бабась… давай мириться.

В глазах старушки пробудился интерес:

— Как это… мириться?

Обрадованный тем, что Бабася оказалась незлопамятной, Витька торопливо и горячо объяснил ей церемонию заключения мирного договора. Они сплели свои мизинцы.

— Мирись, мирись и больше не дерись!

Витька, гордый тем, что завёл дружбу с таким замечательным существом, как Бабася, преисполненный важности момента, ещё от себя добавил:

— Мир заключается на вечные времена.

Процедура заключения мира на вечные времена получила полное одобрение старушки:

— Ишь ты, как сказано… Значит, мирись, мирись… И не абы как… А на вечные времена!

Витька с готовностью кивнул:

— Ага!

Бабася наморщила свой крошечный носик, будто собираясь чихнуть. Но, к удивлению Витьки, не чихнула, а тихонько захихикала:

— Хи-хи-хи!

Это она так смеялась.

Догадываясь, что её писклявый смех — предвестник веселья, Витька радостно запрыгал на месте:

— Ура!

Его настроение передалось и Бабасе. Давно она так не веселилась.

— Жить мне, не пережить! — воскликнула старушка и так лихо притопнула великоватыми башмаками, что Витька даже испугался за её здоровье.

Но Бабася от древности, как ожидалось, не развалилась, чем ещё больше вызвала к себе уважение.

— Ну, Бабася, ты даё-ёшь! — восхитился Витька.

— Это ещё что, — похвалилась старушка. — Я и не такое могу.

Она по-молодому взмахнула руками, срывая голос, крикнула:

— Э-эх, милай!

И хотела уже пойти плясать вприсядку. Но вот тут-то и случился с ней казус, который впоследствии Витька без гомерического хохота не мог вспоминать. Стоптанный каблук старушки задел нижний конец доски, прислонённой к стене.

— Бабася! — крикнул, упреждая, Витька, но было уже поздно.

Висевшая на гвозде плетёная корзина, сбитая доской, свалилась сверху прямо на старушку, да так удачно, что накрыла её с головой. Перепуганная от неожиданности Бабася одичало ухнула из-под корзины. Может, на этом всё и закончилось бы, но опять подвела коварная доска. Её верхний конец, потеряв опору, обрушился на старушку, ударив по днищу перевёрнутой корзины.

Витька крепко-накрепко зажмурился, даже ладошками торопливо прикрыл свои глаза. Раздался неимоверный грохот, который, наверное, был слышен на другом краю деревни. А когда он глаза открыл, старушка, придавленная доской, лежала на полу, высоко задирая башмаки. Витька поспешил ей на помощь.

Видя, как старушка, пытаясь подняться, напрасно сучит в воздухе ногами, Витьку начал душить смех. Вначале он изо всех сил крепился, подозрительно хрюкая себе в губы. Но, когда убрал с неё тяжеленную доску и помог освободиться от корзины, не выдержал, от души расхохотался во всё горло. Лицо Бабаси украшал синяк, величиной со здоровенную сливу, который прямо на глазах наливался лиловым цветом, отчего левая сторона её лица стала заметно криветь.

Как все порядочные мальчишки, Витька понимал, что смеяться над пожилым человеком неприлично, но, к своему стыду, остановиться не мог. Он сложился пополам и вывалился на улицу. Прижимая к животу руки, катался по тёплой траве и хохотал так, словно ему щекотали пятки.

Соседский петух, слегка оправившийся от позора, в одиночку бродил по своему двору, мстительно косясь в Витькину сторону. После утреннего конфуза, когда ему пришлось сломя голову убегать с чужого двора, он, может, и не решился бы в очередной раз ступить на неприятельскую территорию, не произойди в этот момент одного весьма существенного обстоятельства. Ему посчастливилось найти очень жирного и вкусного даже на вид червяка, и он собрался совсем уже было его проглотить, но вот тут-то и раздался громкий хохот ненавистного ему мальчишки. Петух только на секунду отвлёкся, как расторопный червяк успел благополучно скрыться в своей норке. От такой неудачи петух прямо рассвирепел. Он не мог не поддаться такому соблазну, как задать взбучку этому нахальному сорванцу. Распушив крылья, с грозным видом петух со всех ног понёсся к ничего не подозревающему Витьке.

Произошло короткое, но кровопролитное столкновение, в результате которого у мальчишки до крови были поцарапаны руки, а мстительная птица понесла урон в виде выщипанного хвоста. С паническим квохтаньем «Спасайся, кто может!» петух пустился бежать, не оглядываясь и не выбирая дороги. Победно размахивая переливающимися на солнце перьями, с громким криком Витька преследовал своего врага аж до самой межи, разделяющей два огорода. А вот пересечь саму межу он не осмелился.

Хозяином коварного и мстительного петуха был страшный на вид дед Левонтий. С вечно угрюмым выражением на лице, с бородой как у колдуна (жёсткие волосы росли у него даже из ушей и носа), он внушал Витьке беспричинный страх и беспокойство. Говорили, что дед Левонтий обладает невиданной в этих краях силой. Железные подковы он гнул так же легко, как какую-нибудь алюминиевую проволоку. За нелюдимый характер бабушка его недолюбливала и за глаза называла Лешим. Попадаться в его клешнятые руки, больше похожие на огромные лошадиные копыта, Витьке совсем не хотелось. Поэтому он остановился на безопасном от его дома расстоянии и запустил в петуха комом тёплой земли, издалека пригрозил:

— Попробуй ещё приди на наш двор!

Неизвестно, слышал его петух или нет, но после этого случая он словно в воду канул. Очевидно, затаился где-то в укромном месте, вынашивая злобные планы и готовясь к новому нападению.

Витька, возбуждённый дракой, повернул назад, прошёл вдоль изгороди, время от времени всё же опасливо оглядываясь. Своей победой над неприятелем ему захотелось поделиться с Бабасей. Он пожалел, что она не видела его геройской битвы.

В сарае стояла пропахшая пылью тишина.

Витька негромко позвал:

— Бабася!

Нет ответа.

— Бабася!

Опять нет ответа.

Только в углу, там, где находилась старая прялка с потрескавшимся от времени колесом, кто-то издавал протяжные негодующие звуки: «У-у-у!»

4

Перед сном, уже лёжа в постели, Витька всё думал про Бабасю и решил осторожно расспросить бабушку:

— Бабушка, а бабушка, а вот старая прялка у нас в сарае… Она что… давно там валяется?

— Что-то ты о прялке вспомнил? — сразу насторожилась бабушка, относившаяся к затеям внука с большой подозрительностью.

Недавнее его изобретение называлось «праща». Гайка с привязанной к ней крепкой бечевой представляла собой грозное оружие. Если её сильно-сильно раскрутить, а потом запустить, то она летела так далеко, что её не было видно, и могла запросто поразить любую цель. Витька даже пробовал с ней один раз охотиться. Правда, неудачно: на свою беду, он вдрызг расколотил оконный глазок. Чтобы вставить стекло, бабушке пришлось просить страшного деда Левонтия.

— Это я просто спрашиваю, — быстро сказал Витька.

Бабушка долго молчала, а потом ответила со вздохом:

— Давно-о. Её ещё твоя прапрабабушка в приданое получила.

— А приданое — это что такое?

— Приданое-то? Это когда невесте её семья даёт… какое-нибудь имущество… Для жизни в замужестве… Вот, помню…

Тут хитрая бабушка, будто бы к слову, а на самом деле в воспитательных целях, ввернула поучительную историю из своего далёкого детства. Этих самых историй она знала в несметном количестве. Витька очень удивлялся; оказывается, как много всякой всячины может умещаться в одной человеческой голове.

Из её рассказа выходило так, что нынешние ровесники Витьки, дети, как правило, жестокие, капризные и неуважительные, в отличие от того старинного времени, когда все дети были очень послушными и очень вежливыми. Они не ковырялись в носу, не показывали язык и не выражались «круто», «ништяк», «предки» и другими дурацкими словечками, а говорили правильные и такие необходимые в любом обществе слова «пожалуйста», «извините», «будьте добры».

Витька представил разговор двух послушных девочек.

— Лидочка, съешь, пожалуйста, дохлую кошечку!

— Ой, Машенька, спасибо тебе большое за заботу! Я так голодна с утра. Всего лишь крошечного паучка проглотила.

— Лидочка, скажи, пожалуйста, вкусный тебе паучок попался?

— Машенька, миленькая, честно говоря, я не раскушала. Но мне кажется, маринованные мыши намного вкуснее.

Витька захихикал.

— И совсем даже не смешно, — обиделась бабушка.

— Я не об этом, — быстро перебил Витька. — Я хотел узнать… Вот душа… она у каждой вещи есть? Например, там, у реки… камня… дома… Или только у одушевлённых существ?

Такой умный вопрос поставил бабушку в лёгкое замешательство. Она, конечно, могла бы притвориться спящей, но бабушка, помолчав, ответила:

— Душа-то? Душа, она, внучек, у всех людей есть.

— А у животных? — спросил Витька, но, почему-то подумал про ненавистного ему петуха, хотя это было никакое ни животное, а домашняя птица.

— И у животных.

— Ну, а вот… вот, — Витька заёрзал в постели, — например, у камня… или… или… дома? — он задал волновавший его вопрос и затаил дыхание.

После недолгого колебания бабушка честно призналась:

— Про камень я тебе, внучек, ничего сказать не могу. Камень, он и есть камень. А вот насчёт дома… Были раньше такие духи — обереги их звали. В поле, например, дух Полевик жил. Помню, папаня его задабривал двумя куриными яйцами. Он их оставлял на меже… Если утром яйца исчезали, значит, урожай в этом году будет хорошим. А вот мы, детишки, всё больше боялись Полудницы… Маманя говорила, что это сотканная из солнечных лучей девушка в белом платье, которая за баловство в поле могла и наказать. Ленивые работники боялись Межевиков и Луговиков, которые вили из травы верёвки и душили нерадивых работников, если они в рабочую пору спали. В бане жила Обдериха, она грозила всяческими карами грязнулям… Кикиморы ещё разные были. В лесу хозяйничал страшный Леший.

— А какой он, бабушка?

— Леший-то? А чума его знает. Сама не видела, врать не буду. Люди говорят, что похож на старика с лицом, заросшим волосами. А вот Домового видеть мне довелось. Ну, это который в доме жи-

вёт… Он призывает к тому, чтобы в избе всегда было уютно… А за это просит блюдечко молока… Домовой пришёл ночью — внезапно. Но тихо и осторожно. В ту ночь я легла позднее всех своих домочадцев. И думала, усну без задних ног… ан не тут-то было. Только я стала засыпать, как вдруг из тёмного угла на мою кровать приземлилось чёрное пятно. Мурашки пробежали по всему телу, а сердце точно ушло в пятки. Я прищурила глаза в надежде рассмотреть это что-то. Это было маленькое волосатое существо с тёмной шерстью и большими жёлто-зелёными глазами. Тело моё всё оцепенело, он смотрел на меня, заглядывал в глаза. А потом что-то закурлыкал, то ли замяукал и протянул ко мне мохнатые лапы. Я знала, что у домовых принято душить, и испугалась. Как ненормальная, быстро быстро зашептала: «Чур меня! Чур меня! Чур меня!» Тут он и исчез.

Бабушка протяжно вздохнула, зашуршала одеялом. Витька догадался, что она крестится. Выждав немного, поинтересовался:

— Бабушка, а бабушка, а ты с ним потом не подружилась?

— С кем?

— Ну, с этим… существом с тем.

— Бог с тобой, — бабушка опять зашуршала одеялом. Витька услышал её торопливый шёпот: «Господи Иисусе! Господи Иисусе!»

— И придёт же на ум такое! — подала она опять голос.

— А что здесь такого? — Витька сел в кровати, по-индейски скрестив ноги. — Мне, например, с любым чудовищем познакомиться — плёвое дело, — сказал он, похваляясь своей смелостью.

Бабушка всплеснула руками:

— И-и, непутёвый… Ты думай, что говоришь-то. Вот схватит, — припугнула она, — узнаешь тогда.

— Меня никто не схватит, — независимо сказал Витька. — Я сам кого хочешь схвачу.

На это бабушка ничего не смогла ответить, только вздохнула и шумно заворочалась, укладываясь удобнее.

— Спи… балабол, — сказала, засыпая.

Наступила тишина. Свет далёкой луны красил комнату в мертвенно голубой цвет. Витька вспомнил, что самые ужасные и необъяснимые вещи происходят в полнолуние. От этого на душе у него стало как-то неспокойно. На него словно повеяло ледяным холодом. Он поёжился и юркнул под тёплое одеяло.

В подполье зашуршал кто-то невидимый. Прислушиваясь, Витька затаил дыхание. Погодя непонятное шуршание переросло в громкое скребышение, словно этот невидимый злобно точил на кого-то когти. Неизвестность пугала. Витьке очень хотелось думать, что это возится мышь. Поколебавшись, он протяжно замяукал, подражая коту Ваське, когда тот бывал голодным.

— Мя-я-у-у!

И опять:

— Мя-я-у-у!

И хотя толстый и ленивый кот грозою мышей никогда не числился (Витька сам был однажды свидетелем того, как Васька, развалившись, мирно лежал в тенёчке, сытно жмурясь на пробегавших мимо него мышей), ему показалось, что в подполье стало как будто тише. Он уже более громко сказал:

— Мяу!

— Брысь, окаянный! — сквозь сон прикрикнула бабушка и опять устало засопела.

Липкий страх на мгновение отпустил. Витька тихонько захихикал. Но тут кто-то стал ходить по потолку. Под его ногами жалобно скрипели потолочины. Витьке стало опять не до смеха. Ко всему этому луну заслонили лохматые чёрные даже в ночи мрачные тучи.

Но самое страшное случилось потом: завыла соседская собака. От её тоскливого одинокого воя у Витьки шевельнулись волосы. Он с головой накрылся одеялом, оставив узкую щель, чтобы дышать. Ведь каждому мальчишке была известна эта верная примета, что собака воет к покойнику.

Тут бабушка громко всхрапнула, и Витька, от неожиданности объятый ужасом, сдавленно вскрикнул, уткнувшись лицом в подушку.

5

Под утро страхи ушли. Витьке даже приснился сон, будто играют они в футбол с незнакомой старушкой, которая ему кого-то напоминала, но во сне он так и не мог вспомнить — кого. Вместо мяча они с азартом пинали ржавую консервную банку. И, значит, эта самая старушка, несмотря на свою ветхую древность, отмеченную уродливым горбом и лицом, испещрённым тёмными и глубокими морщинами, так ловко поддела банку ногой, что она, описав

правильную дугу, повисла на изгороди.

— Ничего себе! — разинул рот потрясённый Витька.

— А ты как думал?!

Старушка скорчила язвительную рожицу, высунув при этом длинный-предлинный язык. Он видел её лицо близко и выпукло, словно в фокусе.

— Э-э-э! — начала она перед ним кривляться.

Витька вздрогнул и проснулся. Сердце маленьким воробышком трепыхалось в груди. Ещё никогда ему не приходилось видеть столь дурацкий сон.

В горнице вовсю светило солнце. Тёплую тишину нарушал только размеренный стук старых ходиков на стене. Глаза нарисованной на них кошки ехидно бегали по сторонам. Тик — туда, так — сюда. Тик — так, туда — сюда. Тик — так, тик — так. Туда — сюда, туда — сюда.

У Витьки давно чесались руки добраться до ходиков. Любопытно было поглядеть, как там устроено внутри.

Но бдительная бабушка, вовремя рассекретив его потаённые мысли, строго предупредила:

— Часы трогать не моги!

Витька был не таким, чтобы расстраиваться по пустякам.

— Хорошо, бабушка, — сказал он покладисто. — Можешь не волноваться! — тут же надумав использовать их по прямому назначению: раз уж там была нарисована кошка, сделать из неё портрет кота Васьки, что, конечно, бабушке будет приятно, ведь она так его любит. На этот случай он даже запасся чёрной краской, банку которой бабушка по своему незнанию выкинула как негодную. Это ничего, что краска засохла и выглядела, как какая-нибудь доисторическая окаменелость. Разбавить её керосином — пара пустяков.

Не имея привычки откладывать важные дела, сегодня Витька скорее всего и приступил бы к осуществлению своего замысла. Но попробуй займись тут делом, если из головы никак не идёт этот дурацкий сон. Предчувствие неизвестного будущего одновременно манило его и пугало. Тут нужно так рассуждать. Игра с уродливой старухой в футбол — это, наверное, к тому… Не успел Витька так подумать, как его глаза помимо воли распахнулись так широко, что им аж сделалось больно.

— Бабася! — вспомнил он вчерашнее знакомство, и его с кровати как ветром сдуло.

На полу жёлтые разводы солнечного света. В другое время Витька не упустил бы возможности понежиться в его лучах. Приятно было чувствовать босыми ногами тепло и, глядя на солнце, в блаженстве щурить глаза. Но сейчас был не тот случай. Пренебрегая бабушкиным советом, что все порядочные люди ходят в дверь, Витька прямо с подоконника распахнутого окна сиганул на улицу. Распугивая кур, он на всех парах пронёсся по двору. С разбегу проскочил мимо сарая, ожигая пятки о траву, притормозил, вернулся и рывком распахнул дверь. Той смелости, которой зарядился в спальне, хватило как раз до дощатой двери. Витька застыл в проёме. Сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Осиливая в груди беспричинный страх, неуверенно окликнул:

— Бабася!

Подождал и уже более громко позвал:

— Бабася! Бабася!

— Ну, чаво орёшь как оглашенный? — донёсся голос из темноты.

— Гы-гы, — лицо Витьки распахала счастливая улыбка. — А я уж думал, мне всё это приснилось.

В углу знакомо чихнули, и на свет, кряхтя, вылезла вчерашняя древняя старушонка. Фингал у неё под глазом окончательно убедил Витьку в яви. Он тихонько затрясся от смеха, но, встретившись с её сердитым взглядом, моментально сделал серьёзное лицо и, как добропорядочный человек, сказал:

— Доброе утро, бабушк… — тут он вовремя прикусил язык и поправился. — Бабася!

— Как, как ты сказал? — польстило старуху принятое среди людей приветствие, которое в бытность свою духом слышать ей ещё не приходилось.

— Доброе утро, — послушно повторил Витька.

— Погоди, погоди, — перебила она и, высвободив из-под пухового платка морщинистое ухо, приложила к нему ладонь. — Чаво ж ты замолчал-то?

— Что говорить-то? — испортил всё Витька.

— Э-эх, и бестолковый ты, парень, — рассердилась Бабася. — Прямо долдон какой-то!

Ругаться она умела.

Ссора со сказочным существом ни в коем случае не входила в Витькины планы. Чтобы выйти из этого затруднительного положения, ему пришлось применить блестящую военную хитрость. При-

дав своему лицу доброжелательное выражение, он неожиданно предложил:

— Бабась, пойдём на улицу.

Старуха оторопело взглянула на него сквозь щелочку заплывшего глаза:

— Это я пошто же на улицу пойду?

Дивясь её непонятливости, Витька стал горячо объяснять:

— На улице солнышко светит, бабочки летают… Опять-таки воздух свежий… Да и тепло… Благода-ать! А в сарае твоём чего хорошего? Кругом пыль, паутина, темно… Прямо как в склепе. Бр-р-р! — Витька передернул плечами.

Старуха долго молчала, потом сказала со вздохом:

— Не могу я от прялки далеко уходить… Я должна всё время при ней находиться.

— Это почему же? — спросил Витька.

— Обязанность у меня такая.

— А, — догадался Витька. — Духом при ней работаешь?

Бабася грустно кивнула головой.

— Это ерунда, — авторитетно заявил Витька. — Это мы сейчас исправим.

Он сорвался с места и стал быстро разбирать хлам, пробираясь к прялке. Через минуту, пятясь, пыхтя и отдуваясь, он выволок из сарая пыльную прялку.

— Порядок! — радостно сообщил Витька, сдувая с лица мохнатую паутину.

Из дверного проёма наружу осторожно высунулась укутанная в пуховый платок голова.

— Ну, чего ты! — заторопил голову Витька. — Давай выходи! Не стесняйся!

Голова ещё какое-то время поглядела по сторонам, наверное, осваиваясь на местности, затем вслед за ней появилась и вся Бабася.

Витька, найдя местечко с лучшей, самой мягкой муравой, поставил прялку на траву.

— Теперь она у нас как на ладони будет. Отовсюду её видно. Может, даже и с луны. Никто незаметно не подкрадётся.

Но старуха на этот счёт, видимо, была другого мнения. Жмурясь на солнце, она из-под руки недоверчиво огляделась по сторонам, наверное, выискивала — не затаились ли где с недобрыми намерениями коварные любители старых прялок. Но вполне мирный вид

заросшего травой двора с гуляющими по нему курами да лениво развалившимся на солнцепёке котом Васькой говорил об отсутствии врагов. Ну или об их ловкой замаскированности. Слегка обеспокоенная этим обстоятельством, Бабася твёрдо сказала:

— И всё-таки от прялки я ни ногой.

— Нет так нет, — согласился покладистый Витька. — Значит, будем носить её с собой.

Старуха внимательно к нему пригляделась:

— Осилишь ли?

Витька заволновался, сейчас был как раз тот случай, чтобы показать свою силу.

— А то нет! Я одного козьего молока целую бочку выпил!

Тут Бабася и сама поняла, что неправильно оценила силу такого молодца, как Витька.

— Тогда конечно, — согласилась она с его доводами. — Тогда дело другое.

Витька подхватил прялку и поволок её к сиреневым кустам.

— Я тебе сейчас свой шалаш покажу.

Старушка засеменила следом.

— Ишь ты, прыткий какой. За тобой прямо не угонишься.

И хотя прялка была тяжёлой и неудобной, Витька, не показывая виду, сказал:

— Это что. Я вот так с прялкой могу идти и день, и два… Аж целый месяц. Хоть до самой Африки.

На это Бабася не нашлась что ответить и уважительно промолчала.

6

На краю сада, где густо разрослась сирень, Витька остановился и с облегчением опустил прялку в траву.

— Ух, вот мы и пришли!

Здесь под развесистым кустом у него находилось тайное убежище. В зависимости от того, в кого в данный момент играл Витька, убежище было и командирским штабом, и индейским вигвамом, и рыцарским замком. А в обычное время, когда Витька был самим собой, это был просто шалаш. Изобретательный Витька построил его из подручных средств, которые удалось найти во время частых вылазок по близлежащим, ещё не исследованным местам. Толстые, срезанные молнией сучья он подобрал возле старой ветлы после

дождя, а большой кусок рваного брезента с верёвочками по краям, в его случае просто необходимый для крыши, ему повезло обнаружить аж в самом овраге, неизвестно, каким образом туда занесённый, может, туристами или ещё кем-то. Сверху он прикрыл всё мелкими ветками, а в щели напихал пучки травы для маскировки, и шалаш был голов.

Витька пригнулся и нырнул прямо в гущу зелёных листьев и мгновенно исчез из виду, будто его тут и вовсе не было.

Бабася растерянно замигала здоровым глазом. Но тут кусты зашевелились, и открылся лаз, из которого выглядывала довольная физиономия Витьки.

— Бабася, — замахал он руками. — Залезай сюда!

Старушка нерешительно затопталась на месте, будто сразу хотела перейти на рысь.

— А как же прялка? — напомнила она.

— Ничего с ней не случится, — беззаботно заверил Витька.

— Ну, не скажи-и.

Бабася решительно взялась за прялку и стала пихать её в узкий и низкий лаз. Витьке пришлось помогать со своей стороны. Когда прялку с грехом пополам втиснули внутрь, настал черёд самой Бабаси. А так как Витька при строительстве своего тайного жилья не учёл, что у него в гостях могут бывать и взрослые, то старушке пришлось вползать в шалаш на четвереньках. Но даже смешливый Витька не нашёл в этом ничего смешного. Ведь они с Бабасей находились в самых дружеских отношениях, а то она разве абы к кому полезла? Конечно, нет!

Бабася с интересом оглядела Витькино жильё: стол из перевёрнутого ящика, по бокам приставлены стулья из чурбаков — на одном сидел Витька, на другой села сама. На стенах висели лук со стрелами, головной убор индейского вождя из перьев соседского петуха, офицерский планшет, ржавое ведро с прорезью для глаз, которое, по-видимому, означало рыцарский шлем, в углу копьё.

Старушка почмокала губами.

— Хорошо тут у тебя, — честно призналась она. — Не то что у меня в сарае.

Витька неимоверно оживился и принялся подробно расписывать своё житьё-бытьё. Он так разошёлся, что чуть с чурбака не свалился.

Бабася слушала, охала и ахала, а в самых интересных местах, держась за виски, качала головой:

— Ишь ты! Надо же! Ты гляди, што творится!

Повествование своё Витька закончил на оптимистичной ноте:

— Бабась, мы теперь с тобой такие дела закрутим… Такие дела… Даже не знаю, что… что и будет…

Дела, видимо, действительно предстояли нешуточные, раз даже такой хитроумный человек, как Витька, не нашёл для этого подходящих слов, только сделал в воздухе замысловатые движения пальцами:

— Во какие!

Бабася, польщённая оказанным доверием, мелко кивала, поддакивая:

— Ну да! Ну да! Ну да!

Новый союз надо было оформить по всем правилам заключения мирных договоров и скрепить собственноручными подписями. А так как Витька жил хозяйственно, он достал из офицерского планшета блокнот, расчерченный вдоль и поперёк секретными схемами, которые остались от того времени, когда он числился командиром особого отряда (если быть точным, рядовым и командиром в одном лице, что, конечно, намного труднее, чем быть просто командиром), и огрызок карандаша и совсем уж было собрался писать, как услыхал сердитый голос бабушки.

— Витя! Витя! Да где ж тебя, непутёвого, носит?

Витька приложил палец к губам и выглянул в просвет между листьями.

Бабушка стояла посреди двора, опираясь на тяпку как на палицу, и наподобие старинного богатыря Ильи Муромца и из-под ладони озирала окрестности.

— Ви-итя!

Витька незаметно выскользнул из шалаша. Но пошёл к бабушке не сразу, а предварительно попетляв по саду, чтобы сбить её с толку, если вдруг бабушка захочет найти место его пребывания.

— И где тебя носит? — с досадой спросила бабушка. — Насилу дозвалась.

— Да я там… Это самое… Всякими делами был занят, — туманно объяснил Витька и, чтобы избежать дальнейших расспросов, учтиво поинтересовался: — Бабушка, а бабушка, а ты зачем меня звала?

— Обедать будешь?

— Нет! — Витька так отчаянно мотнул головой, что казалось, его

тонкая шея оторвётся. Но всё обошлось, и бабушка опять спросила:

— А завтракал?

— Завтракал.

— Ну, хорошо. Пойду я отдохну немного, — взялась за виски бабушка. — От жары что-то в голову шибануло. А ты тут играй. Со двора никуда не уходи.

— Не уйду.

— Обещаешь?

— Да честное слово!

Бабушка прислонила тяпку к сараю и, тяжело передвигая отёкшие ноги, ушла в дом, печально качая головой и вздыхая:

— Ох-хо-хо. Грехи наши тяжкие.

Витька нетерпеливо проводил её взглядом: ну как бабушка передумает и опять его позовёт. И лишь только она пропала из виду, опрометью кинулся к шалашу.

— Порядок! — заорал он, влетая внутрь. — Бабушка отдыхает! Айда играть!

Но в шалаше Бабаси не оказалось. Округлив глаза, он испуганно уставился на пустое место. Голос его дрожал, когда он негромко позвал:

— Ба-ба-бабася!

И не дождавшись ответа, пулей вылетел наружу, ошалело заметался возле кустов.

— Бабася! Бабася!

— Ай потерял кого? — вдруг из шалаша спросила Бабася.

Витька заглянул внутрь и обомлел: старушка как ни в чём не бывало сидела на прежнем месте.

Витька протёр глаза:

— Т-ты где была?

— Здеся.

— Как здесь, — ещё больше округлил глаза Витька, — если я тебя не видел?

— Плохо глядел, — захихикала Бабася.

— Не хочешь говорить, не говори, — Витька обиженно насупился и стал бесцельно перекладывать с места на место блокнот, вполголоса бормоча: — Тоже мне, друг называется… Тайны у неё какие-то завелись… Я вот никаких секретов от неё не скрываю… а она… То да сё… Так друзья не поступают…

После недолгого молчания Бабася всё-таки призналась:

— Я могу быть невидимой.

Она сказала это так просто, будто все люди только и делают, что каждый день становятся видимыми и невидимыми.

— Ух ты! — оживился Витька. — А ещё что ты можешь?

— Я многое могу.

От этого настроение Витьки ещё больше улучшилось, и он тут же решил испытать Бабасины способности в деле, чтобы уж окончательно удостовериться в её чудесах. Он на секунду задумался: что бы такое придумать? И вдруг его осенило.

— А вот… вот… ты можешь сделать так, чтобы наш огород… ну, сам собой пропололся?

— Это не по моей части, — покачала головой Бабася.

— А говорила: «Всё могу, всё могу». А как картошку прополоть, так сразу слабо стало.

Сильно же Витька смутил Бабасю. Ей на это и сказать было нечего. Поэтому она и спросила:

— Тебе очень этого хочется?

— Ага, — ответил ухмыляющийся Витька. — Сильнее не бывает.

Не сводя глаз с его лица, Бабася с видом задумчивым и таинственным пообещала:

— Ну что же, будь по-твоему.

7

На улице нещадно пекло солнце. Сморённые жарой, никли на деревьях листья, травинки стояли не шелохнувшись. И только кузнечики стрекотали в своё удовольствие — им жара была нипочём.

Бабася из-под ладони долго глядела на солнце, потом сказала:

— Самое время Полудницы.

Витька тоже поглядел на солнце, но ничего там не увидел, только от света у него потекли самые настоящие слёзы да перед глазами всё стояло яркое пятно.

— Какой Полудницы? — спросил он.

— Сейчас узнаешь, — пообещала Бабася и вдруг, сунув два пальца в рот, что есть силы засвистела, да так залихватски, прямо по-разбойничьи, что Витька, за свою жизнь так и не научившийся свистеть, от зависти потерял дар речи, только и смог расстроенно пробормотать:

— Подумаешь.

Бабася ещё пару раз свистнула на разные манеры, будто подавая

кому-то звуковые сигналы, и тронула Витькино плечо:

— Гляди.

Над огородом тёк горячий воздух, и в его дрожащем мареве Витька увидел девушку в белом сарафане. В руках она теребила кончик длинной-предлинной косы пшеничного цвета. Венок из ромашек на голове придавал её лицу не свойственную людям белизну.

Витька разинул рот, вспомнив рассказ бабушки о Полуднице, что это, мол, сотканная из солнечных лучей девушка. Так оно всё и было!

— Звала, сестра? — спросила девушка.

Витьке показалось, что прожурчал лесной ручеёк, — таким необычным был её голос.

— Как не звать, — сказала Бабася, — если у меня без тебя неуправка получается.

— И что же это за неуправка?

— Помощь требуется… Вот этому молодцу, — Бабася кивнула на Витьку, глядевшего во все глаза на Полудницу.

— Какая?

— Сделать так, чтобы огород сам собою пропололся, — вздохнула Бабася и покачала головой, видимо, восхищаясь Витькиной затеей.

— Легко, — засмеялась девушка. — Пусть несёт тяпку.

То и дело оглядываясь на Полудницу, чтобы она случайно не передумала и не сбежала, он принёс тяпку. Но Полудница тяпку не взяла, загадочно засмеялась и тотчас взмахнула кончиком своей длинной косы.

Что тут стало происходить с Витькой, впоследствии он не мог объяснить и сам. Витька тяпнул один раз, другой, третий и вдруг вопреки своему желанию сам стал полоть огород. Он с невероятной скоростью, на которую и во сне не был способен, будто какой-нибудь самолёт-истребитель, врезался в густую поросль лебеды, рассыпавшейся зелёным пологом на огороде. Под натиском обезумевшего работника падал сражённый колючий осот, нахально стоявший в полный рост, словно неприятельское войско, никла посечённая повитель, душившая своим ползучим стеблем молодую картошку.

Со стороны поглядеть, Витька стремительно передвигался по огороду, взмахивая руками, как заводной. И всё это время ему слышался заливистый хохот Полудницы, словно вокруг него одновременно звенели тысячи колокольчиков.

Закончилась последняя борозда, и Витька, обессиленный, упал на меже в траву: болели руки и плечи, а на ладонях появились пузыри от неудобной тяпковой ручки.

Тут подошла отдохнувшая бабушка. Через очки долго проницательно изучала потное Витькино лицо. Потом спросила слегка заикаясь:

— И-и… кто же… эт-то … всё… с-сделал?

У Витьки руки и плечи сразу перестали болеть, вся усталость куда-то пропала. Ему даже смешно стало, и он не удержался, чтоб не похвалиться:

— Да есть тут один трудящийся человек!

И степенно ушёл, выпятив грудь и унося на плече тяпку. У изгороди всё же не утерпел и оглянулся: бабушка стояла столбом и не сводила удивлённых глаз с прополотого огорода.

8

Ночью шёл проливной дождь. Витьке даже из дома было слышно, как шумит в овраге вода. Он лежал, тихо накрывшись с головой, и при каждом ударе грома вздрагивал, завидуя бабушке, которая бесстрашно храпела на разные голоса, и можно было подумать, что спит не один человек, а несколько.

То и дело громыхал гром и сверкали молнии. Витька никак не мог отделаться от одной навязчивой мысли, что если молния попадёт в дом, то непременно быть беде — дом загорится, и они с бабушкой сгорят заживо. Сгорать заживо ему совсем даже не хотелось. Чего уж тут хорошего. Вот если бы он погиб на войне, защищая Родину, тогда, конечно, другое дело. А вот так вот за здорово живёшь умирать — дураков нету.

Витька крепко-накрепко зажмурился и заткнул уши, чтобы не так было страшно. Но тут совершенно неожиданно для себя он вспомнил про Бабасю. Вчера, обидевшись на легкомысленный поступок весёлой Полудницы, к шалашу Витька так и не вернулся, сочтя Бабасю главным зачинщиком столь коварной проделки, в результате которой ему самому пришлось махать прилипшей к рукам тяпкой, а не глядеть со стороны, как будет всё это само собой полоться. И это дало другое направление его мыслям: мол, он тут беззаботно дрыхнет в постели, под одеялом у него тепло и сухо, а на улице, где ливень обрушился на сад, в мокрых кустах сирени, в

шалаше, который, будь даже самым распрекрасным из всех шалашей на свете, наверное, всё равно протекает (самому Витьке под проливным дождём в шалаше пережидать непогоду не приходилось), со своей прялкой мокнет в одиночестве Бабася, которую не далее как вчера он обещался ограждать от всех неприятностей.

Витька взволнованно завозился, зашуршал одеялом. Сквозь щелку было видно, как молнии освещают горницу. Он съёжился, почувствовав, как под одеялом стало прохладнее. Но, желая казаться себе молодцом, набравшись решимости, слез с кровати и на цыпочках направился к входной двери, с опаской поглядывая на окна. Около бабушкиной кровати задержался, прислушиваясь к её тяжёлому дыханию, пришедшему на смену храпу. В эту минуту особенно здорово грохнуло, так что зазвенели стёкла окон, и показалось Витьке, что дрогнула земля. В горнице стало сине-пресине. От страха Витька аж присел, неестественно выгнувшись в пояснице и вскинув руки с растопыренными пальцами.

Проснулась бабушка и спросонок, не разобравшись, увидев прямо перед собой рогатое чудовище, заголосила:

— Свят! Свят! Свят! Сгинь! Сгинь!

Витька, и сам перепугавшийся не менее бабушки, от её одичалого вскрика совсем спятил с ума и прямо с места, как какой-нибудь горный козёл, сиганул в постель. Зарывшись лицом в подушку, затих, дрожа.

…Позже Витька специально проводил эксперимент: как он ни старался, это же расстояние менее чем в три прыжка он ну никак не мог преодолеть. Наверное, во время опасности, решил Витька, внутри человека срабатывает какой-то скрытый механизм, который в обычное время дремлет. Идёт себе такой человек по улице, как ни в чём не бывало, и вдруг — опасность! Он р-раз, и с помощью этого самого механизма уже где-нибудь в другом месте, и опять идёт себе спокойно, по сторонам весело поглядывает да знай себе насвистывает. Впоследствии эти Витькины выводы не раз подтверждались на деле.

Но это всё позже, а сейчас Витька лежал ни жив, ни мёртв и не сразу услышал взволнованный голос бабушки:

— Витя, ты спишь аль нет?

Витька опасливо выглянул одним глазом, в расчёте на то, что, когда опять громыхнёт, он успеет спрятаться совсем.

— Ч-чего, бабушка?

— Ты ничего не видел?

— Н-нет… То есть да… М-молния яркая…

— И всё?

— И всё.

Бабушка долго молчала, а потом сказала со вздохом:

— Надо же такому привидеться сослепу.

Витьке, конечно, стало интересно, что такое могло привидеться бабушке, и он, осиливая страх, высунул голову:

— Б-бабушка, а б-бабушка, что с-случилось?

— Ничего, внучек, не случилось, — сказала бабушка своим обычным добрым голосом. — Спи, родной, спи.

И неустрашимая бабушка громко захрапела, презирая всякую опасность, будь то самые ослепительные молнии или самые огроменные грома.

Витька, оставшись опять один на один со стихией, тоскливо заёрзал в кровати. А тут опять вспомнил про Бабасю. И до того ему опять стало жалко Бабасю и себя, что слёзы подступили к горлу. Витька, полный решимости, сполз на пол и на четвереньках, чтобы случайно не увидела бабушка, стал пробираться к двери. А так как его глаза при этом оставались зажмурены, то вначале он набил себе шишку, стукнувшись лбом о косяк, и лишь затем попал в дверь. На кухне поднялся на ноги, обул резиновые сапоги, в которых бабушка управлялась по хозяйству, и, на ходу накинув длинную до пят старенькую телогрейку, вышел под дождь.

Ночь была до того чёрной, что если бы не полыхавшие молнии, не было бы видно ни зги. В лицо плеснуло ушатом ледяной воды. Гул от ливня был такой, что закладывало уши. Вдруг ночь распорола ломаная, длинная в полнеба молния, и грянул гром. Витька вмиг сжался и не в силах больше сдерживаться заплакал громко-громко. А вокруг вовсю бесновались злые силы: под их натиском гнулись столетние деревья, и от их жалостливых стонов кровь леденела в жилах, и даже трава вьюнок, днём такая шелковистая и ласковая, сейчас предательски опутывала ноги. А лёгкий ветерок, превратившийся ночью в сильный и коварный ветрище, так и норовил свалить Витьку наземь, безжалостно пихая в спину. Казалось, что сама природа ополчилась против Витьки. Он уж хотел вернуться и взять из-под печки кочергу, всё-таки не так будет страшно, но тут его ног коснулось невидимое существо. Скривив лицо, словно в ожидании удара, и не дыша, Витька обречённо — была не была — протянул

руку. Когда пальцы коснулись мокрой шерсти и снизу на него уставились два светящихся глаза, от ужаса Витька едва не лишился чувств, успев напоследок подумать о безнадёжности ситуации, если уж сами черти устроили на него охоту. Тараща круглые в рыжую крапинку глаза, он что есть мочи заорал: «Мама!» И, наверное, продолжал бы горланить так долго, что его голос действительно долетел бы до города, где спала мама, не ведая ни сном ни духом, в каком плачевном положении оказался Витька, не обрати он внимание на один немаловажный пустячок: его ладонь миролюбиво лизало существо, вместо того чтобы тотчас волочь его в ад жариться на сковородке в подсолнечном масле. Догадавшись, кому принадлежит шершавый, словно наждачная бумага, язык, Витька сразу перестал орать.

— Васька! Васька! — радостно запричитал он, обнимая мокрого и грязного кота. — Родной мой Васька! Ну ты и напугал меня, шельмец!

Кот лизнул его в заплаканное лицо: мол, ничего, брат Витька, это одному страшно, а вдвоём всё веселее, можешь на меня положиться, уж я-то тебя в обиду не дам.

Витька, конечно, понял и успокоился, только крепче прижал к себе кота, показывая, что благодарит за заботу и всегда знал про Васькину доброту. (Что, кстати, подтверждалось и обилием разнокалиберных мышей в бабушкином подполье.) Витька осторожно двинулся дальше по стёжке, едва видимой в сполохах молний. Напитавшаяся водой ватная телогрейка давила к земле, в просторных не по росту сапогах хлюпало. Но прежнего одиночества он уже не испытывал, а на такую мелочь, как неудобство, Витька даже не обращал внимания. Ну если только чуть-чуть, самую малость. Да и здесь он усмотрел свою выгоду: будто на нём не телогрейка с чужого плеча, а тяжеленная кольчуга, и не бабушкины сапоги, норовившие всё время слететь, а громоздкие латы, и сам он, конечно, уже не Витька, а доблестный рыцарь Айвитя, отважно пробиравшийся на спасение своей Дамы сердца. У всех рыцарей были Дамы сердца — это Витька знал точно. Только вот старенькая Бабася, сказать по правде, как-то уж не очень походила на Даму его сердца. Но и тут смекалистый Витька вышел из затруднительного положения, решив, что доблестный рыцарь Айвитя шёл просто кого-то спасать… Разве мало сейчас угнетённых олигархами?

Ветер трепал сирень, с кустов, журча, стекала вода, примешива-

ясь к сплошному ровному шуму дождя, но гром уже удалился и громыхал где-то далеко-далеко за оврагом.

Как Витька и предполагал, шалаш протекал: капли часто одна за другой с плеском падали в скопившуюся на земляном полу лужу, журчали ручейки.

Чувствуя за собой вину, он неуверенно позвал:

— Ба-бася! Ба-бася!

Старушка, если она ещё находилась здесь, промолчала, наверное, в свою очередь, обидевшись на Витьку. Тут уж ничего поделать было нельзя, и Витька, помня о её удивительных способностях становиться невидимой, зашарил в темноте руками. Он проверил каждый уголок на присутствие Бабаси, но ничего, кроме мокрой прялки в луже на полу, не обнаружил.

— Бабася, я пришёл за тобой, — повысил плачущий голос Витька.

И хотя в это время ливень с новой силой обрушился на сад, ему показалось, что он расслышал жалобное «У-у-у!», а под его руками мелко завибрировала прялка.

— Вот ты где! — обрадовался догадливый Витька и зачастил скороговоркой, сбиваясь и глотая слова. — А я думаю, куда подевалась Бабася? Всё облазил, нет Бабаси. А ты, оказывается… вон… где… В прялке спряталась… Хитрая какая… Но ничего… Я тебя сейчас спасу… Как миленькую, — Витька обхватил перед собой прялку и, тужась, поволок её к сараю.

Он медленно брёл сквозь косое полотнище дождя, оступаясь в не видимые во тьме ямки. Ветер усилился, мелкие веточки сыпались на голову, падая с деревьев.

Ноги скользили, разъезжались по грязи, и со стороны Витька, наверное, был похож на знаменитую корову, которая, к своему несчастью, попала на лёд. В одном месте он всё-таки не удержался и позорно растянулся прямо в луже.

Кот Васька, следовавший за ним по пятам, и тут оказал посильную помощь. Он лизнул его в щёку и чуть слышно мяукнул, говоря, что Витьке хоть и трудно, но он на него очень надеется и негоже такому молодцу валяться в луже, как паршивый поросёнок бабки Федулихи, а надо нести прялку в сарай, а уж там можешь разлёживаться, сколько угодно.

Витька не тот человек, чтобы пасовать перед трудностями: выбиваясь из последних сил, он втянул прялку в сарай. На ощупь, покопавшись в старье, приволок драный тулуп, которым бабушка

на зиму прикрывает погреб. Укутав в него прялку с Бабасей и заботливо подоткнув со всех сторон, сам улёгся рядом отдохнуть от всех волнений. Под тулупом было тепло и пахло овчиной.

Кот Васька пристроился к нему под бочок охранять от особенно нахальных мышей и всякой другой нечисти, бдительно уставившись одним глазом в темноту, пока другой спал. А чтобы ослабевший от переживаний Витька уснул быстрее, стал мурлыкать, навевая на него крепкий и здоровый сон.

— Очень даже здорово мы помогли Бабасе, — сказал Витька и засмеялся сквозь не высохшие ещё слёзы.

И они под шум дождя уснули.

9

Почти три дня пролежал Витька дома с температурой под бабушкиным надзором. За это время у него накопилось много неотложных дел. Витька начал считать по пальцам: навестить Бабасю, узнать, как она обходилась без него, — раз; проведать родничок, который без него, наверное, пришёл в полное запустение, — два; поглядеть как чувствует себя на огороде картошка, освобождённая от злобных сорняков, — три; проверить шалаш на наличие его целостности — четыре; закрепить на дереве скворечник — пять… Да мало ли ещё найдётся важных дел у человека, безнадёжно отставшего от жизни.

Сегодня Витька как раз и собирался приступить к их осуществлению, но тут в самый неподходящий момент, когда он было уже совсем собрался на улицу, вмешалась бабушка.

Она поверх очков оглядела щупленького загорелого Витьку, дикий и взъерошенный вид которого произвёл на неё самое неблагоприятное впечатление.

— Витя! — сказала бабушка торжественно. — Сегодня не обычный, день не будничный, а праздничный. Поэтому тебе следует переодеться.

— Подумаешь, — независимо сказал Витька и поддёрнул поудобнее облезлые видавшие виды шорты. — И так сойдёт.

— Нет, не сойдёт, — наставительно сказала бабушка. — Сегодня большой леригиозный праздник, и будь добр подчиниться.

Витька, приняв вид обиженный и неприступный, буркнул:

— Какой такой ещё праздник?

— Троица, — ответила бабушка и таинственно улыбнулась. — Ты разве не приметил в доме никаких изменений?

Витька огляделся по сторонам. Голова его сегодня настолько была занята предстоящими делами, что он и не заметил рассыпанную по кухне Богородицину травку. Судя по тому, что травку не на всякий праздник рассыпают в доме, Витька поверил в необычность сегодняшнего дня, и по всему выходило, что бабушку не так-то легко будет уговорить оставить его в одежде, в которой он привык ходить.

Витька решил прибегнуть к подхалимству:

— Бабуль, а бабуль, — заговорил он умильным голосом. — А ты за миллион рублей дохлую кошку съела бы?

— Бог с тобой! — испуганно перекрестилась бабушка. — И надо же такое придумать.

— А за два миллиона?

— И не за два, и не за десять. Я ещё в своём уме.

— Вот и я говорю: моя бабушка и за миллион долларов не будет есть дохлую кошку… Потому что… потому что моя бабушка самая классная бабушка на свете!

— Кому говорил?

— Не важно. Ну, так я пошёл? — деловито спросил Витька.

Бабушка поверх очков растерянным взглядом проводила его до двери, но потом спохватилась:

— Куда пошёл? А переодеваться? Я разве непонятно сказала? Витя, ты своими непредсказуемыми выходками очень меня расстраиваешь. Как можно?

— Да-а, — жалобно заныл Витька, идя на очередную хитрость. — Больного человека то и дело заставляют одеваться и раздеваться. И ни капельки меня никому не жалко.

— А раз больной, — вконец рассердилась бабушка, — так и сиди дома.

— Уж и пошутить нельзя, — торопливо начал оправдываться Витька, по-настоящему перепугавшись, что бабушка его не отпустит и в новой одежде. В воспитательных целях бабушка принципиально не шла ни на какие соглашения, считая, что это безнравственно и действует разлагающе на ещё неокрепшие души подрастающего поколения. — Конечно, я пошутил!

Не дожидаясь, пока бабушка передумает, Витька под рукомойником сполоснул лицо и даже проявил инициативу, смочив непокорный вихор и тщательно пригладив его ладонью, став при этом

похожим на какого-нибудь маменькиного сынка — презренную во все времена личность. Но бабушка на этот счёт имела собственное мнение, похвалив:

— Славный мальчуган!

Получив от бабушки чистую одежду — брюки и светлую рубашку, которую и надевать-то было страшно, и подробные указания, как себя вести, чтобы не испачкаться, славный мальчуган скромно вышел за дверь. На улице он быстро оглянулся на окно (не подглядывает ли за ним хитрая бабушка) и быстро взъерошил волосы. Теперь голова была в полном порядке. Хотел ещё запачкать и новый костюм, чтобы поменьше отличался от старого, да стало жаль бабушку, которая, ошибочно думая, что в любой одежде Витька может чувствовать себя вольготно, всю ночь стирала и наглаживала. Витька обречённо вздохнул и поддел ногой ни в чём не повинного голенастого бабушкиного петуха, с горделивым видом расхаживающего по двору среди кур в отсутствие своего конкурента.

— Вертятся тут всякие под ногами. Пройти негде.

Отбежав на безопасное расстояние, петух, рисуясь перед курами, распушил крылья, делая вид, что готовится проучить наглого мальчишку. Но тут из своей засады, играясь, словно тигр, на него прыгнул кот Васька. От неожиданности петух так перепугался, что взлетел выше крыши и, часто-часто махая крыльями, спикировал куда-то в огород. Изумлённые куры как по команде подняли головы и поглядели ему вслед, наверное, подумали, что он полетел на юг.

Витька захохотал, а кот Васька подошёл, потёрся о его ноги, приветствуя старого друга.

После этого случая петух, крепко обидевшись на Витьку и кота Ваську, хотел даже устроить им всяческие каверзы. Одна из которых, например, заключалась в том, чтобы спрятаться где-нибудь высоко на дереве и сверху нагадить Витьке на макушку, чтобы не особенно задавался. Труднее обстояло дело с котом Васькой, который по деревьям лазил не хуже обезьяны и сам мог сверху на кого хочешь нагадить да исцарапать когтями так, что мало не покажется.

Непостижимо, каким образом, может быть, среди кур у Витьки находился свой шпион, но тайные замыслы стали ему известны, и тогда прямо на глазах петуха у них с бабушкой произошёл такой вот очень интересный разговор, инициатором которого, естественно, был славный мальчуган Витька.

— Бабушка, ты когда-нибудь суп из петушиных гребешков ела?

— Что-то не припомню, внучек.

— Значит, не ела, раз не помнишь.

— Оно, может, и так… Лапшу куриную ела… помню.

— Ха, лапшу! Лапшу куриную мы недавно вместе ели. Я о петушиных гребешках спрашиваю. Ну, о супе из петушиных гребешков.

— Это сколько же надо петухов-то, чтобы из них похлёбку сварить. Чай, не менее дюжины. Отколь их столько взять-то?

— А если жиденький супчик, то можно и из одного петуха сварить.

— Ну если только жиденький. А тебе што же, аль захотелось… похлёбки-то?

— Захотелось, бабушка, прям как из пушки.

— Оголодал, што ль?

— Не то что бы оголодал, а супчик из нашего петуха попробовал бы.

От мирной беседы бабушки с внуком петух впал в такую панику, что от сильного переживания брякнулся на глазах растерянных кур в глубокий обморок, из которого вывел его опять-таки добрый Витька, окатив ледяной водой из ведра. С тех пор петух ужас как боялся, что Витька случайно вспомнит о наваристой похлёбке из петушиных гребешков, и на глаза старался ему не попадаться, перемещаясь по двору короткими перебежками…

Витька увидел на скамейке под рябинкой невесть откуда взявшуюся незнакомую девчонку в белом платьице. Он издалека оглядел её с таким деловым и внимательным выражением, будто намеревался в самое ближайшее время на ней жениться. Потом засунул руки в карманы и расхлябанной походкой независимого человека стал прогуливаться рядом, скосив круглые глаза на девчонку.

Ничего особенного в ней не было: вздёрнутый облупленный нос, веснушчатое лицо — девчонка как девчонка, разве что волосы, заплетённые в две тугие косички, были огненно-рыжие, словно кленовые листья осенью.

В руках она держала головастую куклу, скорее похожую на взрослого лилипута, которых Витька однажды видел в лилипутском цирке, чем на человеческого младенца. Высунув кончик языка, девчонка усердно напяливала на него дурацкий чепчик с воланами и прочей девчачьей дребеденью, который никак не хотел держаться на безволосой голове хитрого младенца.

Заметив, что незнакомая девчонка на него не смотрит, Витька

решил заслужить её внимание. Для этого надо было совершить какой-нибудь подвиг, чтобы она могла сразу увидеть, какой Витька бесстрашный и ловкий человек. Не долго думая, Витька встал на руки и так хотел пройтись мимо скамейки, но не удержался и позорно свалился в канаву, чудом оказавшуюся рядом (может, и специально кем выкопанную для такого случая), перепачкав светлую рубашку. Пока он хлопал глазами, думая, как оправдаться перед Рыжей Лисой, как он успел окрестить про себя незнакомку, девчонка, сюсюкая, сказала своей дурацкой кукле:

— Смотли, какой смесной мальтиска.

Витька, который обычно спокойно переносил все неприятности, тут прямо рассвирепел, заорав:

— Чего расселась на чужой скамейке? Тебе что, места больше не нашлось?

— Дурак! — сказала девчонка безо всякой обиды. — А не лечишься.

— Ах, так! — Витька с грозным видом двинулся на дерзкую девчонку. — Ты ещё и обзываться!

Но Рыжая Лиса продолжала сидеть, как ни в чём не бывало.

— Если хочешь знать, — нахально заявила она, — это скамейка моей бабушки.

Витька остановился против неё и, заложив руки за спину, чтобы нечаянно не дёрнуть за косички, молча уставился, быстро соображая, как выпутаться из щекотливой ситуации: не прогонять же её, в самом деле, со своей скамейки, но и оставить без последствий оскорбление нельзя было. И он нашёлся:

— Чем докажешь?

— Вот ещё новости! — с возмущением тряхнула косичками девчонка и опять, сюсюкая, пожаловалась своему большеголовому младенцу. — Он хочет, стобы я ему доказала, сто наса скамейка — это наса скамейка. Видал умника!

— А вот и нечем! — злорадно захихикал Витька. — Вот и нечем!

— Балда! Раз я говорю, что это наша скамейка, значит, наша! — перешла на нормальный язык Рыжая Лиса. И, чтобы подтвердить правоту своих слов, звонко крикнула: — Бабушка-а! Бабушка-а!

— Что ты! — испугался Витька. — Я верю, верю.

— Ну и не спорь тогда! — девчонка смеющимися глазами оглядела перепачканного в земле Витьку с прицепившимися к его одежде

репьями и какими-то особенными колючками, похожими на страшные клешни рака, и прыснула в кулачок, будто он её чем-то рассмешил. — Такой чумазик!

Витька, глядя на неё исподлобья, начал надуваться, краснеть и зловещим голосом произнёс:

— Опять, да?

Но Рыжая Лиса бесстрашно заметила:

— Достанется теперь тебе от бабушки.

— Не достанется! — громко и независимо сказал Витька. — Мне никто не указ. Если захочу, могу не пачкаться. А если захочу, могу и испачкаться, — и он для наглядности, сорвав пучок травы, прямо на глазах Рыжей Лисы озеленил светлую рубаху, подумав, что она очень удивится, какой смелый выискался мальчишка.

Но вредная девчонка вместо похвалы язвительно пропела:

— Да-а? Может, ты и сам на себя стираешь?

Стирать на себя Витька, конечно, не стирал, считая это занятие позорным, не достойным настоящего мужчины делом. Поэтому он только презрительно ухмыльнулся на эту несусветную глупость.

— То-то, — по-своему истолковала его молчание девчонка и предложила: — Чего стоишь как истукан? Садись уж… не укушу!

10

Получив возможность вблизи рассмотреть её огненные косички, Витька ощутил, как зачесались руки: до чего же захотелось их потрогать — обожжёшься или нет? Но тут неуёмная Рыжая Лиса совсем даже не к месту задала вопрос, сбив его с такой интересной мысли:

— Ты всегда так грубо ведёшь себя с девочками?

— Нет, что ты… — смутился Витька. — Я хорошо к ним отношусь… Даже очень хорошо, — и он, сам не зная почему, как дурак стал оправдываться перед этой востроносой Лисой. — Один раз я на спор с Колюней… товарищем моим… Танюхе помог ведро в мусорку отнести. А она знаешь, какая ябеда? С ней во дворе никто не играет. Со мной ребята потом целый день не разговаривали. Зато я у Колюни ножичек шведский выиграл… Там столько всяких разных приспособлений! И ножницы… и лупа… и авторучка… и отвёртка… и… и штопор… В общем, чего только нет! А с ребятами мы потом помирились. Чего на меня обижаться? Всё-таки я на спор

ведро носил… Если бы просто так… Тогда другое дело… Обижайся сколько хочешь.

— Тебя как звать? — улыбнулась Лиса большим ртом.

— Меня-то? Витя!

— А меня Люся… Люся Кукушкина!

Витькино лицо помимо его воли распахала дурацкая улыбка:

— Гы-гы!

— Чего лыбишься? — уставила на него хитрый взгляд своих карих глаз Люська. — А у тебя какая фамилия?

— У меня? — растерялся Витька. — А у меня нет фамилии.

— Как это нет?

— А вот так — нет! У всех есть, а у меня нет, — напропалую врал Витька. — Меня как хочешь можно называть. Хоть… Шварценеггер… Или там… например, Джеки Чан…

— Или Витька Картошкин, — продолжила вредная Люська, — который приехал к баб Мане во-о-он в тот голубенький дом.

Витька едва не подавился собственной слюной, вытаращив свои круглые в крапинку глаза:

— А-а т-ты откуда знаешь?

— Мне всё известно! — торжествовала Рыжая Лиса. — Благодаря «сарафанному радио».

Про «сарафанное радио» Витька ничего не знал, поэтому спорить не стал. Во время разговора он то и дело совал руку под рубашку и что-то ощупывал на спине. Люська, давно приметившая за ним эту странность, ехидно поинтересовалась:

— Ты, случайно, не чесоточный? А то с грязнулями это часто бывает.

Между выцветших бровей Витьки пролегла грозная складка. Он, конечно, нашёлся бы, что ей на это ответить, но не дававшая покоя спина, очевидно, волновала куда больше, чем самый остроумный ответ, и он озабоченно пожаловался:

— Кажется, колючек нахватался. Мелкие, заразы, а колются здорово. И ногти, как нарочно, подстриг — нечем ухватить.

— Повернись! — живо скомандовала Люська и бесцеремонно задрала на нём рубаху. — Ого, сколько их здесь! Наверное, целый миллион — не меньше! — и она стала своими длинными острыми ногтями по одной извлекать колючки, приговаривая: — Ага, попалась, которая кусалась, — и сама себе отвечала: — У меня не покусаешься.

Витька, чувствуя её прохладные пальцы, героически терпел, ког-

да увлёкшаяся Люська уж очень сильно щипала за кожу.

— Не больно? — время от времени участливо интересовалась она. — А то ты скажи.

— Не-а! — успокаивал её Витька и нахваливал: — Тебе только в больнице работать.

Скромная Люська на эту похвалу никак не отзывалась, только ещё усерднее сопела да ещё больше щипалась.

Минут через десять сложная и болезненная операция по извлечению колючек была благополучно завершена. В благодарность за оказанную помощь Витька даже похвалил её лысого младенца, забыто лежавшего рядом на скамейке:

— Хороший пупсик!

— Сам ты пупсик! — обиделась Люська и, взяв куклу на руки, засюсюкала: — Мы уже такие… больсые… взлослые совсем стали… Можем даже говолить … «мама».

И обалдевший Витька услыхал, как младенец тут же послушно произнёс: «Мама»!

— Н-ни фига себе!

Потом младенец заплакал, что для его возраста было естественно, и Витька этому ни капельки не удивился. А вот неестественный дикий хохот у Витьки вызвал лёгкую панику, отчего по его коже пробежал мороз, хотя на улице вовсю припекало солнце. Чтобы избежать дальнейшей пытки лысым, но сообразительным младенцем, Витька, мученически улыбнувшись, сказал:

— Хороший мальчик! Просто замечательный!

Люська сразу перестала дуться и повеселела:

— У него знаешь, сколько одежды дома? Прямо тихий ужас! Как на улицу собираться, у меня голова идёт кругом. И это хочется на него одеть, и то!..

— Это что! — оживился Витька и, с опаской поглядывая на притихшего младенца, брякнул: — Вот у меня есть кукла, так кукла! Всем куклам кукла!

Люськины брови удивлённо взметнулись вверх:

— Разве мальчики играют в куклы?

— Ещё как играют! — стал бравировать Витька, радуясь тому, что Бабася не слышит, а то запросто могла бы превратить его в какой-нибудь одинокий корабль пустыни. Потом доказывай, что ты не верблюд. — Только она у меня не простая, а… живая…

— Кукла, — совсем развеселилась Люська, — живая?

— Ну да, живая. Только она не совсем кукла… Но всё равно как кукла! — вконец запутался Витька. — В общем, пойдём ко мне — сама увидишь.

Возле сарая Витька несмело остановился — неизвестно было, как поведёт себя Бабася при виде незнакомого ей человека: может, обрадуется, а может, рассердится и заколдует обоих — это уж как на неё найдёт. Но под испытующе-ехидным взглядом Люськи, обречённо вздохнув, распахнул дверь. Изнутри дохнуло на них острым запахом мышиного помёта и пыли.

— Бабася! — позвал Витька.

Из парной темноты на свет, жмурясь и пыхтя, вылезла старушка.

— Аль соскучился?

— А то нет! Тут вот одна девочка… — начал было Витька, но в это время Рыжая Лиса, высунув из-за его спины свой любопытный нос, легкомысленно спросила:

— Это и есть твоя кукла?

Столь коварного предательства Витька никак не ожидал и, от испуга икнув, стал усиленно кашлять, чтобы отвлечь Бабасю.

— Кха… Кхе… Кху… Кхы…

Лиса, глядя расширенными глазами на древнюю старушку, похожую на Бабу-Ягу из сказки, безжалостно стукнула его кулаком по спине, хищно прошипев:

— Замолчи… Да замолчишь ты наконец или нет?

— А я чего… Я ничего… — стал оправдываться Витька, но, заметив, что болтливая Люська опять разевает рот, быстро проговорил: — Это Бабася, а это Рыж… Эту девочку зовут Люся.

Рыжая Лиса, скромно потупив взгляд, покраснела, став одного цвета со своими волосами, и осевшим от волнения голосом представилась:

— Люся!.. Люся Кукушкина!

При этом она настолько потеряла соображение, что даже не постеснялась слегка присесть, приподняв платьице, как приседают все богатые допотопные тётеньки в старинных фильмах, которые очень любит смотреть бабушка и которые презирает Витька, потому что в отличие от боевиков там ничего интересного не показывают, кроме позорных слюнявых поцелуйчиков.

«Фу-ты, ну-ты, лапти гнуты», — презрительно подумал Витька, а вслух сказал:

— Бабася — мой самый лучший друг! Правда, Бабася?

— А то нет! — ответила старушка, нахватавшись таких замечательных Витькиных выражений. — Мы с ним не разлей вода!

Витька горделиво поглядел на Люську, в опущенной руке которой забыто болтался несчастный младенец, изо всех сил удерживаясь за неё своими пухлыми перевязанными, словно сосиски, пальчиками. Из-под сдвинутого на лицо кружевного чепчика на Витьку злобно глядел один глаз. Витьке стало не по себе, и он быстро отвернулся, тем более что в это время хитрая Люська уже льстилась к Бабасе:

— А меня примете в свою компанию?

Витька хотел для порядка поломаться, но нечаянно опять встретился взглядом с одноглазым, словно пират, младенцем и, вздрогнув, торопливо пообещал:

— Возьмём, конечно!

— Ой, правда? — обрадовалась Лиса. — Как здорово!

Бабася оторопело уставилась на куклу:

— Это кто же такой?

— Это у нас Эдди! — опомнилась Люська, беря младенца на руки.

— Эдди? — поразилась старушка. — Ишь ты, какое заковыристое имя! Ну-ка дай поглядеть на него, какой такой Эдди.

Бабася оглядела младенца со всех сторон, покачивая головой и чмокая, и, видимо, не имея сил с ним расстаться, сказала:

— Пускай он немного у меня поживёт. Вдвоём нам не так будет скучно. Я назову его Ваня.

Младенец, молча и бессмысленно пялился в потолок, так что было непонятно, согласен он со своим новым именем или имеет на этот счёт собственное мнение.

— Пускай! — согласилась не жадная Люська, но при этом предусмотрительно заметила: — Мы будем играть с ним по очереди: один день — вы, другой день — я. Ладушки?

— Жили у бабушки, — весело крикнул Витька, довольный тем, что так здорово всё вышло.

— Вот вы где! — раздался позади них голос Витькиной бабушки, которая направлялась на огород за зелёным луком для окрошки и увидела в дверях ребятишек. — Чем занимаемся?

— Ой, баб Мань, — умильным голосом пропела хитрая Лиса, — Здравствуйте!

— Здравствуй, Люсенька, здравствуй!

— Исчезни! — шепнул Витька Бабасе. — Быстро! А то тебе сейчас тоже достанется.

— Так чем же занимаемся? — переспросила бабушка, подходя.

— Да… мы тут… вот… играем, — пролепетал Витька, глупо ухмыляясь.

— Не в трактористов ли? — всплеснула руками бабушка, увидев чумазого с ног до головы внука.

Тут невидимая Бабася, то ли с перепугу, что ей тоже перепадёт от Витькиной бабушки, то ли ещё отчего, нажала на то место на животе куклы, где находится скрытая кнопка, приводящая в действие говорящий механизм, и младенец неожиданно громко хихикнул, да так противно, что даже у самого Витьки заломили здоровые зубы:

— Хьи-хьи-хьи…

— И совсем даже не смешно, — рассердилась бабушка. — Как тебе не стыдно!

— Это не я! — возмутился Витька.

— Не хочешь ли ты сказать, что это сделала Люся?

— Нет, не хочу!

— Ну, вот видишь! Мало того, что ты чумазый, как поросёнок, так ты ещё и смеёшься надо мной.

— Да не смеялся я над тобой! — напрасно оправдывался Витька, но бабушка его не слушала, строго приказав:

— Витя, пойдём домой!

— Мы ещё немного с Лис… с Люсей поиграем.

— Люся тоже пойдёт домой. Хотя в отличие от тебя она очень аккуратная девочка. Видишь, какое на ней платье беленькое и нарядное.

— Подумаешь! — насупился Витька.

— До свидания, баб Мань, — скромно сказала аккуратная Люська и чинно направилась к дому.

У калитки Люська остановилась и, глядя через плечо на Витьку, жеманно вздохнула:

— Фи!

Витька, шагавший с обиженным видом впереди бабушки, будто под конвоем, вдруг гордо вскинул голову и, заложив руки за спину, громко запел, сильно фальшивя:

Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает…

11

На следующий день Витька смирно сидел за столом и завтракал блинами, запивая их козьим молоком. Незаметно от бабушки он после каждого съеденного блина, ощупывал себя за плечи и руки, пробуя, не подросла ли уже мускулатура.

— Бывалыча, мужики по двадцать блинов за присест съедали, — вела умную беседу бабушка, возясь у плиты. — Оттого и были мужики в стародавние времена сильные. Мой тятя, твой прадед, помню, за раз по два мешка муки носил. А мешки были не чета сегодняшним — по шесть пудов весили, — бабушка забормотала, подсчитывая. — Это… это, чай, под сто килограммов каждый будет. Возьмёт он, страдалец, их под мышки и играючи на воз несёт. Со стороны поглядеть, и то страшно становится… А ему хоть бы што. Однажды этот самый воз возьми и застрянь на дороге прямо в грязи. Так тятя что удумал? Лошадь выпряг, а сам заместо неё в оглобли и впрягся. Воз из грязи вытянул и говорит лошади: «Эх, Сивка, Сивка, где же тебе было справиться, ежели я сам насилу вытянул». Во как! Это ж надо: «Я сам насилу вытянул». Выходит, он себя здоровее лошади считал. Ох, и силёнка была у покойного! А уж если за стол садился, то не менее как сорок блинов за раз съедал. Маманя за ним блины печь не успевала, царствие ей небесное!

Витька, давясь и тараща глаза, доел третий блин, но никаких изменений в своём организме не почувствовал. А на самом деле очень сильные изменения произошли с его организмом: мягкий до этого живот стал тугим, как барабан.

Вытирая молочные усы и отдуваясь, Витька откинулся на стуле отдохнуть, а чтобы время не тратить попусту, решил разузнать:

— Бабушка, а бабушка, а вот дедушка мой… Он был сильный?

— Дедушка-то? Си-и-ильный. А ещё больше он был отважный.

— Отважный? — заинтересовался Витька. — Расскажи!

— Раньше у нас здесь пруд был. Вот там, где низина, видел?

— Видел.

— Так вот, там ребятишки малые… навроде тебя, на коньках любители были кататься. А раньше какие коньки? Простенькие были: на валенки прикреплялись — палочка, верёвочка… Катались они, значит, катались, а лёд возьми и подломись под ними… А их сердешных аж четыре ребятёнка было… Кричат они… в воде ба-

рахтаются… тонут значит… Ну их мой Митя, твой дедушка, и услыхал. Мы же на самом краю живём. Он, не раздумывая, и побёг их выручать. Успел только телогрейку да шапку скинуть, а это прямо как был в валенках и одежде, так и сиганул в прорубь…

У Витьки захватило дух:

— Спас?

— Спас, как не спасти. Ох, и бедовый дед твой был.

— Бабушка, а бабушка, а вот скажи: лучше быть сильным или отважным? Вот как ты думаешь? — проявил Витька громадное любопытство.

Но тут не ко времени явилась не запылилась Люська в ярко-красном в белый горошек платье и в розовой дурацкой шляпке, из-под которой торчали в стороны огненные косички.

— Здравствуй, баб Мань!

— Ой, раскрасавица ты наша! — засуетилась бабушка. — Вот так гость дорогой! Присаживайся, миленькая, сейчас горячими блинками угощу.

— Спасибо, баб Мань, — отказалась Люська. — Я завтракала.

Витька с удивлением оглядел её, подняв выгоревшие брови, и едко спросил:

— Ты куда это так вырядилась?

— Чтобы тебе понравиться, — засмеялась бабушка. — Чем вы не пара?

Витька возьми и легкомысленно брякни:

— Никогда не женюсь! Охота каждый день ругаться!

— А если так, то нечего ко мне было и приставать, — неизвестно чему обиделась вдруг Люська.

— Я? К тебе? Приставал?! — поразился Витька.

— А что, неправда?

— А то правда!

— Ну, ну, будя, будя, — вмешалась в разговор бабушка. — Прямо как взаправдашние муж с женой.

— А чего она?

— А чего он?

За таким содержательным разговором все забыли о блинах. Запахло горелым, и бабушка, всплеснув руками, кинулась выручать дымившийся блин.

Люська тотчас дёрнула за рубашку Витьку и миролюбиво зашептала:

— Я для чего шляпу-то надела. Я её у бабушки своей еле-еле

выпросила, как бы для себя. А на самом деле совсем даже и не для себя. Оно мне надо! Это я для Бабаси. В общем, на улице всё расскажу.

Витька сразу подобрел и понимающе кивнул, а деятельная Люська, сделав страшные глаза, хищно прошипела:

— Тогда идём быстрее! Чего ты расселся, как… дундук?!

После бабушкиных блинов Витька, не обладая былой ловкостью, передвигался черепашьим шагом, нарочно делая вид, что ему сегодня торопиться некуда, несмотря на отчаянные мольбы Люськи, которой не терпелось поделиться своими соображениями.

— Витя! Ну! Ну, иди же быстрее! Ну! Ну, Витька же!

Они сели рядышком на скамейку под рябинкой и стали беседовать, болтая ногами.

— Сегодня какой день? — спросила Люська.

— Понедельник.

— Я знаю, что понедельник. Праздник какой?

— Вчера была Троица, — припомнил Витька.

— А сегодня? — со значением спросила Люська.

— Н-не знаю.

— Духов день сегодня! — воскликнула Люська. — Вот какой!

— Ну и что? — непонимающе хлопал глазами Витька.

— А то, что этот праздник Бабасин.

— Че-ей? — перестал моргать Витька и вытаращил глаза.

— Балда! — разозлилась Люська. — Повторяю специально для бестолковых: Ду-у-хов день. А Бабася у нас — кто?

— Дух! — сообразил Витька.

— То-то же!

— Ну, а при чём здесь вообще всё это? — никак не мог взять в толк Витька.

— Ой, балда! — закатила глаза Люська. — Я для того и взяла шляпку, чтобы нарядить в неё Бабасю в её праздник. Вот для чего! Да и вообще, чего это она у нас ходит в своём рваном да ещё пуховом платке летом, как какая-нибудь… бомжиха… Не дело это!

— Во-он что! Это ты здорово придумала! — воскликнул поражённый Витька и торжествующе захихикал. — А я знаю, где взять ей остальную одежду… Ну там всякие разные… как их…

— Юбку, — подсказала Люська. — Кофту.

— Вот-вот! У нас в горнице сундук стоит… Там этой самой одежды, сколько хочешь. Всё равно её бабушка не носит…

— А может, лучше попросить? — заколебалась Люська.

— Ага! Размечталась! — Витька скривил лицо, стараясь, чтобы выходило посмешнее, и противно загнусавил: «И кого же ты, наша раскрасавица, в эти платья хочешь нарядить? Не себя ли дорогую? Но что-то мне подсказывает, что они тебе будут великоваты! Тогда для кого же?»

Откуда ни возьмись появился кот Васька, пробираясь среди высокой травы, как маленькая чёрная пантера. Две голубенькие бабочки размером меньше обычных, наверное, их детки, легко порхали над лугом, играя в пятнышки. Хотя с точностью определить игру не представлялось возможным из-за похожести деток: может, они и гонялись друг за другом, а может, демонстрировали высший пилотаж — поди разберись. Очевидно, устав, бабочки решили подкрепиться сладким нектаром и неосторожно приземлились на цветок, прямо на пути кота Васьки. Кот от такой наглости пришёл в неописуемое возбуждение и, присев, на полусогнутых ногах стал красться к бабочкам, нервно дёргая хвостом. До беззаботных бабочкиных деток оставалось каких-то полметра, как кот Васька, взвившись свечой, сверху обрушился на цветок и… нос к носу столкнулся со страшным мохнатым шмелем, невесть как здесь оказавшимся. Жёлтые шальные глаза кота Васьки от неожиданности сошлись к переносице: как могли две безобидные на вид бабочки превратиться в грозного шмеля? Не иначе по волшебству! Шмель, долго не думая, первый атаковал незащищённый нос непрошеного гостя, ошибочно приняв его за врага. Невзвидев света от боли, кот Васька с отвратительным воплем с небывалой скоростью понёсся к дому. Шмель долго гнался за ним с грозным гулом, как военный бомбардировщик, время от времени пикируя и жаля куда попало.

И Витька, и Люська понемногу заулыбались, а потом захохотали. Ссоре, как видно, не суждено было состояться.

— Ладно уж, — примирительно сказала Люська. — Будь по-твоему. Хотя, если по-честному, брать чужие вещи без спросу — это очень … не-пе-да-го-гично.

— Мы же не для себя, — возразил Витька, слегка поражённый её учёностью. — Если бы для себя, тогда другое дело… Тогда да, это было бы непед… непедаг… непедог… — он покраснел и замолчал, скосив глаза вбок — не смеётся ли над его необразованностью Рыжая Лиса.

Но Люська, наоборот, вдруг посерьёзнела и, очевидно, решив

уточнить то, что вызывало у неё дополнительное беспокойство, спросила, пытливо поглядывая в шелушившееся Витькино лицо:

— Как думаешь, вот если брать не для себя, а для другого человека… Ну, которому эта вещь нужнее, чем тому другому… у которого берёшь... Это будет считаться воровством или ещё нет?

— Если насовсем берёшь, то, наверное, будет считаться… а если не насовсем, то — нет… Это совсем другое дело… не насовсем… не насовсем любой даст, — рассудил Витька.

— Здрасьте! — воскликнула Люська, сделав большие глаза. — Это что же получается: после праздника мы опять Бабасю разденем? Мол, извини-подвинься, а нам одежду нужно возвращать!

— Почему возвращать? — сказал Витька. — Пусть ходит.

— А тогда кем же, по-твоему, будем считаться мы? — спросила Люська и сама себя безжалостно обличила: — Воры! Вот кто!

— Почему это сразу — воры? — обиделся Витька. — Даже ни капельки мы и не воры!

— А кто же тогда?

— Кто?! — и тут Витьку осенила замечательная мысль. Он даже подпрыгнул на скамейке, наверное, как древний Архимед в своей ванне, но в отличие от него заорал не «Эврика!» а совсем другое. — Дед Пихто и бабка с пистолетом! Вот кто! Пускай это будет считаться, что платье мы… ну, как будто взяли не насовсем… Ну во временное пользование… А, когда вырасту, я бабушке хоть тысячу платьев подарю. Какие она захочет. Вот!

12

Решив так, они опять пришли в хорошее настроение. Продолжая болтать ногами, исподтишка стали наблюдать за домом. Дождались, когда бабушка ушла в гости. Наверное, хвалиться соседке, до чего удачные получились блины. Уж до того удачные, что даже Витька, которого сроду не заставишь целиком съесть блин, сегодня съел аж целых три. Откуда бабушке было знать, что Витька ел блины для прибавления силы… Ну и слегка проголодался за ночь. Но уж во всяком случае не оттого, что они, по словам бабушки, «прямо воздушные». А если говорить о вкусах, то Витька большой любитель земляничного варенья. Он мог сутками напролёт уплетать душистое варенье целыми ложками, если бы бабушка не жадничала, хитро ссылаясь на то, что варенье есть детям много очень вредно

для здоровья и вообще, мол, его кладут в чай только для «скуса» и запаха. Как будто, кроме него, в чай класть нечего! Для этого продают специальную чайную заварку. Уж её точно никто ложками есть не станет. Если по-честному разобраться, то от чая варенье только портится, становится совсем даже невкусным… как… как обмылок. Вот будет Витька совсем большим, наварит себе варенья земляничного… Сразу сто банок! Тогда он сам наестся до отвала и другим любителям варенья даст… Ни капельки не пожадничает.

— Пора! — заговорщицки, как настоящая шпионка, шепнула Люська.

Витька, прерванный на интересных размышлениях, сглотнул слюну, и они с Люськой, заранее пригибаясь, побежали к дому. А так как бабушка — добрейшая душа — вместо замка накинула одну заложку, что означало временное отсутствие хозяев дома, внутрь они проникли без приключений.

В горнице душисто пахло Богородициной травкой и стояла прохладная тишина.

— Вот это да! — удивилась Люська, увидев чёрный сундук необъятных размеров с коваными ручками по бокам.

— А я что говорил! — похвалился Витька и, тужась, приподнял тяжеленную крышку.

Они с замиранием сердца заглянули внутрь. После тщательного осмотра, в результате которого содержимое сундука было перевёрнуто вверх дном, выбрали широкую цветастую юбку, навроде цыганской, и зелёную лёгкую кофту.

— Я думаю, Бабасе это очень подойдёт, — сказала Люська.

И Витька с ней согласился:

— Да… Это будет круто!

Они пулей вылетели на улицу и помчались к сараю. Чуть не стукнувшись лбами, заглянули в дверь, позвали:

— Бабася!

— Бабася!

— Мама! — отозвалось из темноты, и под легкомысленный хохот к ним вышла Бабася с куклой на руках.

Сказать по правде, Витька совсем забыл про младенца и, когда услыхал нечеловеческий хохот, от неожиданности оцепенел, посчитав это за проказы поселившегося здесь какого-нибудь привидения. А что, вполне возможно! Привидения живут в заброшенных домах, а лучших условий, чем в Витькином сарае, тоже почти заб-

рошенном — тёмном и страшном, опутанном вдоль и поперёк липкой мохнатой паутиной, для проживания во всей округе не найти. Вот было бы здорово! Кто водит аквариумных рыбок, кто экзотических попугаев, а у него был бы свой целый… зоосад… всяких разных там духов и привидений.

— Бабася! — взволнованно объявила Люська. — Мы тебе одежду принесли!

Бабася, минуту назад запросто обходившаяся старой одеждой, теперь восприняла появление новой как неожиданный подарок судьбы. От вида ярких расцветок у неё по-молодому заблестели глаза.

— Это что же, мне всё? — спросила она.

— А то кому же! — подтвердил Витька.

Такой ответ вполне удовлетворил Бабасю, и она ревностно сказала:

— Тогда давай её сюда. Чево вцепилась, как в свою.

Она бесцеремонно выхватила из рук оторопевшей Люськи одежду, а взамен сунула куклу:

— Держи!

И тотчас растворилась, успев напоследок предупредить:

— Я ещё вернусь.

В ожидании Бабаси Витька улёгся на зелёную сочную травку. Он снял рубашку и в одних шортах подставил себя под солнечные лучи. Поколебавшись, Люська аккуратно присела рядышком, не выпуская из рук младенца.

Глядя на бегущие в небе облака, похожие на стадо белых барашков, Витька сказал:

— Я всё хотел тебя спросить: почему у твоей куклы такой голос?

— Какой такой?

— Против… Ну, то есть… Какой-то ненормальный.

Люська слушала, поджав тонкие губы, потом раздельно сказала:

— Потому что он… в своё время попал в беду.

— Он что же, — ухмыльнулся Витька, — живой, что ль?

Люська, подозрительно шмыгая носом, поведала душещипательную историю из жизни большеголового младенца, из которой выяснилось, что одна злая девочка в отместку Люське оставила его на улице на скамейке на всю ночь под проливным дождём.

— Поэтому он простудился, — внесла ясность Люська, — и охрип.

В связи с новыми открывшимися обстоятельствами Витька по-

иному поглядел на куклу, чтобы получше разглядеть этого геройского младенца. При более тщательном осмотре лицо куклы оказалось слегка нездоровым: от воды в некоторых местах облезла краска, а на голове, где клей не успел совсем раствориться, были заметны сохранившиеся волосики. Судя по изменениям, которые произошли с младенцем после той ужасной ночи, удивительно было вообще, как продолжал работать разговорный механизм, не говоря о хрипоте.

Витька не нашёлся, что ответить, и просто покивал головой, подтверждая тем самым истинную правоту Люськиных слов.

— А то пупсик какой-то, — не замедлила попенять ему Люська, проявив поразительную мелочность и злопамятность, припомнив вчерашний их разговор.

Витька остолбенело заморгал, а Люська как ни в чём не бывало стала дальше возиться со своим геройским младенцем, привычно сюсюкая:

— Не плачь, Эдди (с того самого момента, как кукла перешла из рук Бабаси, где она именовалась Ваня, в руки Люськи, она опять стала зваться Эдди)… Вот найдём знающего доктола… он нас и починит… Будем тогда лазговаливать нолмально… как Хлюша со Степашкой.

— Тоже мне, нашла на кого равняться! — пренебрежительно скривился Витька.

— Ну, знаешь, — возмутилась Люська. — Тебе никто не нравится! Что не скажешь, всё не по тебе. Ну скажи, скажи, разве я не права? Кто тебе нравится?

— Чак Норрис! — небрежно сказал Витька. — Он всегда защищает слабых. Его все пацаны в нашем дворе уважают.

Люське больше сказать было нечего, и она, поджав губы, отвернулась.

В это время из сарая, словно чёрт из табакерки, лихо выпрыгнула нарядная Бабася.

— Вот и я!

Сидя на траве, Витька уставился своими круглыми карими глазами на старушку. Трудно было узнать Бабасю, если бы не её дырявый пуховый платок.

Люська, широко раскрытыми глазами неотрывно глядя на Бабасю, поднялась на ноги.

— Кто это? — спросила она притворно.

— Аль не узнали? — обрадовалась старуха.

— Разве тебя сейчас узнаешь? — подыграл и Витька.

Бабася, оказавшаяся в центре внимания, была неслыханно счастлива. Она по-птичьи наклоняла голову то направо, то налево, пытаясь оглядеть себя со стороны.

— Эх, жалко, зеркала нет! — огорчилась Люська.

— Почему это нет? — вскочил Витька. — А в горнице!

— Правда! — воскликнула Люська и схватила Бабасю за руку. — Идём скорее в дом! Там большое зеркало есть! В него и посмотришься.

— Што ещё за зеркало?

— Бабась, ты не знаешь, что такое зеркало? — удивилась Люська и как могла объяснила старушке о предназначении этого волшебного стекла.

— А-а, — догадалась Бабася. — Это как самовар.

— При чём здесь самовар? — не понял Витька.

— Самовар-то? А гляделись раньше в него, — сказала Бабася. — Начищали песком до ослепительного блеска, и вот тебе это самое… зеркало.

— Ну и как?

— Что — как?

— Себя-то угадывали?

— Уга-адывали… как же… Правда, с трудом, — вздохнула Бабася. — Уж больно расплывчатым все получалось… Кривым… прямо страшно и смотреть-то на себя было.

— Как в комнате смеха, — прокомментировал Витька и затрясся в беззвучном смехе.

Хоть Бабасе и не терпелось поглядеть на себя в зеркало, совсем головы она не потеряла, вспомнив:

— А прялка?

Витька бросился в сарай и выволок прялку.

— Порядок!

13

В горнице Бабасю сразу подвели к зеркалу, которого ей в жизни не приходилось видеть, и она, разинув рот, зачарованно уставилась на свой наряд, ничего кругом не замечая.

Торжественность момента нарушил Витька, громогласно заявив:

— Бабася, твой чепуховый платок надо срочно менять на шляпку.

— Почему это он чепуховый? — обиделась старушка. — И совсем даже не чепуховый. Я его тыщу лет ношу… «Че-пу-хо-вый». Сам ты чепуховый…

Витька, чтобы не злить Бабасю, миролюбиво сказал:

— Нет, что ты… Я ничего против платка не имею. Я просто хотел сказать, что он немно-о-жечко порван… И если вместо него надеть вот эту шляпку… Будет очень здорово!

Бабася с интересом поглядела на розовую шляпку на голове Люськи и, вздохнув, сказала:

— Никак мне без платка нельзя.

— Нет так нет! — успокоил её покладистый Витька. — И так сойдёт!

Люська обдумала создавшееся положение и посоветовала:

— А что если надеть поверх платка?

— Точно! — воспрянул духом Витька. — Как это я сам не додумался!

— Ну да! Ну да! — обрадовалась и Бабася. — Давай её скорее сюда!

Не успели Витька и Люська глазом моргнуть, как расторопная Бабася ловко водрузила на себя шляпку прямо поверх пухового платка.

— О-ой, жить мне не пережить! — радостно заголосила она и, как бы не веря своим глазам, показала на себя в зеркале. — Аль это я такая? Ну прямо красна девица!

Ребята осмотрели Бабасю с головы до ног и остались довольны её видом, тут же запрыгали на месте, звонко крича:

— Красна девица! Красна девица! Красна девица!

Красна девица Бабася от переполнивших её чувств тоже запрыгала, грохая башмаками, как копытами.

Когда страсти немного улеглись, деятельная Люська предложила:

— А давайте играть в «гости».

— Как это?

— А так, — объяснила Люська. — Мы с тобой понарошку будем считаться муж и жена… А Эдди — наш сыночек… А Бабася будто бы к нам приехала издалека в гости… И мы будем угощать её всякими разными сладостями.

Упоминание про угощенье произвело сильное впечатление на Бабасю, и она быстро сказала:

— Я согласная! Скорее давайте играть!

— Здра-авствуйте! — сказала Люська, изображая гостеприимную хозяйку. — Откуда вы к нам пожаловали?

— Ты чего опять здороваешься? — удивилась Бабася.

— Но вы же приехали к нам в гости… Вот я и здороваюсь.

— А-а… Ну, здравствуй!

— Откуда вы к нам пожаловали?

— Из тридевятого царства, — важно ответила Бабася.

Тут настал черёд удивиться Люське.

— Это понарошку… или по правде?

Но Бабася уточнять не стала, видно, чтобы не тянуть время, потому что тут же поторопила:

— Скорее давайте играть дальше!

— Вы, наверное, проголодались в дороге? — продолжая играть гостеприимную хозяйку, спросила Люська.

— «Проголодалась»? Да я сто лет никаких сладостей не ела! Дай мне что-нибудь пожевать!.. И побыстрее!

— Нет, так не пойдёт, — сказала Люська. — Ты должна для вида отказаться.

— Это почему же я должна отказаться?

— Так положено среди людей. Так поступают все гости. Правда, Вить?

Витька кивнул, хотя имел другое мнение. Но переспорить Бабасю было трудно.

— Как это так положено? А если я есть хочу! Что же мне теперь есть хотеть, а отказываться… раз так положено. Ничуть так не положено!

— Нет, положено!

— Нет, не положено!

Люська тоже оказалась упрямой и топнула ногой.

— А я говорю, положено!

— Ну и играйте тогда сами с собой, — с обидой промолвила Бабася, — раз ты на меня ногой топаешь. А я не люблю, чтобы на меня топали ногой… Ещё и ногой топает, — Бабася насупилась и замолчала.

— Всё пропало! — панически шепнул Витька. — Теперь она с нами водиться не будет!

Чтобы уладить дело миром, Люська милостиво поторопила события:

— О-ой, гостечек ты наш дорогой! — заголосила она так прон-

зительно, что даже хладнокровный Витька вздрогнул. — Присаживайся к столу… Присаживайся, миленькая… Сейчас мы тебя угощать будем…

Бабася, косясь, уставила внимательный и хитрый взгляд своих живых глаз на пустой стол и осталась стоять.

— У тебя есть что-нибудь вкусное? — шёпотом спросила Люська.

— Блины… — кивнул Витька.

— Неси!

Витька поставил на стол тарелку с горкой тёплых блинов, прикрытых расшитым полотенцем.

— Вот!

Бабася сделала едва заметный шажок в сторону стола.

— А что-нибудь из сладкого? — опять спросила Люська.

— Варенье! — Витька сглотнул слюну.

Они втроём сели за стол, накрытый ради праздника новой скатертью, и повели солидную неторопливую беседу о всяких делах и новостях.

Витька хотел было отложить варенье в вазочку, но Бабася категорически этому воспротивилась, авторитетно заявив:

— Что ты! Не надо! Так вкуснее!

И она начала полными ложками таскать себе в рот варенье прямо из банки, аппетитно закусывая блинами.

Эдди, который теперь именовался Ваня, вальяжно развалился у неё на коленях, и Бабася время от времени подносила к его губам ложку, делая вид, что угощает.

Через полчаса активного поедания гостинцев, в течение которого Витьке и Люське достался один блин на двоих и две-три ложки земляничного варенья, бабушкина стряпня получила полное одобрение Бабаси.

— Давно я так вкусно не едала! — призналась хитрая старушка, сытно жмуря глаза под розовой шляпкой, точно жирный самодовольный кот Васька, и осторожно поинтересовалась: — Когда мне опять приезжать в гости?

Витька, прерванный на интересном подсчёте — это же сколько блинов съела Бабася и во сколько раз у неё теперь увеличилось силы? — чуть не поперхнулся и туманно ответил:

— Как-нибудь… в другой раз…

— Значит, завтра, — решила Бабася. — Чего же откладывать, раз я по вам уже соскучилась.

В сенях стукнула входная дверь, и они услыхали бодрые голоса; один был бабушкин, другой соседки Клавдиванны.

— Кума! — спросила удивлённая Клавдиванна. — Чего это у тебя здесь прялка стоит? Аль пряжу помаленьку прядёшь?

— Что ты, кума! — ответила не менее удивлённая бабушка. — Откуда сейчас пряжу взять. Наверное, внучек из сарая приволок, — и желая погордиться Витькой, умильным голосом запричитала: — Уж до чего деятельный… До чего хозяйственный…. Прямо на месте ему не сидится… Так всё и норовит своими руками пошшупать…

— Бедовая молодёжь пошла, — поддакнула соседка. — Нонче-то не особенно нас стариков слухают. Самосто-я-ятельные! Как же!

— Да нет… Наш-то ничего… сми-ирнай! Покуда со мной не поделится, сам ни за что есть не станет. В нашу родню пошёл!

Прислушиваясь к голосам, Витька уныло сказал, ёрзая на табуретке:

— Ну вот… теперь я получу от бабушки нагоняй.

— Не ты один, — заметала Люська.

— Нет, — вздохнул Витька, — Я один, — и, подтверждая своё исключительное положение, добавил: — Ты мне даже не невеста.

Бабася покрутила головой в розовой шляпке и, видно, движимая неясным предчувствием тревоги, быстро сказала:

— Кажется, я засиделась в гостях.

И тотчас пропала, став невидимой.

Бабушка пропустила вперёд Клавдиванну.

— Проходи, кума, проходи! Сейчас мы с тобой будем пить чай с малиновым… варень-ем и бли-на-ми…

Последнее слово бабушка произнесла неуверенным голосом. И, чтобы не упасть, прислонилась к стене.

— Мать честная! — всплеснула руками соседка. — Да они тут одни угощаются! Ни дать ни взять — жених и невеста!

— Чего привязались! — вспылил Витька. — Наладили: жених да жених.

Бабушка большими глазами оглядела стол, заставленный пустой посудой. Остановив свой остекленевший взгляд на забытой Бабасей кукле, которая сидела во главе стола, перемазанная до самых ушей липким вареньем, тихо спросила, видно, слегка тронувшись умом:

— Он что… тоже с вами ел?

Витька, который никак не мог успокоиться, громко сказал:

— Все ели! Ещё «жених» какой-то!

Бабушка, держась за стены, тяжело опустилась на стул.

— Всё, кума… праздника не будет.

Клавдиванна оглядела всех троих и участливо поинтересовалась:

— Вам не плохо?

— А ничего… не жалуемся! — независимо ответил Витька.

Клавдиванна, укоризненно качая головой, засмеялась:

— Вот тебе, кума, и желанничек!

Её ехидное замечание, очевидно, совсем не понравилось Бабасе, потому что позади веселившейся соседки медленно пополз стул, на который она собралась садиться. Пользуясь своим невидимым положением, Бабася решила заступиться за Витьку. Через секунду Клавдиванна грузно шмякнулась на пол, над столом взметнулись её полные раскоряченные ноги. С белой праздничной скатерти, в край которой успела в последний момент вцепиться старушка, на неё посыпалась грязная посуда.

Ошибочно приняв падение за обычную неловкость, Клавдиванна, видя всю смехотворность своего дурацкого положения, вполголоса ругаясь, стала подниматься. А так как вес её немногим не дотягивал до веса маленького слонёнка, она вначале встала на четвереньки, потом, перенеся центр тяжести на руки, медленно стала выпрямлять свои тумбообразные ноги. Глядя на её объёмистый зад — тоже очень похожий на слонёнковский, если его рисовать сзади, Витьке неожиданно пришла мысль, которая в схожей ситуации обязательно пришла бы в голову любому мало-мальски настоящему мальчишке: поддать в зад ногой. Интересно, что точно такая же мысль пришла и в голову Бабасе. Вот что значит настоящие друзья!

С вытянутыми руками, точно прыгун в воду, Клавдиванна полетела вперёд. Метра через два приземлившись, она неловко вывернула на сторону голову и, сверкая белками расширенных глаз, испуганно спросила:

— Что это было?

Витька с Люськой переглянулись и прыснули, прикрывая рты руками.

14

Наутро Витька отправился к Люське. Заходить в дом он постеснялся и стал вызывать её на улицу, крича:

— Лю-ся! Лю-ся!

Но никто не отозвался, и Витька, сложив ладони рупором, позвал громче:

— Лю-ся!

Ему опять никто не ответил, и тогда Витька крикнул иначе:

— Ку-куш-ки-на!

Наконец он потерял терпение и во всё горло заорал:

— Ку-куш-ка!

На крыльцо вышла Люськина бабушка и, из-под ладони поглядев на Витьку, ехидно спросила:

— Мил человек, аль ты думаешь, здеся глухие проживают?

— Здравствуйте, бабушка, — сказал, смутившись, Витька. — Люся дома?

— Ась? — Люськина бабушка приложила ладонь к уху.

— Говорю: здравствуйте! — Витька поклонился, наглядно демонстрируя своё дружелюбное отношение к старенькой бабушке.

— Здравствуй, здравствуй, коль не шутишь, — ответила Люськина бабушка.

— Люся дома? — начал опять Витька.

— Ась? — Люськина бабушка приложила ладонь к другому уху, став теперь похожей на сказочного Чебурашку.

Витька, догадываясь, что Люськина бабушка туговата на оба уха, пронзительно заорал:

— Говорю, Люся дома?

— Ты чего кричишь? — обиделась Люськина бабушка. — Аль я глухая?

— Извините, — оробел Витька. — Люся дома?

Люськина бабушка спустилась с крыльца и подошла к Витьке, сердито бурча:

— Ты не горлопань! Вот кричит и кричит, слово не могёт спокойно сказать.

— Это у меня голос такой, — на всякий случай соврал Витька.

Люськина бабушка, с сомненьем оглядев Витькину тщедушную фигуру, спросила, качая головой:

— Где же он в тебе только и помещается?

— А тут и помещается, — ответил Витька и стукнул себя в цыплячью грудь, загорелую, как чугун.

— Што-то не очень похоже, — засомневалась Люськина бабушка.

Чтобы поддержать свой авторитет, Витька, оглядевшись, при-

метил у ограды кучку напиленных чурбаков. Быстро подойдя к ним, три раза поднял над головой сучковатый чурбак, потом, выбрав самый толстый, на одной ноге запрыгнув, побалансировал на нём и, как ни в чём не бывало, спрыгнул на землю с таким видом, словно он этими пустяками занимается каждый день, даже совестно об этом и говорить.

Люськина бабушка очень была поражена ловкостью Витьки и, всплеснув руками, похвалила:

— Ай да молодец! Ай да герой!

Приняв славу как должное, Витька опять вспомнил про Люську.

— Бабушка, а бабушка, а Люся дома?

— Дома! Где же ей быть, как не дома.

— Она на улицу выйдет?

— Выйдет.

— А чего же она так долго не выходит?

— Наряд выбирает, — призналась простодушно бабушка.

— Чего выбирает?

— Наряд… Платье…

— Зачем его выбирать? — спросил Витька, ошеломлённый столь глупой девчачьей затеей. — Это если в гости идёшь, его надо выбирать… А если так, на улицу… Чего же его выбирать?

— Так то в гости, — сказала Люськина бабушка, не сводя хитрых глаз с Витькиного лица. — А тут, скорее, на свидание.

— Вечно эти девчонки привередничают! — пробурчал Витька, не заметив намёка.

Тут Люськина бабушка всполошилась, захлопала себя по бокам, как курица-несушка, крыльями. — Ах, я старая карга! Совсем запамятовала… Мне же было велено передать тебе, чтобы ты её дождался… А я тут лясы с тобой точу… А о самом-то главном и забыла сказать. Ох, старость не радость. Так ты её уж дождись… сделай милость.

— Дождусь! — готовно кивнул Витька, который намеревался сегодня заняться одним полезным делом, и без Люськиной помощи обойтись было никак нельзя.

— Вот-вот, дождись, дождись, — дрожащим от смеха голосом сказала Люськина бабушка и засеменила в свою ограду.

Витька был человеком вежливым и крикнул:

— До свидания, бабушка!

Но его голос никакого впечатления на Люськину бабушку не про-

извёл, видно, она находилась уже вне его досягаемости. От нечего делать Витька стал слоняться вперёд и назад, пока на глаза ему опять не попались чурбаки. Чтобы такие хорошие чурбаки не пропадали зря, Витька немного потренировался и, ощупывая мускулы, которые заметно отвердели, присел на лавочку отдохнуть.

В просвет между листьями рябинки пробивались солнечные лучи, отчего её крона казалась наполненной светом. В листве свистела иволга:

— Фтиу-лиу, фтиу-лиу!

Витька с удовольствием послушал иволгу, а Люськи всё не было. За это время, по его расчётам, даже самая привередливая модница успела бы перемерить целый магазин готового платья. От долгого сидения Витьке стало скучно, и он, ища, чем бы заняться, выложил содержимое карманов на скамейку. Из вороха таких просто необходимых в каждом мальчишечьем хозяйстве предметов, как крепкая бечёвка, коробок со спичками, складный ножичек и других не менее полезных вещей, Витька выбрал увеличительное стекло от старых бабушкиных очков. Давно он собирался оставить о себе какую-нибудь память в деревне. А скамейка как нельзя лучше подходила для этого, несомненно, важного дела. Вот выжжет он на ней свои имя и фамилию, а лет через сто другой мальчишка будет вот так сидеть на скамейке, как он сегодня, а рябинка к тому времени будет уже не рябинкой, а огромной развесистой рябиной в два, а то и в три обхвата, и прочтёт этот самый мальчишка его надпись и будет знать, что жил на земле такой вот Витька Картошкин. Однако жалко, что он уже не сможет сам прийти, чтобы поглядеть на удивлённую физиономию этого мальчишки.

Не успел Витька так подумать, появилась нарядная Люська.

— Здравствуй, Витя! — сказала Люська, откровенно красуясь.

Витька недобро оглядел Люськино голубенькое платье с белыми воланчиками по подолу и двумя голубенькими под цвет платья ленточками в косичках.

— Сколько у тебя платьев? — хрипло спросил Витька.

— А что? — кокетливо спросила Люська.

Витька, который все каникулы ходил в одних облезлых шортах, зловеще сказал:

— А то… Я что, тебя должен ждать, пока ты все платья свои перемеряешь?

Люська слушала, поджав тонкие губы, потом жеманно вздохнула:

— Ох уж эти мальчишки! Всегда они всем недовольны!

— Может, всегда… — сказал нечто загадочное Витька. — А может, и не всегда…

Чтобы избежать дальнейших трений, Люська перевела разговор, поинтересовавшись:

— А чего это у тебя такой голос?

— Какой?

— Хриплый.

— Да я тут… это самое… с бабушкой твоей разговаривал.

— Тогда понятно, — засмеялась Люська и пояснила: — Она у меня сильно глухая.

— Это заметно.

— Но ты не смейся.

— Я и не смеюсь, — изумился Витька. — Это ты смеёшься.

— Я имею право. Потому что это моя бабушка.

На это Витька ничего не смог ответить, только пожал плечами.

— Ты не думай, — объяснила ему Люська. — Я о бабушке забочусь. Я, если хочешь знать, деньги ей на слуховой аппарат коплю. У меня есть такая копилка… Раньше такие из глины делали… в виде попугая… Вот в неё я и коплю.

— И много накопила? — спросил Витька.

— Да нет, не очень… Даже, можно сказать, совсем мало.

Витька уставился круглыми блестящими глазами на Люську.

— Это ты здорово придумала! Даже очень здорово! Знаешь, как обрадуется твоя бабушка!? Сейчас она ходит такая из себя вся глухая. И вдруг аппаратик в ухо — раз! И сразу всё слышно… прям… прям, как в телевизоре… Может, и нам даст послушать. А что? Законно!

— Конечно, интересно, — подхватила Люська. — Вот если заткнуть уши, то я тебя уже не слышу… Ну слышу, только чуть-чуть. А вот если слушать через бабушкин аппарат? Наверное, будет слышно аж от самого дома… А может, даже и от самого оврага.

— Эк ты загнула, — хмыкнул Витька.

— А что?

— А ничего, — сказал Витька. — Аппарат-то бабушкин, а не твой. А ты с ним то к дому, то в овраг. Ты, может, ещё и в дальний лес с ним побежишь?

— Ты же сам сказал, как было бы интересно послушать в него? — резонно заметила Люська.

Но Витьку смутить было трудно.

— Так я сказал послушать немножечко… чуть-чуть, — и он показал, насколько чуть-чуть, отмерив для наглядности крошечное расстояние на мизинце. — А ты до чужого аппарата дорвалась и готова с ним всю деревню обежать.

Люська обиженно насупилась и замолчала.

Витька поднялся со скамейки, сунул руки в карманы, где у него хранились редкие и ценные вещички, и протянул Люське десять рублей. Блестящую юбилейную монету он с самого начала каникул берёг как зеницу ока, чтобы в городе обменять её у одного знакомого любителя нумизмата на половинку бинокля, которая была ценнее, чем целый бинокль, потому что походила на подзорную трубу.

— Вот, — сказал он, вздохнув. — Положишь в свою копилку. Пусть твоя бабушка будет хорошо слышать. А мы и без аппарата как-нибудь проживём. Хотя, если она разрешит… можем и послушать… — добавил он, помолчав.

15

Размахивая руками и горячась всё больше, Витька рассказал о предстоящем деле.

Люська слушала, затаив дыхание, подавленная грандиозной выдумкой. С бухты-барахты такое важное дело, конечно, никто не начинает, и они стали совещаться.

— Я возьму детскую коляску, — внесла серьёзное предложение Люська. — Она у нас в сарае всё равно без дела стоит. Это меня ещё маленькой в ней катали. А как ненужная стала, её сюда привезли, чтобы дома место не занимала.

— Зачем коляска? — не понял Витька.

— Возить!

Витька вытаращил глаза.

— Ты что… чокнулась? Кого возить?

— Не кого, а инструменты. Всякие разные там доски, гвозди, топор… Да и прялку, её легче возить в коляске, чем носить на себе.

Это Люська здорово сообразила, хоть и девчонка. Даже Витька об этом как-то не подумал.

— Это, конечно, хорошо, — сказал он. — Но тебе не кажется, что возить детскую коляску пацану как-то… не совсем прилично.

Но Люська его успокоила:

— Мы же не для себя, а для дела.

— Тогда ладно! — согласился Витька и решил: — А я заодно буду развивать мускулатуру. У меня во дворе одна замечательная железяка валяется… Ох и тяжеленная… Я её специально для веса в коляску положу и буду везде возить…

Но Люська затею эту сходу отмела как вредную.

— Ты что, дурак, да? — повертела она пальцем у виска. — Она же сломается.

— У меня не сломается, — самодовольно заявил Витька. — У меня будет работать как часы, — и распорядился: — Чего расселась… вези свою коляску.

Гордая оказанным доверием, Люська отправилась за коляской, а заодно и опустить десять рублей в копилку, оставив на попечение Витьки куклу. Пользуясь отсутствием хозяйки и других ненужных свидетелей, Витька тотчас подступил с претензиями к лысому младенцу.

— Тоже мне, хорошую моду взял, — сказал он сурово. — Как работать, то тебя нет, а как варенье бабушкино лопать, ты тут как тут.

Глядя на Витьку хитрыми глазами, облезлый Ваня загадочно ухмылялся, чувствуя свою безнаказанность.

— У-у, буржуин несчастный, — обличил его Витька в лености.

— С кем это ты здесь разговариваешь? — раздался позади Витьки голос Люськи, которая появилась так быстро, будто никуда и не уходила.

— Да это… я… сам с собою, — от неожиданности растерялся Витька и машинально взял на руки куклу.

— Ты что же это, — удивилась Люська, — нянчил его?

— «Ня-анчил», — буркнул Витька и вдруг неистово закричал: — Чего рот разинула? На, бери свою дурацкую куклу! «Ня-анчил».

— Ты чего? — непонимающе захлопала глазами Люська. — Дурак, да? То нянчится, то кричит как ненормальный!

Витька присмирел и виновато объяснил:

— Я разве кричу? Я не кричу… просто ты его бросаешь где попало… А его не надо бросать где попало. «Ня-анчил», — и исподтишка грозя кукле кулаком, весёлым голосом спросил, показывая, что всё в порядке: — Это и есть та самая легендарная… тачанка?

Люська, шмыгая носом, пробормотала:

— Это и есть та самая коляска.

— Ну-ка посмотрим! — бодро сказал Витька и со знанием дела,

покатав её взад и вперёд, объявил: — Классная тачка!

— Ска-ажите, пожалуйста, — съехидничала Люська, — механик какой выискался!

Но Витька нисколько не обиделся и даже не огрызнулся, а, глянув на Люську, захихикал с довольным видом и предложил:

— Садись, прокачу.

У Люськи поползли вверх брови.

— Я что, маленькая, да?

Но Витька всё не унимался и продолжал уговаривать:

— Садись, садись!

Люська замялась.

— Увидят.

— Никто не увидит, — сказал Витька. — От жары все в дома попрятались.

Люська окинула глазами пустынную улицу и торопливо забралась в коляску.

— Поехали! — сказала она, махнув рукой, будто Юрий Гагарин перед историческим полётом в космос.

(Портрет первого космонавта с белозубой улыбкой, вырезанный из старого журнала и обклеенный серебристой фольгой от пачек из-под чая в рамочке под стеклом до сих пор висит у бабушки в доме рядом с портретами родственников.)

Признаться по секрету, был и у Витьки в жизни один случай, связанный с космосом. По малолетству, не успевший проявить себя никакими подвигами, он вообразил себя космонавтом и забрался в стиральную машинку, как в место наиболее подходящее для кабины космического корабля. Не имея возможности самостоятельно выбраться, вмиг забыв про всякую славу, Витька диким голосом возопил. Безуспешными оказались и попытки родителей вытащить плачущего пилота из «корабля». И только прибывшие по вызову спасатели нашли простой способ вызволить новоявленного космонавта — они облили его подсолнечным маслом, и Витька легко, будто в невесомости, выплыл сам. Этим обстоятельством он очень гордился и при всяком удобном случае всем рассказывал. Естественно, умалчивая о том, как он, насмерть перепугавшись, позорно орал, взывая о помощи.

Витька упёрся, взбрыкнул ногами, как жеребёнок, и со страшной быстротой помчал Люську к своему дому. С визгом и гиканьем они пронеслись по улице. Завернув во двор, Витька чуть не опро-

кинул коляску на повороте и на всём ходу лихо затормозил у самого сарая, оставив позади себя глубокую борозду.

На шум из дома вышла Витькина бабушка и начала испуганно озираться.

— Это по какому же случаю такой неимоверный шум поднялся? — спросила она.

— Неужели и в доме было слышно? — поразился Витька.

— Если бы только в доме, — сказала бабушка. — Но сдаётся мне, что и на другом конце деревни народ всполошился.

Витька, довольный произведённым переполохом, браво похвалился:

— Это что! Если бы я захотел, то такой там-тарарам устроил… что даже за тридевять земель было бы слышно.

— Дурачье дело нехитрое, — покачала головой бабушка.

— Это почему же дурачье? — обиделся Витька и покосился на Люську, которая, прыснув в кулачок, быстро отвернулась, задрав кверху свой острый лисий нос, будто считала в небе плывущие облака. — И совсем даже не дурачье.

Не желая окончательно пасть в глазах бабушки, Витька чуть не проговорился ей о предстоящем важном деле, но, тотчас сообразив, что раньше времени распространяться по этому поводу не следует, торопливо прикрыл рот ладонью, для верности придавив сверху другой, и замычал нечто невразумительное:

— Э…м…у…ы…

Бабушка оглядела с ног до головы мычавшего Витьку и обречённо махнула рукой: мол, что взять с этого пройдохи, и ушла, качая головой и шумно вздыхая, будто пробежала целых сто километров.

Витька, гордясь тем, что так ловко увильнул от ответа, сказал:

— Меня ничем не прищемишь. Уж такой я вёрткий да ловкий… Как настоящий разведчик.

— И никакой ты не разведчик, — осадила его Люська. — Разведчики разве такие бывают?

— Какие такие?

— Болтливые! Вот какие!

— Ха! Ха! Ха! — торжествующе провозгласил Витька. — Разведчики бывают всякие. Может, они нарочно болтают, чтобы диз… дез…дез-ин-фор-ми-ровать своего врага? Ага, как?

— Ври больше! — ответила Люська и даже топнула ногой.

И уже собрался было Витька крепко поспорить с упрямой и невежественной в этих делах Люськой, но вовремя спохватился, переборов себя.

— Мы тут ругаемся, — сказал он грозно, — а Бабася в сарае одна взаперти сидит.

— А кто в этом виноват? — зашипела зловредная Люська. — Я, да?

Как в воду глядел догадливый Витька. Не успел он отворить покосившуюся дверь, как в проёме возникла рассерженная Бабася. Розовая шляпка у неё съехала набок, а из-под пухового платка торчали седые космы, как у Бабы-Яги. Недобро взглянув на Витьку, она сходу начала ругаться:

— Чего рты поразевали? Ходют и ходют, где попало. Солнце давно за полдень перевалило, а я тут в вашем паршивом сарае сижу.

Витька, моментально оценив своим опытным разведческим глазом обстановку, обратился к ней самым дружеским тоном:

— Бабася, мы сейчас поедем на луг, где тепло и много красивых бабочек летает. А для того чтобы тебя не увидели, тебе надо опять спрятаться в прялке… и тогда мы незаметно увезём тебя на луг. А уж там можешь делать всё, что тебе угодно. Хоть на голове ходить. Мне-то что!

Старушка задумчиво посмотрела на Витьку, пожевала губами, потом спросила:

— Не обманешь?

— Да честное слово!

После недолгих колебаний Бабася согласилась.

— Хорошо.

И пропала, успев напоследок всё же предупредить:

— А-то глядите, враз перестану с вами водиться.

Витька облегчённо вздохнул, вытирая со лба пот:

— Уф! Ну и колготная!..

— Уйду-у-у! — напомнила о себе Бабася.

Витька, вытаращив круглые глаза, панически шепнул:

— Услыхала!

Не говоря больше ни слова, Витька вынес из сарая специально сконструированный под столярные инструменты ящичек, который раньше принадлежал покойному дедушке, а теперь на правах наследства стал принадлежать ему, два круглых сухих столбика, ровный без сучков обрезок доски и лопату. Все это он загрузил в коляс-

ку, сверху разместил прялку, а на прялке как буржуй расселся облезлый младенец с двойным именем Эдди-Ваня.

Витька поднял верх, чтобы не привлекать любопытных глаз, поднатужился и покатил коляску по дорожке. Следом пошла своими ногами Люська.

Нетерпеливая Бабася всю дорогу спрашивала, подавая голос из ниоткуда, как привидение, можно ли ей становиться видимой или ещё не время.

Витька на правах командира, который и организовал эту экспедицию во главе с самим собой, строго отвечал:

— Рано. Подожди. Не время.

Но вот они вышли за деревню, и Витька разрешил:

— Бабася, можешь выходить из своей прялки.

Тотчас возле коляски появилась старуха и живо потребовала:

— Дай я сама покачу своего Ваню.

— Тяжело, — не согласился Витька.

— Уйду, — предупредила Бабася и двинулась от коляски явно не с добрыми намерениями.

Но Витьку это ничуть не огорчило, даже наоборот: тяжёлую коляску он вёз безо всяких остановок, чтобы не заподозрили, будто у него мало сил. Теперь можно было и отдохнуть.

— Кати! — махнул рукой Витька, уступив место, а сам спустился в овраг поглядеть, насколько зарос он за время его отсутствия.

Люська увязалась следом.

— Вить, нам далеко ещё?

— Не очень, — Витька показал на видневшиеся впереди густые джунгли орешника и крапивы, переплетённые лианами колючей ежевики.

— Недалеко! — обрадовалась Люська. — Это хорошо!

— Чего же в этом хорошего? Ничего хорошего.

— Как это?

— А так, — с удовольствием объяснил ей Витька. — Настоящие экспедиции всегда подстерегают всякие опасности. То они высоко в горах терпят бедствие, попав под обвалы. То в жаркой-прежаркой пустыне умирают от жажды, из последних сил добираясь к месту стоянки. Вдобавок ко всему вокруг них так и кишат хищные и кровожадные звери… Всякие разные там тигры, львы…

Люська боязливо покосилась на кусты.

— А лучше всего, когда дикари нападают, — продолжал Вить-

ка. — И не абы какие, а людоеды, их ещё каннибалами называют. Любят они всяких путешественников на кострах жарить…

— Зачем? — вздрогнула Люська.

— Вкусные они, наверное, — пожал плечами Витька. — Хочется что-нибудь такого… экзотического.

По-видимому, перспектива оказаться вкусным экзотическим блюдом в животе какого-нибудь голодного дикаря Люську совсем не радовала, потому что она поспешно предложила:

— Давай посмотрим, как там наша Бабася.

— Давай, — согласился Витька

Они вскарабкались вверх по откосу и осторожно, высунув одни головы, стали незаметно наблюдать за Бабасей.

Старуха медленно шла, загребая дорожную пыль башмаками, и заглядывала в коляску.

— Ты гляди, — радостно ухмыльнулся Витька. — Она с ним разговаривает.

— Наверное, сказку рассказывает, — предположила Люська.

— Ага, про Иванушку-дурачка, — начал трястись от смеха Витька. — Вот умора!

Не показываясь ей на глаза, они крадучись двинулись оврагом вслед за Бабасей. Интересно было поглядеть, как поведёт себя Бабася, когда выяснится, что она потерялась.

16

Солнце припекало, от сухой горячей травы шёл жар.

Люська, не приспособленная к тяжёлым походам, выдохлась и начала отставать, заплетаясь ногами о траву.

— Вить, — жалобно простонала она. — Я устала и хочу пить.

Витька ни с того ни с сего ляпнул:

— Как дойдём, я тебя живой водой напою. Враз оживёшь!

— Какой ещё живой водой? — без интереса спросила Люська.

— Есть вода мёртвая, а есть живая, — принялся объяснять Витька. — Мёртвой водой сбрызгивают мёртвых… Или, например, когда человек в бою потерял руку… одну… или две… или ноги… И даже голову. Потом всё это разыскивают и прикладывают к тому месту, где это всё находилось у живого человека… и сбрызгивают мёртвой водой… Раз! И у человека всё срастается. А потом уж сбрызгивают живой водой, чтобы человек ожил. Хоп! И живёт себе

такой человек дальше, как ни в чём не бывало. И если ты даже скажешь ему, что у него головы не было или ещё чего, он ни в жизнь тебе не поверит!

— Про это я в сказках читала, — сказала Люська, чтобы показать Витьке, что она тоже кое-что знает про волшебную воду.

— Так то в сказках, — снисходительно ответил Витька. — А у меня есть живая вода самая настоящая.

— Разве так бывает? — засомневалась Люська.

— Бывает! — самодовольно заверил Витька. — Ещё как бывает!

Люська немного повеселела.

— Пошли скорей! — заспешила она.

Но не успели они пройти и десяти шагов, Витька вдруг остановился и начал думать.

— Чего ты? — спросила Люська.

— Эх, здорово было, если бы на нас сейчас какой-нибудь кровожадный хищник напал, — мечтательно сказал Витька. — А мы стали бы изо всех сил от него обороняться… А может, нам даже и повезло бы… И он у кого-нибудь из нас что-нибудь отгрыз… Только никогда здесь никаких зверей отродясь не водилось, — вздохнул он горестно и предложил: — А может, нам специально что-нибудь у себя отломать? Руку там… или ногу…

— Зачем? — не поняла Люська.

— Для эксперимента… Чтобы на себе испробовать живую воду. Настоящие учёные всегда так делают. Вначале испытывают на себе… А потом уж применяют на других.

Отламывать руку Люська наотрез отказалась, сказав, что не любит, когда у неё что-нибудь отламывают.

— Можно и не отламывать, — покладисто согласился Витька. — Только тогда будет не так интересно.

Люська возмутилась и почувствовала прилив храбрости.

— Что значит — не так интересно? Выходит, если я останусь без руки, будет интересно. А если рука останется невредимой, тогда не так интересно? Умник какой выискался!

Люська нашла место, где можно было подняться, и полезла наверх, цепляясь за траву. Очутившись наверху, она оглянулась, но Витьки и след простыл, только качались алые макушки кипрея. Люська захлопала глазами, как моргучая кукла, и быстро пошла догонять Бабасю, то и дело оглядываясь и спотыкаясь.

Некоторое время Витька, крадучись, шёл по крапивным и ши-

повниковым зарослям, внезапно появляясь в разных местах, словно таинственное неведомое существо. Он дико выл и махал руками.

— Ого-го-го-о-о-о!

Делая вид, что ей очень страшно, Люська истошным голосом визжала, прячась за Бабасю.

А Витька всё больше расходился, рычал, как разъярённый зверь:

— Ры-ы-ы! Ры-ы-ы!

Наконец Бабасе надоело, и она сказала, что если Витька не прекратит пугать своими дурацкими рыками спящего Ваню, то она водиться с ним ни в жизнь больше не будет.

Витька испугался и торопливо выбрался из чащи на белый свет.

— Это я для шутки, — объяснил он.

— Ну у тебя и шутки, — сподхалимничала противная Люська. — В одно место огнём ширять.

Витька открыл было рот, чтобы ответить: мол, зря он связался с девчонкой, которая в путешествиях ничего не смыслит, только вредничает и подхалимничает, вместо того чтобы прислушиваться к старому опытному путешественнику Витьке. Даже зло берёт на такую бестолковую девчонку…

Но тут дорожка упёрлась в заросли крапивы и чертополоха. Красная потная Бабася остановилась, тяжело дыша. От духоты у неё даже поля розовой шляпки отвисли.

— Уморили старуху, — сказала она.

— Сейчас мы живой воды напьёмся, — заверил Витька, — и усталости как не бывало. Я знаю, где тут ключик бьёт.

Люська покосилась на него, но промолчала, вероятно, она всё-таки не хотела обострять отношения с Витькой. А Бабася долго осматривала Витьку с ног до головы, будто примеряя, куда он годится, потом ехидно сказала:

— И как мы к нему проберёмся? Не иначе на ковре-самолёте полетим!

— Чепуха! — гордо сказал Витька и воинственно зашагал по заросшей тропинке вперёд, размахивая направо и налево боевым топором, который до недавнего времени числился обычным плотницким инструментом и мирно лежал в столярном ящике.

Наконец просека была готова, и Витька звонко, так, что, наверное, было слышно в Больших Хомутах, закричал:

— Сюда!

Подошли Бабася с Люськой. Под ореховым кустом в траве се-

ребрился родничок, в котором отражались солнечные лучи, проникавшие сквозь листву.

— Пейте эту воду больше! — гостеприимно предложил Витька. — Это вода особенная! Живая вода! Такой воды больше нигде нет!

Он зачерпнул из родничка консервной банкой, которую в своё время нашёл в кустах и очистил от ржавчины.

— Что ты! — остановила его Бабася. — Из родника надо пить умеючи, деревянным ковшиком. От этого вода только вкуснее становится.

За неимением ковшика Бабася зачерпнула воду пригоршней и, чмокая, отпила.

— Ну и как? — спросил Витька, беспокоясь за родничок, который он считал уже своим.

— Ску-усная, — одобрительно отозвалась Бабася о водице. — Уж до того скусная, что прямо пьёшь её, пьёшь, а напиться никак не могёшь.

— Это ещё что! — сказал довольный Витька. — Вот очистим родничок, тогда вода в нём ещё вкуснее будет. Вкуснее даже чем лимонад… или там… пепси-кола…

И он протянул банку Люське, чтобы заодно уж выяснить и её мнение насчёт своего родничка. Но подхалимка Люська, быстрыми глазами оглядев банку, повела плечом, фыркнув:

— Вот ещё новость!

Она присела на корточки и, сделав ладони лодочкой, приникла губами к воде, а когда отслонилась, с её лисьего носа и подбородка падали капли. Видно было, что от родниковой воды сил у неё сразу прибавилось, потому что она тут же проявила интерес, сказав:

— Когда приступаем к благоустройству родничка?

Витька, чтобы внести в дело ясность, спросил:

— Ну а вода-то, вода-то как?

Люська подумала и сказала:

— Супер-пупер!

Такую замечательную воду Витьке и самому захотелось отпробовать. Он лёг на живот и принялся пить, и пил так долго, что потом с трудом поднялся на ноги.

— Эта вода лечебная, — сказал Витька, немного отдышавшись. — Я прямо чувствую, как всё моё тело наливается неимоверной силой, как у какого-нибудь старинного богатыря.

Витька, считая себя немного похожим на этого самого старин-

ного богатыря, выпятив свою богатырскую грудь и расправив мощные плечищи, огляделся: чего бы такого совершить геройского? Не найдя ничего подходящего, что могло бы прославить его имя в веках, он богатырской тяжёлой поступью подошёл к здоровенному камню, которые в изобилии валялись на дне оврага — большие и маленькие. Выворотив заросший травой камень и взвалив на плечо, вернулся и сбросил его на тропинку.

— Здесь будет каменная дорога! — сказал он торжественно. — От родника до того самого места, где заканчиваются заросли.

Бабася, глазами прикинув расстояние, спросила:

— Не надорвёшься?

— Да ну-у… — скромно пожал плечами Витька. — Я об себе не забочусь… мне людей жалко… что они неважную воду пьют, когда… когда родник под боком.

Бабася ничуть не удивилась и сказала, будто так и надо:

— Это конечно!.. О людях заботиться следует… Это наипервейшая обязанность любого богатыря!

И Витька с Люськой под одобрительные взгляды Бабаси приступили к осуществлению намеченного плана.

17

Витька, не боящийся трудностей, опустился перед родником на колени и консервной банкой — вот где она пригодилась! — стал выгребать со дна песок, используя банку как железный ковш маленького экскаватора. Вода была ледяная, и Витьке то и дело приходилось отогревать на солнце посиневшие руки, что, конечно, быстрому продвижению земляных работ не способствовало. Вот если бы у него было не две руки, а четыре или лучше шесть, он работал бы как заводной: пока запасные руки отогревались на солнце, другие трудились.

Малосильная Люська собирала мелкие камни для выкладки стенок родника, специально отыскивая для этого продолговатые голыши, облизанные ветрами, омытые дождями и прокалённые солнцем.

Бабася помогала разными указаниями, от которых толку было мало, и Витька, освободив её от работы, отправил на луг, чтобы она там оздоровлялась среди запахов трав и цветов. Время от времени Бабася отвлекалась от оздоровления и из-под ладони особенно внимательно глядела в тенистую низинку, интересуясь, как продвига-

ются дела по благоустройству родника.

Под песком дно оказалось из такого твёрдого ила, что дальнейшие очистительные работы пришлось прекратить, так как Витька догадался, что это и есть самое настоящее дно. А уж если продолжить копать вглубь, то можно докопаться и до подземной реки, по которой, если надеть на себя водолазный костюм, можно добраться до самого края света и выплыть где-нибудь в Атлантическом океане, а там тебя заметят с корабля и привезут домой.

Витька немного отдохнул, пока его руки согревались на солнце, и со свежими силами приступил к работе. Из собранных Люськой камней, которые остроконечной горкой возвышались возле родника, Витька стал выкладывать дно и стены. Временами он отходил и исподдалька, щуря глаза, со всех сторон приглядывался к строительным работам, жалея, что не догадался нарисовать чертёж, ведь всем известно, что строить по чертежам намного легче, чем без них. Хотя, если честно признаться, у Витьки и без всяких чертежей получалось всё просто замечательно! Когда камни-голыши были положены на отведённые им места, родник, будто по щучьему велению, превратился в огромную каменную чашу с прозрачной водой.

— По-лу-чилось! По-лу-чилось! — запела Люська, хлопая в ладоши и прыгая на одной ножке.

Бабася, временно прекратив оздоровляться, тоже заявилась и, оглядев новый родник, сказала:

— Ему теперь износа не будет. Ещё тысячу лет послужит добрым людям во благо.

Эта мысль Витьке понравилась

— Здорово! — встрепенулся он. — От меня уже давно и косточек никаких не останется, а родничок всё ещё будет жить. Ух ты!

И Витька, в один миг передумав отдыхать, с особым рвением приступил к обустройству скамейки, которую сделать из готового материала для него не составило особого труда: вкопал два ровных столбика, сверху приколотил здоровенными гвоздями доску — вот тебе и скамейка.

Полюбовавшись на готовую скамейку, Витька объявил:

— Теперь осталось проложить дорожку!

Люська, которая все это время стояла возле него и, не отрываясь, глядела, как он работает, спросила для уточнения:

— Каменную?

— Каменную, — сказал Витька. — Ты отыскивай большие кам-

ни и говори мне… А уж я буду их носить и укладывать.

Люська прижмурила хитрые лисьи глаза и, кажется, хотела что-то возразить, но потом, тряхнув огненными косичками, послушно отправилась отыскивать крупные камни, а Бабася опять ушла на луг продолжать укреплять здоровье.

С большими камнями у Витьки возникли и дополнительные трудности: пришлось самому их выворачивать из земли руками. А где руки оказывались бесполезными в силу врастания камня в землю чуть ли не на половину, Витька применял лопату, окапывая вокруг, а уж потом, когда руки опять становились полезными, переваливая камень с боку на бок, помещал на тропинку, где под него аккуратно подкапывал с таким расчётом, чтобы камень лёг ровно и не возвышался над остальными. Поэтому работа продвигалась почти незаметно. Конечно, окажись со стороны даже самая незначительная помощь, всё равно это строительству пошло бы на пользу. Разве можно сравнить двух людей или, например, целую бригаду. Но с народом в Больших Хомутах дело обстояло вовсе плохо — остались одни малосильные старушки. А у них и без родника дел хватает…

Витька утомился и сел на камень для отдыха. Мизинец, который он успел пришибить, распух.

Подошла Люська и, став напротив, участливо поинтересовалась:

— Болит?

Витька врать не стал, честно сознался:

— Болит.

— А что же ты его в живую воду не окунешь? — прикинулась непонимающей Люська.

Витька сделал вид, будто только вспомнил о роднике:

— Точно! Сейчас мы его быстренько подлечим!

Он сунул палец в ледяной прозрачный ключик и, чувствуя, как боль действительно уходит в воду, обрадовался:

— А ты не верила!

И Витька для наглядности продемонстрировал Люське выздоровевший мизинец, с удовольствием сгибая его и разгибая и шевеля в разные стороны. Правда, немного побаливало, но это была уже не та невыносимая боль, которую Витька претерпел в момент ушиба, когда, если честно признаться, он чуть не описался и, не помня себя, сунул грязный палец в рот для успокоения боли.

— Будем дальше продолжать работать? — спросила Люська.

— Конечно, будем!

— Это мы так надорвёмся, — вздохнула Люська.

— Ничего не надорвёмся! — успокоил её Витька. — Кто, кроме нас, простым людям поможет.

И Витька так набросился на очередной здоровенный камень, окапывая, что, будь в это время здесь любой настоящий крот, он очень удивился бы его скорости.

Чтобы строительство стало более заметным, Витька начал укладывать камни не по всей ширине тропинки, а в длину. Через некоторое время цепочка камней в один ряд протянулась от родника до хорошей дорожки. Если сощурить глаза и глядеть на тропинку с таким расчётом, чтобы видеть одну каменную цепочку, то казалось, что дорожка уже отстроена окончательно, отчего на душе становилось как будто веселее…

Они долго изо всех сил трудились, мечтая, как поразятся жители Больших Хомутов, когда закончатся масштабные строительные работы и будет организовано торжественное открытие родника. И чтобы всё было по правилам — с разрезанием алой ленты и хвалебной речью.

— Только всё это будет не скоро, — уныло произнесла Люська, замученная непосильной работой.

Витька воткнул лопату и, обтерев мокрое от пота веснушчатое и облупленное лицо, вздохнул:

— Пожалуй, ты права. Сегодня нам дорожку ни за что не доделать.

Они беспомощно посмотрели друг на друга, потом одновременно на Бабасю. По всему было видно, что Бабася очень оздоровилась и теперь всячески старалась принять участие в оздоровлении Вани. На радость сидевшему среди цветов младенцу, она гонялась за бабочками, оглашая луг лихими воплями.

— И не думай, — испугался Витька.

Люська уставилась на него, удивлённая неожиданным запретом.

— Почему?

— Потому! — ответил туманно Витька.

— Может, ты думаешь, я для себя стараюсь? — подозрительно спросила Люська.

— Что ты! — замахал руками Витька.

— А тогда — почему? — продолжала выспрашивать Люська.

— Старенькая она, — втолковывал Витька. — Может что-нибудь не так понять…

— Что она может не так понять?

— Что угодно! — твердил своё Витька. — Ты ей одно скажешь, а она подумает другое… Нельзя её ни о чем просить… Нельзя…

— Отвяжись! — вдруг разозлилась Люська. — Вот заладил, как долдон: «Нельзя! Нельзя!»

И Люська, ещё не знакомая с нравами духов, быстро пошла на луг.

— Ну и иди! — угрюмо буркнул Витька и мстительно усмехнулся. — Я тебя предупреждал.

Люська остановилась против Бабаси, и Витька как подкошенный рухнул на землю. Он по-пластунски преодолел открытое пространство и спрятался в кустах. Очутившись в безопасном месте, с замиранием сердца стал наблюдать за результатами переговоров. Интересно было послушать, что там рассказывает Люська. Но как Витька ни напрягал свой разведческий слух, услышать что-либо на таком расстоянии было просто невозможно. Тогда Витька решил опробовать новый метод, который почерпнул из необыкновенно полезной книжки, где говорилось про язык человеческих жестов — что они означают. Правда, книга находилась в наполовину порванном виде, и в силу этого обстоятельства до конца все имеющиеся жесты Витьке освоить так и не удалось. Поэтому изо всего сказанного Люськой он догадался только об одном: что она сумела уговорить старуху о помощи. Это подтверждалось и самим поведением Бабаси: отвернувшись с таинственным видом, она что-то замысловато сделала руками, после чего раздался знакомый свист.

Витька, уже изучивший Бабасины привычки, маскируясь, пригнул к себе ветки и замер. Но получше рассмотреть, что дальше будет происходить на лугу, Витьке не удалось — кто-то тронул его плечо и спросил:

— От кого прячемся, паря?

Витька досадливо отмахнулся:

— Отстань!

И опять было хотел продолжить наблюдение, но побледнел и, вытаращив глаза, медленно оглянулся.

Над ним стоял коренастый мужичок с рыжей бородой и весёлыми голубыми глазами. Его полосатые брюки были заправлены в лапти, белая линялая рубаха навыпуск подпоясана расшитым полотенцем. За плечом незнакомца болтался холщёвый мешок.

Смутно догадываясь, в какое позорное положение опять попал, Витька всё более слабеющим голосом ответил:

— Ни от кого я и не прячусь… Чего мне прятаться… Нечего мне

прятаться… Просто… в тенёчке вот… решил отдохнуть…

Он перевернулся на спину, закинул руки за голову, прикрыл глаза и даже громко задышал, подтверждая тем самым истинную правоту своих слов.

— Ска-ажи, какой лежебока! — покачал головой мужичок. — То-то, я гляжу, меня кума на помощь позвала… Сейчас мы это дело попра-а-вим!

Витька затаил дыхание и чуточку приоткрыл один глаз. Мужичок зачем-то пощупал завязку на мешке. У Витьки от любопытства сам собой открылся другой глаз. Убедившись, что завязка на месте, мужичок повернул весёлое лицо к Витьке и слегка толкнул его ногой.

— Вставай, паря, чего разлёгся! Работа не ждёт!

Не сводя с него глаз, Витька с безнадёжным видом поднялся.

— Да-а, — тоскливым голосом сказал он. — А чего я-то? Чуть что, так сразу я.

— Гляди-кось! — удивился мужичок. — Значит, по-твоему, выходит, пусть другие работают, а ты будешь в тенёчке вылёживаться?

— Кто это — другие?

— А вон!

По склону спускалась Люська, неся перед собой камень, который добросовестно подобрала по дороге.

— Ишь как надрывается! — сочувственно покачал головой мужичок.

Витька счёл лучшим промолчать, а мужичок, положив на его плечо руку, ласково сказал:

— Ну что ж, паря, идём, видно, и мы трудиться.

Они продрались сквозь кусты к каменной дорожке, где таинственный мужичок скинул с плеча мешок. По тому, с какой лёгкостью мешок упал в траву, Витька догадался, что он порожний. Хитро посматривая на Витьку, весёлый мужичок развязал тесёмку и, держа мешок за края, сказал:

— Ну что, паря, приступай к работе… Весь матерьял тута…

Хоть Витька и не любил, когда подсовывали ему подозрительные мешки, сейчас под каким-либо хитрым предлогом было не уклониться, и он с опаской протянул руку. Нащупав в пустом на вид мешке камень, он сильно удивился.

Мужичок подмигнул: знай наших, мол… Дав Витьке время прийти в себя, объявил:

— Значит, так: берёшь из мешка камни и укладываешь в дорожку.

На сей раз Витька даже не удивился: уж если в порожнем мешке каким-то чудом мог появиться один камень, то почему бы в нём не появиться и другим. Впав в уныние, Витька без особой охоты уложил камень.

— Живей! — прикрикнул неутомимый мужичок. — Что ты как неживой!

Витька забеспокоился, почувствовав хорошо знакомый зуд — предвестник воздействия потусторонних сил, и ноги сами, будто к ним приделали моторчик, понесли его к мешку, где моторные руки цепко ухватили очередной камень.

Люська стояла с открытым ртом и большими глазами с почтительным ужасом глядела, как Витька неустанно носился туда-сюда, выкладывая дорожку. Стараясь понять, как в пустом мешке может уместиться такое количество здоровенных камней, Люська была так поражена, что чуть не уронила на свою ногу камень, который принесла с собой.

Завершив работу, Витька в бессилии уронил натруженные руки, натёртые до кровавых пузырей. Со стороны глядеть, он был похож на тощего ощипанного цыплёнка с хохолком, с ног до головы перепачканного в грязи.

— Трудящегося человека сразу видно, — одобрительно хлопнул его по плечу весёлый мужичок. — Ловко ты с работой справился!

— Да уж… ловко…Чего ж ловкого-то? — помолчав, мрачно сказал Витька, справедливо считая, что мужичок, не разобравшись, не имел никакого права заставлять его, свободного гражданина, трудиться через силу, применив для этого свои волшебные способности.

— Ну, это ты напрасно обижаешься, — хмыкнул мужичок. — Любой труд облагораживает человека. Так-то вот!

И он, раздвинув кусты, бесшумно скрылся в джунглях колючего шиповника и жгучей крапивы, не забыв прихватить с собой и загадочный мешок, который Витька уже нацелился присвоить себе: мало ли для чего может пригодиться такой чудесный мешок?!

— Это кто был? — заинтересовалась Люська.

Витька обернулся и уставился на Люську, будто сроду её не видел.

— Ну, что… — враждебно сказал он. — Напросилась на помощь?!

Отступив немного назад и прикинув расстояние до Бабаси, Люська ответила:

— Откуда я знала, что так всё получится.

— Ага! — закричал Витька. — Не знала?

— Нет! — ещё громче закричала Люська. — Не знала!

Витька сломал хворостину и, размахивая ею словно саблей, бросился за Люськой, которая обратилась в паническое бегство с воплем:

— Бабася, он меня высечь хочет!

18

А назавтра Витька с изумлением узнал, какие, оказывается, таинственные вещи происходят в окрестностях Больших Хомутов в последние дни…

Рано утром, когда он ещё не до конца проснулся, явилась соседка Клавдиванна. Витька слышал, как она взволнованным голосом рассказывала бабушке:

— Кума, ты послухай, што щас с Маруськой было, — страсть! Она козу свою Фроську на луг водила… А повела к оврагу: ближе, мол… Вбила клинышек и уже совсем домой собралася… Да штой-то ей вздумалось шиповника нарвать!.. Ну, она возьми и спустись к овражку-то… Глядь, а там дорожка из каменьев… Грит, так всё у неё и захолонуло у сердешной…

Вчера, когда Витька вернулся домой забрызганный грязью, у них с бабушкой произошёл военный конфликт — она долго читала ему нотации насчёт разумного отдыха и чистоты. От обиды Витька, проявив выдержку, временно скрыл от бабушки, что его неприглядный вид связан с полезной деятельностью по очистке родника. Теперь он прислушивался к разговору с большим интересом.

Тётя Маруся, слывшая на деревне большой сплетницей, особым доверием у бабушки не пользовалась, поэтому бабушка недоверчиво спросила:

— Это какая же такая может быть дорожка из каменьев, ежели какой год кусты одни и растут. Прямо непроходимые дебри!

— От и я так думала! — воскликнула соседка. — А Маруська грит — дорожка… и не абы какая, а каменная… Испужалась она, хоть домой вертайся… Да, знать, любопытно поглядеть-то — что ж там такое… Она и пошла, пошла по дорожке-то той… Кругом заросли, жу-у-утко — страсть! Так и мыслится — что ктой-то ка-ак выскочет, как-ак схватит! Шла, шла, а он — вот он, родник-то… И тоже весь из каменьев сделанный! Тут уж она по-настоящему испужалась… Так без оглядки домой и дунула!

— Да ну!

— Вот те и ну! Я тоже вначале не поверила. А гляжу, на ней прямо лица нет…

Витька, с жадностью приникнув к дверной щелке, корчился от смеха, наслаждаясь страшно интересным рассказом.

— То-то я смотрю, она мимо окон пролетела как угорелая, — развесила уши бабушка. — Я ещё подумала: куда это так Маруська с утра торопится?

— Она и про тебя штой-то такое плела, — припомнила Клавдиванна. — Вроде ты тут каким-то боком замешанная.

— Чего это она? — ужаснулась бабушка, остолбенело уставившись на соседку. — Аль со страху умом тронулась?

— Да я уж её и не дюже слухала. К тебе вот побёгла все рассказать.

Бабушка, видно, беспокоясь за свою репутацию человека почтенного, даже уважаемого, с негодованием заявила:

— А вот я сейчас сама пойду… да погляжу, какая такая дорога там объявилась ни с того ни с сего.

— Что ты, кума! — испугалась Клавдиванна. — А ну-к да и взаправду в какую нехорошую историю попадёшь? Опо-омни-ись!

Но бабушка перед лицом неизвестной опасности не струсила, непреклонно ответив:

— И не уговаривай!

В окно Витька видел, как бабушка решительно и смело зашагала к роднику, изредка всплескивая руками: следом, переваливаясь по-утиному, ковыляла толстая Клавдиванна.

Представив, как вытянутся от удивления их лица, Витька развеселился. Он принялся прыгать и скакать, как козлёнок, по горнице. Интересно, догадаются они, что это дело рук трудящегося человека Витьки и малосильной Люськи, или нет? Наверное, нет, потому что обыкновенному человеку за один день не под силу завершить такое громадное строительство. Быстрее всего подумают, что всё это появилось каким-нибудь волшебным образом… Как поведут себя в этом случае старушки, Витька не знал, хотя кое-какие соображения на уме имелись… Он пожалел, что до сих пор не заимел бинокль. Сидел бы сейчас на крыше, а ещё лучше на трубе, да поглядывал бы себе в бинокль, что происходит у родника. Если… если бы не свалился от смеха!

Витька уморился скакать, сел отдохнуть и подумать: что бы ещё

придумать такого интересного. Через минуту он радостно захихикал, одна хорошая мысль всё-таки пришла в голову: наступил удобный момент нарисовать портрет кота Василия. И сразу же Витька взялся за дело: из укромного места под лопухом в саду извлёк банку засохшей краски, расковырял, плеснул из бутылки керосина и тщательно размешал. Правда, краска получилась подозрительно жидкой, можно сказать, совсем как грязная вода из болота. Но на такую ерунду Витька не обратил внимание — если наносить краску в несколько слоёв, всё будет просто замечательно.

Он представил себе, как обрадуется бабушка: вот, мол, какой знаменитый у неё кот — даже портрет его нарисовали! И до того Витьке захотелось быстрее приступить к работе, что он как угорелый помчался к дому. В горнице, высунув кончик языка, Витька принялся старательно закрашивать часы в чёрный цвет, то и дело отходя и с разных сторон приглядываясь к своему творчеству, словно настоящий художник. Через полчаса, с удовольствием убедившись, что портрет получился, Витька повернулся к коту:

— Угадываешь себя?

Кот Васька, до этого безмолвно, но с огромным любопытством наблюдавший за его мазнёй, одобрительно мяукнул. Витька, присев на корточки, обнял кота.

— Наверное, я буду художником, — хвастливо сказал он. — Уж очень у меня всякие портреты здорово получаются… Прямо талант у меня на эти самые портреты… Будто всю жизнь только и делал, что портреты рисовал.

Так в обнимку за дружеской беседой их и застала бабушка. Придав лицу скромное застенчивое выражение, Витька сказал:

— Вот… портрет Василия нарисовал.

Бабушка, после родника и дорожки ко всему привыкшая, ничуть не удивилась, только рассердилась:

— Витя, рази я тебе не говорила: часы трогать не моги! Сколько раз говорила!.. И всё как о стену горох… Погляди-ка, что ты сотворил с часами?! Была на них кошечка беленькая… вся из себя такая пушистенькая… ла-а-сковенькая… А ты намалевал какое-то страшилище!.. Аж глядеть жутко!.. Так глазищами-то своими и стригёт, и стригёт… Теперь лишний раз и время испужаешься поглядеть!.. Так от своих часов к суседке и будешь ходить время узнавать…

Витька, кровно обиженный такой явной несправедливостью, отвесил губу:

— Я хотел как лучше. Знай я, что тебе не нужен портрет твоего любимого Васьки, нипочём не стал бы часы трогать… Пускай хоть сто лет висели бы. А раз ты ругаешься, я его в два счета керосином смою.

— Нет уж, — испугалась бабушка. — Пускай уж остаётся всё как есть. А то не ровен час совсем спортишь.

— Этим их не испортишь, — поразил своей осведомлённостью Витька. — Вот если в них поковыряться… какое-нибудь там колёсико или шестерёнку покрутить… тогда да…

Бабушка подозрительно к нему пригляделась:

— Витя, дай честное-пречестное слово, что никогда-никогда не полезешь в часы.

Пожалев расстроенную бабушку, которая стояла с убитым видом, Витька снисходительно пообещал:

— Ладно уж, не полезу…

А вот коту Ваське портрет очень понравился. Он садился под часами и, не отрывая глаз, подолгу глядел на циферблат.

— Скоро мышей начнёт водить любоваться на свой портрет, — сказала бабушка, когда совсем перестала сердиться.

Но сколько Витька не подглядывал, никакого мышонка, даже самого ерундового, так возле кота и не увидел. Наверное, бабушка совсем не знает мышиных обычаев…

19

Даже удивительно, но неприятный разговор на этом и закончился, не успев довестись до конца. Очевидно, бабушка спешила увидеться с другими хомутовскими жителями, чтобы получше разузнать про родник: каким таким сверхъестественным чудом он преобразился.

Витька, которому строго-настрого было приказано выбросить негодную краску, на всякий случай перепрятал её под бузину, а сам пошёл прогуляться по улице и подышать свежим воздухом. (Хоть бабушка сразу распахнула окна, запах керосина не улетучился, и в горнице пахло как в настоящей автомастерской.)

Возле рябинки толпились взволнованные бабы, а со скамейки, будто с трибуны, ораторствовала тётя Маруся, осмелевшая на народе.

— Это что ж такое получается! — кричала она, размахивая руками. — У нас тут такие странные вещи происходят, а мы об этом ни сном ни духом не ведаем. Это как?

Витька с большим интересом прослушал яростную речь тёти Маруси, отметив, что сегодня она была какая-то нервная.

Её болтливый язык, который она необыкновенно развила во всевозможных сплетнях, плёл несусветное: мол, пока её земляки пребывали в незнании, занимаясь своими обычными мирными делами: спали там или управлялись по хозяйству, им грозила ужасная напасть, которая за считанное время преобразила запущенный родник… Поэтому просто необходимо выяснить, чьих это рук дело…

Посмеиваясь, Витька сел возле своей ограды, скрестив ноги, наслаждаясь происходящим.

Если разобраться, что плохого в том, что кто-то расчистил родничок? Наоборот, здорово!.. Даже если этот кто-то — неведомое существо… Правильно тётю Марусю сплетницей называют, сплетница и есть!

— Поэтому просто необходимо выяснить, чьих это рук дело! — неистовствовала тётя Маруся.

— А может, ни к чему всё это, — подала голос Клавдиванна, но как-то слабо и нерешительно, видно, робея перед шумливой тётей Марусей. — Очистился родничок, и слава Богу.

Витька, считавший соседку человеком отсталым , удивился, так как точно такие же дельные мысли пришли и ему в ум.

— Что ты плетёшь! — озлилась тётя Маруся. — Родник роднику рознь. А уж в нашем случае и подавно.

— Это почему ж? — опять подала голос бестолковая Клавдиванна.

Тётя Маруся как главный специалист по роднику ещё сильнее озлилась:

— По кочену! Можа, там что-нибудь подмешано… Можа, кто-нибудь диверсию совершил… и мы … все пропоносим!

Витька повалился на спину и начал кататься по траве, истерично хохоча над глупостью тёти Маруси. А когда отсмеялся, сел, держась за живот, увидел деда Левонтия. Наверное, он мимоходом забрёл сюда, увидев стихийный митинг, так как в руках держал порожние вёдра.

Митинг притих, а тётя Маруся недобро спросила, ища поддержки:

— А что скажет на это дед Левонтий?

Но дед Левонтий, к удивлению Витьки, оказался человеком понятливым, не дуралеем каким-нибудь. Он не стал вести с ними пустые разговоры, а уверенно зашагал по дороге к роднику.

Бабы помялись, оглядываясь друг на друга, но любопытство пе-

ребороло, и они, подбадривая себя криками, пошли следом, держась на всякий случай на расстоянии.

Торжествующе хихикая, Витька встал на четвереньки, поочерёдно взбрыкивая ногами во все стороны.

Потрясённая Люська, которая вышла из дома и развеселяла себя игрой со скакалками, сразу перестала прыгать и стала смотреть на Витьку. Не сводя с него вытаращенных глаз, она, будто загипнотизированная, подошла.

— Вить, ты чего это?

Витька, который со вчерашнего вечера находился с ней в непримиримой вражде, снизу окинув её суровым неподкупным взглядом, промолчал, продолжая дрыгать ногами. Дивясь его странному поведению, Люська жалобным голосом затянула:

— Вить, ты чего, а Вить?

Витька поднялся, выказывая всем своим видом презренное отношение к любителям соваться не в своё дело. Подтянул слишком свободную резинку трусов, пощупал живот, проверяя его на прочность, так как был наслышан, что будто бы от сильного смеха животы часто развязываются, и остался доволен. Суровое лицо Витьки подобрело:

— Видела, какой здесь там-тарарам сейчас происходил?

— Нет!

Для большего сходства Витька забрался на скамейку и, отчаянно жестикулируя, со всеми подробностями пересказал об учинённом сплетницей тётей Марусей переполохе.

Люська послушала и радостно засмеялась:

— Они ни в жизнь сами не догадаются, кто это сделал. Правда?

Гордо улыбаясь, Витька подтвердил:

— Очень ловко мы замаскировались.

Довольные собой, они сели на скамейку и изо всех сил стали придумывать, что бы ещё такое полезное сделать.

— Надо выкопать огромное-преогромное озеро, — предложил Витька. — Чтобы в нём могли купаться сразу все жители Больших Хомутов.

Люська замотала головой:

— Не годится. Здесь живут одни бабушки, которые теперь и плавать-то разучились.

— Верно, — согласился Витька. — А вот если…

— Что?

— Ничего.

И он опять погрузился в молчание, сильно наморщив лоб, чтобы легче придумывалось.

— А если так…

— Как?

— Нет, не то.

Припекало солнце, было душно.

— А…

— Что? — встрепенулась Люська.

Витька разочарованно махнул рукой:

— Опять не то.

Люська зажала свою голову в ладонях и принялась ходить взад-вперёд возле скамейки. Вдруг она остановилась и радостно сообщила:

— Надо привезти слонов.

— Зачем? — не понял Витька.

Люська загорячилась:

— Когда зимой заметёт в деревне все дороги, все жители будут ездить в гости друг к другу на слонах.

— А на летних каникулах на слонах будем кататься мы! — подхватил Витька.

Люська начала трястись от смеха:

— Ты будешь как Маугли.

Витька горделиво выпятил грудь и замолотил в неё кулаками:

— Ого-го-го-го-о! — начал он диким голосом кричать.

Но придумщица Люська сама всё и испортила, вспомнив:

— Только у нас слоны не приживутся. Замёрзнут от морозов. Они ведь животные теплолюбивые.

С такой заманчивой перспективой, как катание на живых слонах, Витьке расставаться не хотелось, и он, на секунду задумавшись, выпалил:

— А мы… а мы тогда мамонтов привезём… Волосатых… Вот!

— Это когда ещё было, — ответила Люська. — Мамонты давно уже повымирали все.

С разумным доводом пришлось согласиться.

После продолжительного всестороннего обсуждения всяких разных предложений остановились на оленях, что, безо всякого сомнения должно принести дополнительную пользу в виде ценных оленьих рогов и оленьего лечебного молока.

Витька взволнованно объявил:

— Уговор! Самые большие рога я беру себе, повешу на стену. Ну а молоком и другими лечебными аппаратами пусть пользуются старенькие бабушки, чтобы никогда не болели. А может, даже от этого и помолодеют. Представляешь, твоя и моя бабушки молодые! Вот здорово было бы!

За таким очень интересным разговором про митинг позабыли совсем. Вспомнили только, когда услыхали голос тёти Маруси. Дед Левонтий с полными вёдрами шёл в плотном окружении баб, словно под арестом, а тётя Маруся, забегая вперед и потрясая кулаками при угрожающе молчаливом согласии баб, кричала:

— Ты, дед Левонтий, ежели воды набрал, будь добр пить её на людях. А то не ровен час окочуришься, кто за тебя в ответе будет?

Но дед Левонтий, не обращая внимания на её крики, продолжал идти, возвышаясь над толпой, как гриб боровик над опятами. По всему было видно, что он нарочно тянул время, испытывая терпение своих земляков.

Витька с Люськой переглянулись и, толкая друг друга локтями, захихикали, представляя, в какую позорную зависимость попали хомутовские старухи из-за своего дурацкого любопытства.

Когда они дошли до скамейки, дед Левонтий одно ведро поставил на скамейку, отчего ребятам пришлось потесниться, а из другого прямо через край начал невозмутимо пить, держа его на весу. Витька с Люськой так удивились его невероятной силе, что разинули рты.

Бабы с интересом стали ждать, что будет происходить с дедом Левонтием. Напившись ледяной воды, дед Левонтий вытер мокрую бороду да как гаркнет:

— Хороша водица!

Витька ничуть не испугался, а бабы, ничего такого не ожидавшие, едва не попадали в обморок, да главная зачинщица тётя Маруся с перепугу далеко отбежала. И если бы не Люська, которая громко расхохоталась, тётя Маруся, может быть, теперь уже подбегала бы к Москве.

Первой осмелилась подойти Витькина бабушка, как человек, пользующийся у жителей особым авторитетом. Прежде чем попить из ведра, она перекрестилась сама и перекрестила воду. Потом долго стояла, прислушиваясь к тому, что у неё происходит в животе.

— Ну что, суседка? — обеспокоилась Клавдиванна. — Аль что-

нибудь чувствуешь?

Витькина бабушка поразмыслила, важно насупив брови, и кивнула:

— Чувствую…

Бабы разом испуганно ахнули.

— Чувствую… что это очень хорошая родниковая вода. А ледяна-а-ая, спасу нет.

Клавдиванна шажок за шажком подобралась к вёдрам и уставилась в воду, будто сроду её не видела. Сначала она рассматривала с одной стороны, зашла с другой, затем, прижмурив глаза как кот Васька перед блюдцем с молоком, набрала в рот воды и, оттопырив толстые губы, зачмокала, пробуя на вкус.

Дед Левонтий молча и серьёзно смотрел, потом радушно предложил:

— Налетай, бабы!

Бабы его слова не оставили без внимания, и скоро уже толпились перед вёдрами, с удовольствием пили родниковую воду, нахваливали. Чем окончательно сбили спесь с тёти Маруси. Хоть тётя Маруся и считалась самой языкастой бабой на деревне, на это ничего не смогла сказать, только плюнула:

— Тьфу!

И зашагала к своему дому, бурча под нос что-то о полоумных земляках.

Витька и Люська довольные, что восторжествовала справедливость, дружно закричали:

— Ура-а!

20

С оленями решено было малость повременить, на что имелись свои причины: для столь грандиозного плана, как перевозка северных оленей с Севера за тысячи километров в далёкую и незнакомую им деревню Большие Хомуты, в копилке не хватило денег. К тому же вначале надо было купить слуховой аппарат для Люськиной бабушки, у которой слух последнее время стал катастрофически падать. Доходило до всяких курьёзных случаев, когда она самые обычные слова ошибочно принимала за другие. Однажды Люська попросила её испечь пышек, и бабушка весь день провозилась на огороде, выпалывая сорную траву под названием «пышник». Пос-

ле чего Люське пришлось довольствоваться на ужин кусочком зачерствелого хлеба да солёным огурцом. Тем самым был нанесён вред Люськиному здоровью, ибо от такой еды у неё разболелся живот. Из-за этого бабушкиного слуха у неё даже характер изменился — до этого Люська разговаривала своим обычным голосом, а тут вдруг сделалась очень уж шумоватой, как вроде осерчала на кого-то, — видно, сам ослабевший бабушкин слух требовал, чтобы Люська постоянно повышала голос. Но и накопленных денег оказалось недостаточно даже на самый простенький аппаратик, и когда их наберётся столько, сколько надо, не знал никто.

Чтобы не сидеть без дела, Витька надумал порадовать Бабасю — заготовить для неё шерсти, пусть себе прядёт да помнит Витькину доброту. Первым делом они с Люськой обсудили детали предстоящей операции. Только совсем уж глупый человек может надеяться на авось. Эту же операцию надо было проделать с умом так, чтобы боязливая коза Фроська не сразу раскумекала, что её хотят остричь наголо.

Дома Витька обшарил всё хозяйство, и ему посчастливилось найти допотопные ржавые ножницы. Люська приволокла корзинку, куда складывать шерсть, да такую огромную, что в неё запросто могла поместиться сама коза Фроська.

— Не корзина, а целая кошёлка, — заметил Витька, глядя, как упирается Люська.

— Какая нашлась, — обиделась она.

— Да я ничего, — миролюбиво согласился Витька. — Это даже хорошо, что она такая большая… Больше шерсти влезет.

И они в самом весёлом настроении вышли за околицу.

Коза Фроська, не ожидая себе никаких бед, беспечно паслась, щипля сочную душистую травку.

Подвергнув тщательному осмотру луг на предмет присутствия её хозяйки тёти Маруси, который ничего не дал, Витька заговорщицки зашептал, не сводя горящих глаз с козы:

— Я сейчас сделаю вид, что рву и нюхаю цветы, а сам буду незаметно к ней подходить.

— Так она тебе и поверила, — усомнилась Люська.

Но Витька был человек сообразительный да ловкий и расстояние до козы, которое надо было незаметно преодолеть, являлось для него просто-таки смешным препятствием.

— Тогда я сейчас так замаскируюсь, — таинственно пообещал

Витька, — что ни в жизнь меня никто не угадает.

Он опустился на колени, накрыл себя кошёлкой с головой, став похожим на гигантскую черепаху, и начал приближаться зигзагами к козе.

— Ох, и мудрец! — завистливо сказала Люська, жалея о том, что такая замечательная мысль осенила не её.

Коза Фроська была сильно удивлена, увидев неведомое чудовище. По своему животному неразумению она не сразу раскусила Витькину хитрость. Заподозрив же что-то неладное, Фроська забеспокоилась и громко заблеяла жалобным голосом, видно, звала на помощь хозяйку тётю Марусю.

Чтобы показать Люське своё молодчество и удаль, Витька вскочил на ноги и как хищный тигр прыгнул на козу. Но удержать перепуганную Фроську не было никакой возможности. Взбрыкнув, она шарахнулась в сторону, оборвав верёвку. Затем сделала крутой поворот на одних задних ногах, и совсем сдурев от страха, не разбирая дороги, поскакала галопом, как настоящий мустанг. Витька потерял равновесие, чуть не свалился, но, всё-таки успев вцепиться в крутые рога, выправился.

Сложив ладони рупором и приседая, чтобы выходило громче, Люська давала разные ценные советы:

— Прыгай! Поворачивай! Держись!

Витька нёсся верхом, выпучив глаза, и только на спине у него пузырём надувалась рубаха да в ушах свистел режущий ветер, выжимая слёзы.

— Смотри не упади! — надрывалась Люська.

Очень страшно было Витьке упасть, а куда ещё страшнее скакать дальше, потому что спятившая с ума коза могла завезти его в неведомо какие края, откуда и за сто лет самому ни за что не добраться до дома: не дождётся его бабушка и умрёт с горя.

Тут Витька стукнулся головой о сук и кверху тормашками полетел прямо в жгучую крапиву. Коза, не останавливаясь, побежала дальше, напоследок мелькнув среди кустов куцым хвостом.

Витька остался один. После бешеной скачки, во время которой он успел аж два раза прикусить язык, вдруг стало непривычно тихо; словно крошечные вертолётики, шуршали слюдяными крылышками пучеглазые стрекозы, порхали разноцветные бабочки, щебетали невидимые в чаще ветвей птицы. А одна серенькая птичка, пролетавшая мимо, даже завернула к Витьке, очень им заинтересован-

ная. Сев на ветку, она быстро-быстро что-то заговорила на своём птичьем языке, видно, никак не могла взять в толк, зачем этому глупому мальчишке понадобилось влезать в самую гущу крапивы.

— Кыш! — спугнул её Витька. — Расселась! Как будто человека никогда не видела?!

Птичка что-то ответила на своём птичьем языке и улетела.

— Сама дура, — буркнул он, ощупывая здоровенную шишку и царапины.

Хвалёное Витькино тело на этот раз его сильно подвело; стало покрываться красными пятнами, отчего кожа невыносимо зудела. Почёсываясь всё яростнее и яростнее, Витька долго продирался сквозь непролазные джунгли колючего кустарника, сам не зная куда. Неожиданно для себя он услышал далекое «Ау!». Витька немного повеселел и пошёл на голос. Наконец он выбрался в лощинку, где пролегала каменная дорожка. Там ходила Люська, растерянно оглядываясь во все стороны, точно сама потерялась.

— Ты чего кричишь? — осведомился Витька.

Люська, не чаявшая увидеть его в ближайшие годы, так и кинулась к нему.

— Чтоб ты не заблудился.

— Я не заблужусь, чего мне блудиться, — храбрился Витька. — Я не какая-нибудь там бестолковая коза Фроська.

Порадовавшись за Витьку, что он нашёлся, Люська высказала предположение, что глупая коза теперь так и будет бегать, пока не помрёт от разрыва сердца.

— Ничего с ней не случится, — беспечно ответил Витька, не переставая чесаться.

— Ой, что это?! — спросила Люська, с испугом уставившись на Витьку, потому что открытые места на его теле настолько взволдыряли, что Витька стал похож на варёного рака.

— Это я через крапивные заросли пробирался, — соврал Витька, опасаясь, что Люська поднимет его на смех, — чтобы не делать лишний крюк.

— Очень больно? — посочувствовала Люська.

Витька окинул её взглядом, полным презрения:

— Ерунда! Если хочешь знать, я могу целый день в крапиве просидеть. Мне всё нипочём. Поняла?

— Поняла, — нерешительно сказала Люська.

Неожиданно Витька сорвался с места и опрометью помчался к

дому, не хуже самой козы Фроськи, оставив Люську стоять посреди дороги с открытым ртом. Дома он на глазах изумлённой бабушки прямо с разбега бултыхнулся в кадушку с водой.

Бабушка всплеснула руками:

— Дождливую воду я для стирки приготовила, а ты в ней надумал купаться.

— Я не купаться, — честно признался Витька. — Я отмокаться.

И он для наглядности высунулся из воды.

— Мама, родная! — ахнула бабушка, схватившись за щёки. — Как же тебя, родимца, в крапиву-то попасть угодило? Какая лихоманка занесла?

Витька с ненавистью подумал о козе Фроське и промолчал.

— Пойду-ка я поспрашиваю гусиный жир, — суетилась бабушка. — Может, и найду у кого.

Вернулась она не скоро, так как гуси в деревне не водились по причине отсутствия водоёма. Правда, по этому поводу у Витьки были кое-какие свои соображения: протекала тут одна речка, далековато конечно, но это как посмотреть — заведи хозяева не домашних гусей, а диких, чтобы они сами по себе летали на речку кормиться — и все дела. Эту незамысловатую идею он уже хотел подсказать недогадливым землякам, да только в одном засомневался: в добровольном желании стаи возвращаться к своим хозяевам, которые ждут не дождутся, когда гуси раскормятся до таких размеров, что из них можно будет вытапливать жир.

Поэтому гусиный жир мог быть разве только у очень запасливых хозяев. Но добычливая бабушка торжественно потрясла баночкой из-под крема.

— Есть ещё люди добрые, — сказала она и, видимо, решив, что предварительных разъяснений дано достаточно, уже строже добавила: — Ну-ка вылезай из своей кадушки и марш в дом.

От долгого сидения на корточках у Витьки затекли ноги. Чтобы самостоятельно выбраться, нечего было и думать. Но и здесь Витька проявил смекалку: раскачал и повалил кадушку, выплеснувшись вместе с водой на траву. Помогая себе руками, поднялся и в раскорячку, как бывалый кавалерист, поковылял следом за бабушкой.

В горнице Витька подвергся тщательному осмотру.

— Гляди-ка… — вздыхала и качала головой бабушка. — Так у него у горемычного на голове ещё и шишка… А уж большая-то, большая-то… И царапины… Ох, головушка твоя непутёвая. Сло-

мишь ты её когда-нибудь, уж поверь моему слову. Что я тогда твоим родителям скажу? Ты об этом подумал?

Витьке нечего было на это сказать кроме:

— Я больше не буду.

— Не будет он… Вот уж никогда не поверю. Не таковский ты, чтобы… не буду… Надо же — не буду.

Бурча, бабушка не забывала щедро мазать царапины йодом.

Витька крепился, широко раскрыв глаза. И только, когда бабушка на шишку наложила пластырь, спросил:

— Это ещё зачем?

— Надо.

Смирившись со своей участью, Витька больше вопросов не задавал. Даже вымазанный с ног до головы вонючим жиром, и туго спеленатый старенькой простыней навроде египетской мумии, он не проронил ни слова.

— Хоть теперь полежишь спокойно, — сказала бабушка и ушла заниматься своими кухонными делами.

Состояние мумии Витьке неожиданно понравилось: лежи себе да в потолок поплёвывай. Одно плохо — нельзя в таком виде на улице появиться кого-нибудь напугать. Наслаждаясь своим положением, Витька стал корчить всевозможные рожицы, стараясь, чтобы выходило пострашнее, как в знаменитом фильме «Мумия возвращается».

За этим занятием его и застала Люська, голова, которой внезапно появилась в распахнутом окне. Витька даже вздрогнул, словно на самом деле увидел нечто ужасное. Люська с удивлением оглядела его неподвижную фигуру, приобретшую такую необыкновенную внешность, и прыснула.

— Тебе чего надо? — разъярился Витька. — Нигде от тебя покоя нет!

— Я лучше завтра зайду, — пошла на попятную Люська.

И голова так же внезапно исчезла.

На улице Люська не вытерпела и захохотала во всю мочь.

21

За ночь зуд немного поутих, и Витька, оправившись от пережитого, вышел во двор.

В голубом без единого облачка небе светило яркое солнышко,

дул душистый ветерок, настоянный на луговых цветах, в листве зелёных кустов вовсю чирикали воробьи.

Всё-таки быть мумией — в этом ничего хорошего нет: никакой тебе свободы, что, конечно ни в какое сравнение не идёт, когда ты волен заниматься в своё удовольствие всем, что твоя душа пожелает: хочешь играй, хочешь купайся в кадушке с дождевой водой, пока бабушка не видит, или найди на грядке пупырчатый огурчик и тут же на месте съешь его, с наслаждением хрумкая сочным овощем, хочешь, стой на одном месте как статуя, или иди в какую угодно сторону.

Чтобы получше разогнать застоявшуюся кровь, Витька быстро завращал руками навроде ветряной мельницы, отчего у него на голове даже хохолок зашевелился, затем, поочерёдно сгибая в коленях ноги, подрыгал ими в разные стороны, как настоящий каратист. После чего он почувствовал такую бодрость и прилив сил, что от нетерпения что-нибудь совершить геройского стал аж приплясывать, будто стоял на горячем.

Бабушкин голенастый петух, временно потеряв бдительность, наслаждался жизнью, важно разгуливая с квохтающими курами по вольной травке. У ограды он взлетел наверх и, захлопав крыльями, звонко прокукарекал. Больше он кукарекнуть не успел, потому что совсем близко увидел любителя петушиных гребешков Витьку, полисьи подкрадывающегося к нему и, как видно, не с добрыми намерениями. Петух, от ужаса закатив глаза, брякнулся с ограды и уже внизу, пригибая голову пока ещё с уцелевшим гребнем, скрылся в густом бурьяне, который будто нарочно тут рос, чтоб в нём кто-нибудь скрывался. На том месте, где минуту назад горделиво восседал петух, расплывалось жидкое пятно петушиного помёта.

Геройски задрав свой облупленный нос, Витька направился в сарай, где уже целые сутки в неволе томилась Бабася ни сном, ни духом не ведая, куда запропастился её закадычный друг. Надо было её успокоить и развеселить — попробуй посиди день-деньской одна в темноте, тут кто хочешь загрустит.

Но никакой прялки в сарае Витька не обнаружил, чему необыкновенно поразился. Он в растерянности переворошил весь хлам, даже заглянул в негодную дырявую кастрюльку, неизвестно зачем здесь хранившуюся — всё напрасно, прялка как в воду канула. Отвергнув мысль о ворах как нелепую, Витьку вдруг осенило: не иначе как к пропаже приложила руку проныра Люська. Мало того, что

она вчера потешалась над его страданиями, так ещё и воспользовалась его временной беспомощностью, сманив Бабасю в свой сарай. А Витька терпеть не мог, чтобы его Бабасю кто-нибудь сманивал. Вообще-то Люську давно следовало проучить, чтобы знала своё место. Прямо тошно сделалось Витьке, как представил он, что натворила зловредная девчонка. Решив, что догадался правильно, Витька в негодовании отправился мстить Рыжей Лисе, с горя так поддев ни в чём невинную кастрюльку, что, загремев, она улетела в самый дальний угол.

Люська занималась своими мирными делами и ни о чём не догадывалась: сидя у распахнутого окна, скармливала воробьям крошки с обеденного стола. Ещё издали, завидев выздоровевшего Витьку, она радостно ему помахала.

Но Витька охладил её, закричав во всё горло так, что воробьи с испугу попрятались в кустах:

— Куда Бабасю дела?

Люська уставила свои нахальные глаза, будто не понимая:

— Какую Бабасю?

— Какую Бабасю? — кривляясь, противным голосом передразнил Витька, и опять заорал, багровея: — А то не знаешь, какую?

— Нашу, что-ль?

— Мою Бабасю! — не на шутку расходился Витька. — А то «нашу». Ты её нашла?

— Что-нибудь случилось? — забеспокоилась Люська.

— Случилось! — совсем рассвирепел Витька. — Сманила Бабасю! А теперь ещё и … «случилось».

Глядя, как Витька нервно прохаживается под окном, Люська въедливо спросила:

— Ты что, сегодня белены объелся?

Витька в отчаянии бросился животом на подоконник, протягивая руку, чтобы ухватить её за косицы:

— Ах ты, Рыжая Лиса!

Но Люська успела отскочить подальше, куда Витьке было не достать, и тоже закричала:

— Да ты толком можешь объяснить, что произошло?

— Говорю тебе, Бабася пропала!

Люська обидчиво шмыгнула своим острым лисьим носом:

— А я здесь при чём?

Глядя исподлобья, Витька недоверчиво спросил:

— Разве она не у тебя?

Люська изо всей силы мотнула головой.

— Не врёшь?

— Честное слово, — оправдывалась Люська.

Совсем Витьке стало скверно. Не в силах сообразить, куда подевалась Бабася, он беспомощно пробормотал:

— И что же нам теперь делать?

Столкнув Витьку с подоконника, Люська вылезла через окно на улицу и, как ни в чём не бывало, распорядилась:

— Надо в сарае посмотреть.

— Да смотрел я, — махнул рукой в сторону дома Витька. — Весь сарай перевернул.

— Ой ли! — не поверила зловредная Люська.

И Витька, поколебавшись, согласился ещё раз осмотреть сарай, хотя точно знал, что Бабаси там не было.

В таких делах, как осмотр чужого имущества, Люська оказалась незаменимой помощницей. Либо она сверхъестественным чутьём чуяла, либо просто ничто не могло ускользнуть от её зоркого взгляда. Из самых потаённых уголков она извлекала всевозможные баночки, скляночки, какие-то разноцветные ленты, лоскутки. Жадно разглядывая приобретённое богатство, замирая от счастья, стонала:

— О-о-ой! Прелесть-то, какая! А это что такое? О-о-о!..

— Бабасю ищи! — пытался урезонить её Витька, озабоченно наблюдавший за поисками.

— А я что делаю? — с придыханием отвечала Люська, горящими глазами разглядывая очередной лоскуток.

У Витьки, относившемуся равнодушно ко всяким безделушкам, так и чесались руки влепить ей хорошего «леща», чтобы не отвлекалась на всякую ерунду, как вдруг Люська вскрикнула и торжествующе затрясла у самого Витькиного носа Бабасиным башмаком:

— А это что?

Поражённый Витька уставился на стоптанный башмак.

— Н-ничего не понимаю.

— А чего тут понимать? — пожала плечами Люська. — Украли нашу Бабасю.

— А башмак?

— Потеряла!

Наморщив брови и лоб, Витька подумал:

— А, может, специально оставила, чтобы мы её нашли.

— Тогда чего же мы стоим как истуканы, — обеспокоилась Люська. — Давай быстрее её искать!

Витька сорвался с места, вылетел наружу и, не соображая, в каком направлении бежать на поиски, как угорелый стал носиться по двору, распугивая кур. Следом выбежала Люська, кинулась в одну сторону, в другую. Неизвестно, сколько по времени продолжалась бы бестолковая беготня, не налети они друг на друга. Не заметив опасного сближения, Витька с Люськой стукнулись лбами так, что из глаз аж брызнули слёзы, ноги ослабли, и они упали в траву. Потирая ушибленное место, несколько минут сидели, чтобы перестало гудеть в голове и прояснились мысли.

Неожиданно Витька непонятно чему развеселился и заржал на весь двор:

— Ги-ги-ги!

Люська, решив, что он временно сошёл с ума, растерянно спросила:

— Чего это ты?

Но Витька ещё пуще расходился: тряс головой, размахивал руками, раскачиваясь в разные стороны, как китайский болванчик, чем окончательно укрепил Люську в своих подозрениях. Не отрывая от него глаз, она даже на всякий случай отодвинулась.

Наконец Витька слегка успокоился. С наслаждением ощупывая здоровенную шишку, с растроганным и счастливым лицом сказал:

— Здорово мы треснулись!

Люська хотела что-то возразить, но промолчала — ясно, что он ещё не в своём уме.

Витька загадочно уставил на Люську свои карие глаза.

— А у меня шишкарь больше, чем у тебя! — с удовольствием объявил он.

В силу его пошатнувшегося здоровья, Люська ничуть не удивилась такой странной хвальбе, но всё же спросила, страдальчески морщась:

— Почему это у тебя больше?

— Потому что у меня скорость была, как у гоночного автомобиля. Значит, и удар сильнее. Видишь, какая огромная шишка выросла. Прям как у носорога.

— А я вообще летела как… как… самолёт! — неожиданно для себя выпалила Люська.

Витька перекосил лицо, изображая презрение:

— Девчонки не могут бегать быстрее мальчишек. На то они и девчонки.

— А вот и неправда! — воскликнула Люська. — Могут! Да ещё как!

— Ха-ха-ха! — искусственно посмеялся Витька, подражая кому-то из артистов.

Но упорная Люська ещё раз выкрикнула:

— Всё равно у меня шишка больше! И не спорь лучше!

В это время во двор вошла Витькина бабушка, которая находилась в превосходном настроении и, увидев ребят, весело приветствовала:

— Что за шум, а драки нет?!

Витька поднялся навстречу.

— Бабушка, а бабушка, — сказал он. — Вот рассуди, у кого из нас самая большая шишка на лбу вскочила. У Рыж… у Люси или у меня?

Бабушка всплеснула руками и привычно запричитала:

— Батюшки мои! И что ж вам спокойно-то не сидится, все-то вам нужно разузнать, да везде-то вам нужно полазить! Совсем от рук отбились! Родители-то ваши и подумать не моги, что вместо оздоровления, для которого вас сюда привезли, вы только и знаете, что убиваться. Одну шишку не успела залечить, за ней на очереди уже другая. Прямо какой-то заколдованный круг получается.

— Уж такими мы родились, — скромно заметил Витька. — Никакие уговоры на нас не действуют.

— Тут не уговоры нужны, — сказала бабушка самым добрым голосом. — Тут ремень хороший нужен. Уж он-то уговорит… не сомневайся.

Но Витька такому повороту дела ничуть не огорчился, ответив:

— Это всё зависит не от нас. Это всё зависит от крови.

— Чем тебе кровь-то не угодила? — заинтересовалась бабушка.

— В том-то и дело, что всем угодила, — обстоятельно начал разъяснять Витька. — Даже очень угодила… Вот, например, в холодной воде никакая еда не сварится… это каждый знает. А вот в кипятке запросто сварится… потому что вода там горячая. Вот и у меня кровь горячая, как кипяток. Поэтому я такой и непослуш… неусидчивый.

— А у нас, по-твоему, что ж выходит, кровь совсем уж ледяная? — обиженно спросила бабушка.

— Так это общеизвестно, — солидно сказал Витька. — Поэтому все старенькие бабушки и дедушки такие медлительные, будто замороженные.

Люська с открытым ртом слушала, как остроумно беседовал Витька.

— Скажи, какой учёный выискался! — с подковыркой заметила бабушка. — Ну, чисто профессор кислых щей.

— Профессор не профессор, а тоже кое-что знаем, — туманно ответил Витька.

— Конечно, чего уж тут не знать. Знай себе пререкайся с бабушкой-то да пререкайся.

— Я не пререкаюсь.

— Молчи уж. Вчера вот тоже молодые заезжали… студенты. А до чего ж тихие, приветливые да уважительные ребятки. И что-то не один своей кровью не кичился. Говорят: «Здравствуйте, бабушка!» «Здравствуйте, миленькие», — отвечаю. «А нет-ли у вас, бабушка, каких-нибудь старинных вещей?» — спрашивают. Видали? — с уважением сказала Витькина бабушка. — Стариной интересуются!

Начиная что-то подозревать, Витька осторожно осведомился:

— И что ты им ответила?

— Есть, говорю, прялка. Ну и отдала им нашу старую прялку. Чего ей зря в сарае пылиться. Всё, какая-никакая, а польза ребяткам будет. Глядишь, и отметки им за это хорошие поставят. Всё добрым словом меня старую вспомнят.

— Так вот оно в чём дело?.. — задумчиво сказал Витька, а Люська, сделав большие глаза, шёпотом ойкнула, прикрыв рот ладошкой. — По-ня-атно. А мы-то думали…

Они отошли в сторонку и принялись о чём-то шептаться, косясь на бабушку, потом вдруг разом промчались мимо неё через двор к калитке.

— Вот чудаки! — удивилась бабушка. — И чего это они так всполошились?

22

Выскочив на улицу, ребята сделали обманный манёвр: с другой стороны дома перелезли через ограду опять во двор и, прячась за кустами жимолости, чтобы не попасться бабушке на глаза, осторожно прокрались к шалашу, залезли внутрь и только тут перевели дух.

— Теперь можно спокойно и о Бабасе поговорить, — сказал Витька, располагаясь на чурбаке.

У Люськи задрожали губы:

— Да-а, теперь хоть обговорись… А Бабаси всё-равно нет. Увезли нашу Бабасю.

Если быть честным, Витьке и самому хотелось плакать, но он крепился, потому что всем известно — мальчишкам плакать не полагается.

— Мы её найдём! — сказал он с твёрдой решимостью. — Хоть тысячу лет нам для этого потребуется!

— Да-а, тысячу лет, — часто-часто заморгала Люська. — А Бабася всё это время будет скучать по нам… по сараю.

— Ну-у, может, и раньше… Тут уж как повезёт.

— А нельзя, чтобы раньше повезло? — нерешительно спросила Люська.

Витька немного подумал и сказал:

— Нельзя! Потому что мы не знаем, как далеко уже успели увезти Бабасю.

Люська всхлипнула:

— Что ж мы зря теряем время?

— Ты лучше помалкивай! — обозлился Витька: — Раз в таких делах ничего не смыслишь… Слушай лучше, что я скажу! Вначале нам нужно узнать, на чём и в какую сторону увезли Бабасю, а уж потом по этому самому следу мы и пойдём следом… как какие-нибудь Шерлоки Холмсы. А не бегать как очумелые по двору! Поняла?

— Поняла! — испуганно сказала Люська.

Витька сразу успокоился.

— Тогда пойдём, — сказал он, вставая.

— А куда?

— На дорогу. Будем вещественные доказательства искать.

Люська не спросила, что это за «вещественные доказательства», боясь, как бы Витька вновь не рассердился.

Увидев их опять выходящими со двора, бабушка очень удивилась. Наверное, подумала, что у неё на старости лет начались галлюцинации, а может, подумала, что это просто мираж, когда кажется — человек есть, а на самом деле его и нет.

Витька не стал разубеждать бабушку в своих сомнениях (а то, чего доброго, ещё заставит что-нибудь делать, когда им и так некогда), и они, молча и степенно, прошли мимо как две загадочные личности.

Мария ЗНОБИЩЕВА

ВОСЕМЬ ВОСПОМИНАНИЙ

Рассказ

ОН: …Мы сидели на речном берегу, красном, обрывистом, неподалёку вились и беспокоились стрижи. Мы лепили из глины фигурки птиц, зверей и людей. Ты слепила какого-то колобка и сделала ему причёску из сухих травинок. Ты спросила: «Кто это?». Я сказал: «Дикий колобок». Ты заплакала. Потому что это был Ёжик, а ты очень любила ёжиков.

Я же лепил динозавра. Наплакавшись, ты стала дразнить меня и называть моего динозавра жабой. Динозавр и правда не получался, маленькие лапки осели под огромным телом, а длинная шея, которой я гордился, высохла и треснула так, что её вторая половина упала вместе с головой. А твой Ёжик мирно сидел на песке и становился настоящим ёжиком. Тогда я с досады превратил своего динозавра обратно в комок глины. Я был расстроен. Но ты хитро посмотрела на меня и принялась лепить человечка. Ты всё время посматривала то на меня, то на человечка. Мне это надоело, и я пошёл собирать ракушки. А когда вернулся, обнаружил рядом с Ёжиком грустное коричневое тельце мальчика. «Кто это?» — спросил я. «Это ты» — был твой ответ.

Я с любопытством взглянул на себя и на твои руки в перчатках высохшей глины. Это был первый раз, когда я видел себя со стороны…

Мария Знобищева родилась в Тамбове в 1987 году. Студентка 5-го курса ТГУ им. Г. Р. Державина. Автор шести поэтических сборников. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Подъём», «Российский колокол», «Пионер», «Детская литература» и др.

В последнее время активно пробует свои силы в прозе.

Участница Всероссийского форума молодых талантов в Липках и слёта «Дети Солнца» в Москве.

Член Союза писателей России.

ОНА: …В тот день ты в школу не пришёл почему-то. Антон всем сказал, что у тебя на шее фурункул. Я никогда не слышала этого слова, и подумала, что фурункул — такой паук. А когда домой пришла, решила первым делом заглянуть в «Большую медицинскую энциклопедию». Родители не разрешали мне брать книжки из взрослого шкафа, а «Медицинскую энциклопедию» вообще поставили на самую верхнюю полку. Но дома их ещё не было, я на стул установила табуреточку, залезла и потянулась за книжкой. Только она оказалась такой тяжёлой! Я и не ожидала! В общем, я упала. Вместе с ней. И у неё оторвалась обложка, а я левый бок ушибла сильно.

Тут мама с работы вернулась, и мне влетело. И в гости к тебе меня не пустили, а я очень просилась, хоть и боялась твоего паука. Я тогда стояла в углу и ревела, думала, что трачу попусту время, пока тебя там паук поедает. А потом не выдержала и как закричу: «Мама! Мамочка! Пусти меня к Лёше. Дай мне на него в последний разочек посмотреть!». А мама давай смеяться, она думала, что это шутка и что это я там, в углу, умирать собралась. Погладила меня по голове, простила. И даже отпустила погулять немножко. А я к тебе прибежала.

Ты был важный, гордился своим фурункулом. Я показать попросила. Ты не сразу согласился, только в обмен на три вафли. Осторожно так заглянула — а там и нет никакого паука — обыкновенная болячка, противная такая! И я почему-то домой пошла очень обиженная…

ОН: …Мы целое лето не виделись, а когда увиделись, я не узнал тебя. Ты стала высокая и загорелая, а у меня (хорошо, что ты не могла заметить!) коленки сбитые и обкусаны ногти. Мы сказали: «привет-привет», и больше не знали, что сказать. Потом пришли твои подружки, и ты стала говорить с ними, а от меня отвернулась. Вы шептались, хихикали и посматривали на меня насмешливо.

Ты была нарядная — как и положено на 1-е сентября. Солнце светило, и волосы у тебя блестели сильнее, чем у других девчонок. И ещё мне было почему-то стыдно, когда кто-нибудь видел, что я смотрю на тебя. Стою и смотрю — как дурак. И я всё думал и думал: почему ты такая высокая. Недавно была со мной одного роста, а я ведь на пять месяцев старше тебя! Я никогда не был коротышкой, но сейчас чувствовал себя самым маленьким человеком на всей

планете. Пацаны подходили, здоровались, спрашивали, как я провёл лето, чему-то смеялись, над кем-то издевались. А я стоял и думал, что навсегда потерял тебя. И даже линейки не запомнил: ни того, что говорил директор, ни Ангелину Сергеевну, ни стихов, ни песен — ничего не помню…

А потом нас повели в городской сад на аттракционы. Ты всё время каталась с девчонками, а я стоял один и ни на чём не катался. Потом начался дождик, и все стали расходиться по домам. Нам было по дороге, и мы пошли с тобой рядом. Ты вздохнула, а я обрадовался, что ты со мной всё-таки — хотя бы так — разговариваешь. И ты сказала, что у тебя ноги устали. Ты ныла и ныла, а потом взяла и сняла свои туфли. И отдала их мне — чтобы я нёс. Мы стали опять одного роста, и я от радости тоже снял ботинки. Мы шли домой по газонам, и потом по мокрому асфальту, и ты смеялась тоненько, а я — как конь…

ОНА: …Я до сих пор не знаю, почему ты пригласил танцевать Наташку. У неё, конечно, были большие глаза и фигурка тоже ничего, но…

Признаюсь, я об этом новогоднем бале мечтала. Мама подарила мне на двенадцатилетие то синее платье, помнишь? И меня почти все мальчишки подходили приглашать, а ты не подошёл. И я — тебе назло — со всеми станцевала. Но всё равно мне от этого не стало легче.

Мы стояли втроём: Ленка, Наташка и я. И когда ты подошёл, я даже шагнула тебе навстречу. А ты покраснел и протянул руку Наташке. Она в неё тут же вцепилась, как рак, и я решила, что дружить с ней больше не буду. И ты потом опять несколько раз подходил, смотрел на мои туфли и приглашал Наташку.

Из школы я ушла зарёванная, и Ванька, который меня провожал, всю дорогу причитал, пытался успокоить меня, наверное, — и, в конце концов, тоже разревелся почему-то. Я об этом никому не рассказывала. И ты, если встретишь его когда-нибудь, ему об этом, пожалуйста, не напоминай. Вот, а потом начались новогодние каникулы. И ты мне не позвонил, как всегда звонил на праздники. Я тебе приготовила огромную открытку, но первого января порвала её и сожгла. А потом к моему папе пришёл твой папа — играть в шахматы. И я подслушала, что ты «стал какой-то не такой». Тогда я решила, что ты влюбился. В Наташку. Это был самый худший Новый год в моей жизни…

ОН: …Мы ходили всем классом в кино. Не помню, как назывался тот фильм. Но помню, что ты сидела справа от меня, а слева был Тоха. Он был невыносим: совал мне в нос то семечки, то чипсы, то жвачку. Я обычно не отказывался, а на этот раз не хотел. И он ещё при этом отпускал свои шуточки. Я и сам был мастер пошутить, но в тот день… А ты на нас не обращала никакого внимания: смотрела кино. Но всё равно мне за него было очень стыдно.

Фильм был хороший, о войне, и когда Тоха не мешал мне, я даже успевал пофилософствовать. А ещё там была медсестра, которую тоже звали Катей. И у неё глаза и улыбка были почти как у тебя. Ей нравился один лейтенант, а лейтенанту никто не нравился — он думал только о войне. Зато Катя нравилась раненому солдату из госпиталя. Его звали, как меня, и я поэтому был на его стороне. У лейтенанта с медсестрой было объяснение, и он её обидел своей жестокостью. Она вернулась в госпиталь, принялась за перевязку, а у самой слёзы по щекам. А тот раненый Алексей лежит и смотрит на неё. И когда она к нему присела, спросила про ранение, слова добрые сказала, он приподнялся и тихонечко так… её поцеловал.

Ты тогда чуть-чуть шевельнулась и положила локоть на ручку кресла. И я тоже положил так свой локоть. На тебе был пушистый свитер, но я почувствовал, что рука под ним еле-еле, как бы против своей воли, дрожит. И тут Тоха, уставившись в экран, сказал: «Во даёт, мужик!» И засмеялся: «Га-га-га-га-га!..

ОНА: …Никитка Смирнов подарил мне на день рожденья кассету «Иванушек», и я её слушала день и ночь. Всегда — была ли одна или с гостями. Никто не возмущался, и только ты всё время критиковал мои любимые песни.

«Как это так: снегири — не гири! — протестовал ты, — у любого сравнения должна быть логика. На тех же основаниях я могу прийти к выводу, что кенгуру — не гуру, да и барсуки, собственно говоря…» И ты мне тогда казался занудой. Тебе особенно не нравилась самая дорогая для меня песня, в которой были такие слова: «Я очень сильно люблю тебя, и я буду об этом кричать всю ночь до утра. Всю ночь. Всю ночь. Всю ночь. Всю ночь. Всю ночь». Я тогда мечтала, чтобы кто-нибудь вот также признался в любви мне. А ты занудствовал: «Если человека любишь, ты не будешь лишать его покоя и не давать спать. Всю ночь! Обрати внимание! И ещё — о любви не кричат, крикнуть может и петух. Настоящий мужчина,

вместо того, чтобы вопить под окном своей несчастной возлюбленной, будет совершать дела, поступки, подвиги».

Я хохотала, умиляясь твоей серьёзности. И специально ставила эту песню, когда ты приходил. Мне нравилось слышать от тебя одни и те же самые славные и правильные твои слова. Бедненький мой, ты же не знал, что я берегу все рамочки, которые ты ежегодно вырезал для меня на уроках труда, и что они для меня дороже всех на свете кассет…

ОН: …Зачем ты всё-таки поступила на физмат? Ведь это не твоё. Ты мыслишь образами, твои сочинения Ангелина Сергеевна всегда читала всему классу. А я не завидовал — восхищался и гордился. Конечно, по математике и физике у тебя тоже были пятёрки. Но я-то знаю, какой ценой решались задачки! Гордая, ты так ни разу и не списала у меня. Честно говоря, это было обидно. Наверное, таким образом ты соревновалась со мной. Но, послушай, ведь я никогда не пытался перещеголять тебя в сочинительстве, хотя и мог, как ты теперь видишь. И списыванием во время диктанта ни разу не побрезговал.

В июле ты сказала, что подала документы на истфак, и когда мы нос к носу столкнулись в августе на встрече первокурсников физмата, я подумал, что брежу! А ты стояла у окна с папкой в руках и белой сумочкой через плечо. Ты смотрела на меня и улыбалась. Как в моём сне. Из открытого окна сквозил ветерок, и твои волосы чуть заметно развевалась. Мне было трудно на тебя смотреть, потому что прямо над твоей головой, в окне, торчало наглое сентябрьское солнце. Клянусь, мне тогда показалось, что на твоих волосах золотая корона! Солнце слепило глаза, и они слезились. Ты подошла, усмехнулась и спросила, почему я плачу? Потому что не рад видеть?

И тут мне стало абсолютно всё равно, сколько вокруг нас молодого и пожилого народа, что они подумают и скажут…

Помнишь, что я сделал вместо ответа?..

ОНА: …Когда ты пошёл в армию, я гордилась тобой. Но в день прощания вид у тебя был такой, как будто ты идёшь на смерть. Тут даже мне стало грустно. Я пыталась тебя рассмешить, но ты был безнадёжен. Ты мне показался маленьким-маленьким, младше, чем был в детстве (потому что тогда мы оба были взрослые). И мне

захотелось погладить тебя по голове. Но ты сбрил волосы, и моя ладонь почему-то смутилась…

У тебя задрожал подбородок, когда ты сказал, что я очень красивая. Странно, ты в первый раз мне это сказал. И твой голос при этом был самым грустным из твоих голосов.

У меня зазвонил сотовый. Это Серёжка просил меня купить ему писчей бумаги по дороге домой. И пока мы разговаривали, ты шагал туда-сюда по перрону и курил. Потом подошёл и посмотрел мне в глаза. Мне стало страшно: столько было боли в твоём взгляде! Долго пришлось мне выяснять причину твоей тревоги. И, наконец, ты просто произнёс: «Два года». И покосился на мой телефон. «Я ещё, а они уже — здесь». «Кто — они?» — удивилась я. «Мужчины», — проскрежетал ты. Тогда я сказала, что это звонил мой брат, но ты не поверил, потому что до сих пор считаешь Серёжку маленьким, а голос в трубке был взрослый. Я не на шутку рассердилась тогда, и всё-таки набрала Серёжкин номер, чтобы ты сам задал ему все свои вопросы. Горько было так бездарно тратить последние минутки перед поездом… А ты, похоже, смутился, с Серёжкой разговаривал как-то неловко. Пожелал ему зачем-то счастья в личной жизни. И потом так долго извинялся передо мной, и твои ладони были такие холодные…

Проводница махнула тебе рукой, приглашая в вагон, и мне захотелось переселиться к тебе в ранец или хотя бы в карман.

«А ты, ты будешь помнить меня?» — спросила я.

Ты нахмурился и сказал мне, чтобы я никогда не задавала больше таких глупых вопросов…

Елена ВЛАДИМИРОВА

МИТИНЫ СКАЗОЧКИ

ПРО МИТЮ

Когда Митю первый раз принесли домой, он и сам не помнил. Кажется, он заплакал (он ведь был тогда совсем маленький), а потом уснул. Проснулся он в нарядной кроватке и догадался, что они с мамой дома.

По рассказам мамы он уже знал, что есть роддом, а есть просто дом. Роддом назывался так потому, что Митя там родился. Там родилось очень много детей, и Митя ещё помнил своих первых друзей — девочку Ирину и мальчика Пашу, с которыми они лежали в соседних кроватках.

Просто дом был лучше: красивее и уютнее. И ещё в доме был папа.

А потом побежали дни, и каждый день Митя узнавал что-то новое. Он узнал, что вообще-то его зовут Дмитрий, а Митя — домашнее ласковое имя. Он узнал, что у него есть бабушка и дедушка, ещё одни бабушка и дедушка и ещё много друзей и родных. Ещё у Мити были игрушки, нарядная одежда, собственная коляска с буквой «М» и кошка Масяня.

Елена Владимирова (Борода) — кандидат филологических наук, работает преподавателем в колледже.

Была участницей Всероссийского форума молодых писателей в Липках (2007 г.).

Автор двух поэтических сборников: «Двойные двери» и «Улыбка клоуна». Публиковалась в предыдущих выпусках «ТА» как поэт и критик, сегодня выносит на суд читателей детские сказки.

Кошка Масяня сама была почти котёнком. Когда в доме появился Митя, она очень удивилась. Но Митин папа объяснил ей, что это тоже человек, только очень маленький. И такие они бывают, люди.

Масяня долго принюхивалась и тайком присматривала за своим уголком на кухне. Её очень интересовало, где и что новый жилец будет есть и не отдадут ли ему Масянину чашку с едой. Но оказалось, что у него есть собственная бутылочка, и Масяня успокоилась.

Сначала она немного побаивалась Митю, потому что он громко кричал. Она немного обижалась на хозяев — очень уж возились с маленьким человечком, на неё как будто и внимания не обращали. Но Митин папа объяснил ей, что когда Митя немного подрастёт, внимания ей хватит, и даже с избытком. Так оно и оказалось.

ПРО ТИГРЁНКА

Тигрёнок был маленький. Его посадили к Мите в кроватку, и он очень этим гордился.

— Это потому, что я умею драться. Если нападут враги, уж мы-то сможем за себя постоять.

«Мы» — так тигрёнок думал про себя и Митю.

— Уметь драться — вовсе не главное в этой жизни, — произнёс большой тигр, который стоял в дальнем углу комнаты.

Тигр был большой и задумчивый. Он почти никогда не принимал участия в играх других зверюшек, только молча, с грустной улыбкой смотрел, как резвится малышня. Очень часто тигр смотрел в окно — он единственный без посторонней помощи мог это делать. Остальные до окна не доставали.

Тигрёнок уважал своего большого собрата и немножко завидовал ему — тигр ведь был таким огромным. Зато тигрёнок будет жить у Мити в кроватке и по ночам охранять его сон. Уж он постарается, чтобы никто-никто его не потревожил.

— Я свирепый и сильный, — сказал тигрёнок. — Я свиреп, свир-реп!

— Ну что ты расшумелся? — недовольно отозвалась кошка Масяня (она только что сладко заснула). — Если ты будешь так рычать, Мите никаких врагов не надо. Ты его сам разбудишь.

— Свиреп! — повторил тигрёнок.

Очень уж ему нравилось это слово.

— Помолчи, котёнок. Посчитай-ка лучше полоски на своей шкурке — полезное занятие.

— Я не котёнок! — обиделся тигрёнок. — Я тигр!

Масяня зевнула и, поняв, что заснуть не удастся, стала не спеша вылизывать лапку.

— Во-первых, — сказала она, — до тигра тебе ещё далеко. А во-вторых, тигры и кошки — дальние родственники.

— Да ну? — удивился тигрёнок и посмотрел на большого тигра.

Тот кивнул:

— Она говорит правду.

— Ну, про кошек и тигров — пусть. Но я же вырасту и стану большим свирепым тигром?

Тигр грустно покачал головой:

— Ты не вырастешь, маленький весёлый полосатый тигрёнок.

— Но как же… А как же ты?

— Я всегда был таким. Это дети растут и взрослеют. А мы, игрушки, всегда остаёмся такими, какими нас захотели видеть люди.

— Значит, я никогда-никогда не буду сильным свирепым тигром? — тигрёнок готов был заплакать. — И никто-никто не будет меня бояться. И я не смогу стать самым надёжным Митиным другом.

— Для того чтобы стать самым надёжным другом, вовсе не нужно быть сильным и тем более свирепым. У тебя храброе сердце, маленький тигрёнок. Я думаю, Митя мечтает о таком друге.

Тигрёнок утёр нос кончиком хвоста.

— Правда?

— Конечно.

Тигрёнок утешился окончательно и убежал играть. А большой тигр вздохнул и стал смотреть в окно. Потом он задремал. Во сне он видел себя маленьким весёлым полосатым тигрёнком, который бегал и резвился, не зная усталости.

ПРО ТО, ЧЕГО НЕЛЬЗЯ

Мама посадила Митю в его комнате на полу, дала ему игрушки и сказала:

— Можешь делать, что хочешь, только не выходи в коридор.

И закрыла дверь перед самым Митиным носом.

Вообще-то надо было сказать «не выползай», потому что ходить Митя ещё не умел.

С дверью всё оказалось не так уж сложно — Митя быстро научился её открывать. За дверью был коридор: дверь в ванную, кладовка и стена. Дальше коридор поворачивал налево, и Митю всегда

интересовало: что же там, за поворотом? Дверь была открыта, но ползти дальше Митя не решался. Мама не разрешила, да и страшновато было. Пока он раздумывал, появилась кошка Масяня.

— Что, боишься? — спросила она.

И демонстративно прошествовала вдоль коридора. Она-то давно умела ходить и даже бегать.

— Нисколько не боюсь! — крикнул ей вслед Митя.

И он двинулся в коридор. Раз, ещё раз — всё оказалось проще, чем казалось. Вот и поворот. Митя едва успел заглянуть за него и увидеть ещё одну комнату, больше, чем его детская, как появилась мама и водворила его на место.

— Я же сказала — нельзя! — строго произнесла она.

Митя сел и стал думать. Почему — нельзя? Вообще-то «нельзя» бывают разные. Есть такие «нельзя», которые потом, когда подрастёшь, будут «можно». Например, держать ножницы и включать телевизор. Но есть такие «нельзя», которые нельзя никогда. Например, бросаться хлебом и грубить маме. А ещё бывают такие «нельзя», которые одним нельзя, а другим можно. Вот Масяне, например, нельзя залезать в шкаф с посудой. Остальным — можно. Ей, кошке, это, наверное, кажется несправедливым. Интересно, Мите в коридор — это какое «нельзя»?

Потом пришла мама.

— Ну что? — сказала она. — В коридор тебе нельзя, потому что там холодно. Но если ты хочешь…

Она взяла Митю на руки, и они вместе осмотрели всю их большую квартиру.

ПРО МИКРОБА

— А руки мыть? — мама остановила Митю, который уже было сел за стол.

— Они чистые, — Митя посмотрел на свои ладошки и протянул их маме. Ладошки были розовые.

— Ты можешь не видеть, но на руках полно микробов. Это такие маленькие и очень вредные существа. Проглотишь их вместе с пищей и заболеешь.

— Маленькие? Меньше мухи?

— Да.

— И меньше комара?
— Меньше.
— И меньше муравья?
— Гораздо меньше.
— И очень вредные?
— Вреднее не бывает. Ну-ка быстро в ванную. Бутерброды остынут.

Митя нехотя отправился в ванную. Там он опять посмотрел на свои руки, перевернул их ладошками вверх и опять посмотрел. Никаких микробов не было. Он было потянулся за мылом, но из кухни доносился такой упоительный запах горячих бутербродов с сыром и манной каши с корицей и изюмом, что Митя наспех намочил руки водой, коснулся полотенца и помчался обратно.

Позавтракав, Митя отправился играть. Играл, играл, пока не почувствовал: что-то не так. Откуда ни возьмись, послышалась песенка:

Мыло больше ты не трогай:
Поиграли и забыли.
Мне по вкусу, если много
Грязи, пыли,
Грязи, пыли…

— Это кто? — встревожился Митя.
— Я микроб. Я у тебя во рту.
— А как ты туда попал?
— Ты меня сам поймал. Мало ли грязи кругом?
Митя помолчал.
— Говорят, ты вредный.
— Врут, — уверенно сказал микроб. — Пугают, чтоб руки мыли, драгоценное время тратили. А по мне, лучше играть и веселиться, чем с мылом возиться.

И микроб опять запел свою разухабистую песенку:

Чистота тебе наскучит —
Путь открыт любой заразе.
Лучше — больше,
Больше — лучше
Пыли, грязи…

Митя развеселился.

— Какой ты смешной, микроб! Как с тобой весело!

— То ли ещё будет! — загадочно отозвался новый Митин приятель.

Так было до самого вечера. А вечером у Мити разболелся живот. Да так, что он не мог ни играть, ни петь. Знакомая песенка, которую напевал микроб, донеслась опять. Но пели её уже на разные голоса, и звучала она откуда-то из глубины.

— Эй, микроб, — почуяв неладное, позвал Митя.

— Аюшки, — откликнулся тот.

— Ты где?

— Мы в животе.

— Ты что, не один?

— Уже нет. Нас тут много, микробов.

Митя рассердился не на шутку.

— Это из-за вас у меня живот болит?

— Ага, — радостно подтвердил микроб.

— А ну, выходите! Я так не играю!

— Не-а. Нам тут нравится.

И тут живот у Мити так разболелся, что он забыл про всё на свете. Пришлось позвать на помощь маму. Она дала Мите лекарство, от которого микробов и след простыл.

Митя уснул. А когда проснулся, было уже утро. Живот не болел. Из кухни тянуло теплом и вкусно пахло. Кажется, на завтрак было овощное рагу и блинчики. Мама пила чай.

— Привет! — сказал Митя.

— Привет! — сказала мама. — Садись завтракать.

Митя хотел уже сесть за стол, но вспомнил что-то очень важное.

— Я сейчас, — сказал он.

И отправился в ванную умываться и мыть руки с мылом.

ПРО УТЯТОК

Однажды Митя гулял около дома. Погода была хорошая, солнышко светило вовсю, и Митя развлекался вместе с кошкой Масяней, бегая за солнечными зайчиками. За солнечных зайчиков он вначале принял и утиное семейство, которое чинно шагало ему навстречу. Уток было шестеро, — сосчитал Митя. Мама-утка, папа-селезень, четверо утяток, и все — жёлтого солнечного цвета.

— Здравствуйте, — сказал Митя.

Он был мальчик воспитанный.

— Здравствуйте, здравствуйте, — откликнулся папа-селезень, шедший впереди. — Гуляем?

— Ага.

— Мы вот тоже решили прогуляться. Всей семьёй.

За его спиной нетерпеливо переминались с лапы на лапу детки-утятки, явно желающие идти дальше.

— Так вы семья? — удивился Митя. — А почему же вас только шестеро? Ведь семья — это семь-Я.

— В самом деле? — удивился папа-селезень.

На всякий случай Митя пересчитал утят ещё раз.

— Ну да. Шестеро.

— А где же седьмой? — папа-селезень строго посмотрел на маму-утку, потом на деток-утяток.

— Вы, наверное, его потеряли, — сказал Митя.

— Если потеряли, надо искать, — решил глава семейства.

— И я с вами, — сказал Митя.

На всякий случай он взял с собой большую палку — мало ли что может приключиться в дороге. Кошка Масяня вернулась домой. Не любила она приключений.

А Митя и утки отправились искать седьмого потерянного утёнка.

Идут, а навстречу им — мышонок.

— Эй, далеко ли идёте?

— Здравствуй, мышонок. Не видел ли ты, серенький, маленького жёлтенького утёнка?

— Нет, не видел. А возьмите меня с собой.

— Пойдём, веселее будет.

Идут дальше, а навстречу им — зайчонок.

— Далеко ли идёте?

— Здравствуй, зайчонок. А не встречал ли ты, ушастенький, маленького жёлтого утёнка?

— Нет, не встречал. Возьмите меня с собой.

— Пойдём, веселее будет.

Идут дальше, а навстречу им — щенок.

— Гав, куда спешите?

— Здравствуй, щенок. А не видел ли ты, лохматенький, маленького жёлтого утёнка?

— Нет, не видел. Не возьмёте меня с собой?

— Пойдём, веселее будет.

Ещё встретили котенка, петушка и ёжика. И все с ними идут. Всю округу обошли, а утёнка никто не встречал. Устали, присели.

— А может, и не было седьмого-то? — спросила мама-утка. — Я же своих деток-утяток наперечёт знаю.

— Может, и не было, — согласился папа-селезень.

И тут над ними нависла огромная чёрная тень.

— Берегись! Это большая птица, которая ворует птенцов. Утята, в кучу! — скомандовал петушок.

Что тут началось! Все окружили утяток и подняли такой гвалт, что на всю округу было слышно. Мышонок пищит, щенок лает, котёнок мяукает, зайчонок верещит, петушок кукарекает, ёжик шипит да ещё и в колючий клубок свернулся. А Митя прогнал страшную птицу палкой.

А потом вернулись домой.

А тут и Митины мама с папой пришли.

— Ах, какая большая дружная семья! — восхитился папа, увидев Митину компанию.

— Но ведь утяток только шесть, а если считать всех… Раз, два, три, четыре, пять, шесть — утята, семь — мышонок, восемь — зайчонок, девять — щенок, десять — котёнок, одиннадцать — петушок, двенадцать — ёжик. Больше семи. Какая же они семья? — удивился Митя.

Мама с папой рассмеялись, а потом папа сказал:

— Всё верно, сын. Только, знаешь, в этом слове главное не слово «семь», а слово «Я». Это значит, сколько бы ни было в семье народу, каждый думает о других, как о самом себе, и любит их так же, как самого себя.

— Так же, как мы?

— Точно так же.

Митя взял за руку папу, взял за руку маму. Кошка Масяня прыгнула Мите на колени. Вся их маленькая семья была в сборе, и Митя был вполне счастлив.

Марина ГУСЕВА

БУКЕТ ДЛЯ МАМЫ

Соберу букет для мамы,
Подарю его зимой.
Пусть, холодный и упрямый,
Дует ветер ледяной.
Пусть мороз цветы из сказки
Нарисует на стекле.
Ну а я раскрою краски,
И распустятся в тепле
Одуванчик с маргариткой
И подснежник голубой...
А от маминой улыбки
Станет мой букет живой!

Марина Гусева родилась в Тамбове. Окончила Воронежский государственный университет и Пензенское художественное училище. Работает преподавателем в Тамбовской детской художественной школе № 1.

Автор четырёх поэтических сборников: «Этюды», «Незримых крыл прикосновенье», «Перед рассветом», «Я шагаю по тропинке».

Член Союза писателей России и Союза художников России.

ЩЕНОК

Заболел у нас щенок.
Видно, он вчера продрог
И лежит с температурой,
Оттого немного хмурый.
Я стараюсь не кричать
И врача иду встречать.

ДРУЗЬЯ

Я собаке на прогулке
Подарил кусочек булки,
И теперь уверен я –
Мы с ней добрые друзья!

ПОЛЁТ

Я во сне летал над садом
И хотел повыше.
Только голос мамы рядом
Ласковый услышал.
Высоко бы я летал –
Нечего бояться.
Только голос звал и звал...
Надо приземляться!

ХУДОЖНИК

Я с чистым справиться листом
Могу легко и быстро,
Нарисовав сначала дом
Под солнышком лучистым.
Одно окно, а сбоку дверь
И треугольник – крыша.
Всё, основное есть теперь...
Пошли на речку, Миша!

ОЖИДАНИЕ

Посадила Леночка
Маленькое семечко
И вздыхает: «Не взошло...»
Дай малышке времечко!
Ты немножко подожди –
Вот пригреет солнышко,
А потом пойдут дожди
Из большого вёдрышка.
И когда настанет срок –
Вмиг появится росток!

КОМАРЫ

От полуденной жары
Нам уже не до игры.
Отдохнуть в лесу хотели –
Налетели комары.
Что за отдых – охи, ахи!
Натянули мы рубахи
И скорее наутёк –
На простор, на солнцепёк!

НЕ ОБИЖАЙ ЦВЕТЫ

Я растения жалею,
Защищаю, как могу.
Что случится – от злодея
В тот же миг я убегу.
Убегут собака с кошкой,
Птица может улететь...
А цветок на тонкой ножке?
Как его не пожалеть?
О страданиях не скажет,
Не накажет никого.
Как назвать, не знаю даже,
Обижающих его.

СОЛНЦЕ ВЗОШЛО

Солнце лежит на холме,
На самой макушке.
Не круглое вполне,
Как апельсин откушенный.
Хочется к нему бежать
По бездорожью
И, не дыша,
Осторожно
На руки взять,
Подтянуться
К облаку, как на блюдце
Его положить –
Скорее
Пусть нашу жизнь
Согреет!

СЮРПРИЗ

У Сергея есть котёнок,
У Ильи живёт щенок.
Я один в семье ребёнок...
И ужасно одинок!
Засмеялись мама с папой
И сказали: «Как же быть?
Может, нам тебе с зарплаты
Лучше братика купить?»
Вот так новый поворот!
Что там попугайчик,
Не собака и не кот –
Настоящий мальчик!

ПЛОХОЕ НАСТРОЕНИЕ

Я обиделся на дождик,
Он сорвал у нас поход.
Не могу смотреть на гвоздик,
Где рюкзак напрасно ждёт.
От тоски всплакнул немного.
Только дедушка пришёл,
Посмотрел светло и строго
И сказал: «Нехорошо!
Дождик так сегодня нужен
Лесу, полю и лугам,
Он несёт не только лужи –
Урожай хороший нам.
На год целый угощенье
Он готовит для тебя...»
Попрошу скорей прощенья
Я у милого дождя!

БЕЛКА

Что прыжок любой для белки –
Это сущая безделка.
Как заправский акробат
Сверху – вниз, вперёд – назад.
Нам за нею не угнаться –
Вот она уже вдали!
Можем только любоваться
Мастерством её с земли!

ПОЭТ

Я хотел бы стать поэтом
И рифмую целый день.
Не стоят дела при этом:
Убираться мне не лень,
В магазин бегу вприпрыжку
И стихи свои твержу.
На обычного мальчишку
Я уже не похожу.
Кот – компот, афиша – крыша,
Хор, фарфор и светофор...
Кто-то ведь стихов не пишет,
Был таким я до сих пор.
Туча хмурится упрямо,
Но смеюсь я ей в ответ.
Будет мной гордится мама:
Сын – помощник и поэт!

Лидия ПЕРЦЕВА

СМОТРИ НА НЕБУШКО

– Под ноги, моя деточка,
Прошу тебя, смотри…
– А как увижу, бабушка,
Небесный свет зари?
– Да на земле, случается,
Споткнёшься невзначай.
Но ты смотри на небушко,
А землю примечай…
Тому, кто оступается,
Тяжёл падений гнёт:
Кто очень часто падает,
Тот в небо не вспорхнёт…

Лидия Перцева родилась в г. Йошкар-Ола, выросла в Ленинграде, где окончила университет. С 1978 г. живёт в Тамбове.

Автор нескольких поэтических сборников и аудиокниг, вышедших в издательствах Тамбова, Калуги, Оптиной Пустыни.

Член Союза писателей России с 1997 г.

ЛЕТОМ

Загорели лица,
Кожа – шоколад.
Рыжая травица
В рыжий вводит сад.

Рыжая девчонка –
Обгоревший нос –
Трогает ручонкой
Узел рыжих кос.

Всё вокруг иссохло:
Жар плывёт и зной,
Только не поблёкло
Небо надо мной.

И не загорают
Летом облака,
И не выцветает
От жары река.

ЛЯГУШКА

Изумрудная лягушка
Повстречалась нам на Цне:
Щёки – словно две подушки,
Цветом – с ряской наравне.

Я сказала ей: «Привет!»
Изумруд вдруг – прыг! – и нет.

ПУХОПАД

«Осторожно: пухопад!» –
Напишите на панели.
Хлопья тополя летят –
Белые метели.

Осторожно: пухопад
Ослепит, вплетётся в косы.
Видишь: с головы до пят
Все в пуху берёзы.

Все тропинки, палисад,
Как зимою, побелели.
Осторожно: пухопад –
Летние метели.

МИРИЛКА

Раз, два, три, четыре, пять,
Прекращаем воевать.
Я за пальчик твой держусь,
Не кусаюсь, не дерусь.
Мы с тобой теперь – друзья,
Больше ссориться нельзя.
Помириться нам пора.
Помирились мы – ура!

ДОЖДИК

Дождик, дождик – кап-кап-кап,
Капает на крыши.
Эти мокрые «кап-кап»
Мы сквозь окна слышим.

Монотонные стучат
К нам в стекло дождинки.
На реснички у ребят
Сели сна картинки.

И под дождик сладко спят
Взрослые и дети.
Сны, конечно, у ребят –
Лучшие на свете.

РЫБА

Почему не тонет рыба
В море, в речке, а плывёт?
Так изящно и красиво
Режет гладь хрустальных вод.

А вот чтобы плыл ребёнок,
Надувают круг иль шар.
Он тогда, как лягушонок,
Плавать обретает дар.

А в животике у рыбы –
Два воздушных пузыря,
Даже волн тугие глыбы
Не потопят – бьются зря!

МОРОЗ

То ли страуса перо
Приморозил на стекло,
То ль заснеженной сосны
Бросил ветки с вышины…

Утром доченька проснулась
И узору улыбнулась:

«Милый дедушка Мороз,
Ты мне ручки не морозь.
Я не буду ночью спать,
Научи так рисовать».

ЗАЙЧИК

Шаловливый солнца зайчик
Прыгал в комнате, резвясь.
В колыбельке сонный мальчик
Теребил простынки бязь.

Он зажмурил плотно глазки,
Хоть и день вошёл в окно,
И на стенах, словно в сказке,
Пляшет солнышка пятно.

Лучик – прыг! – как зайка скачет,
Не догнать и не поймать…
Даже самый сонный мальчик
Должен солнышко встречать.

ЦВЕТ ВЕСНЫ

– Какого же цвета весна? –
Спросила моя малышка.
– Румяна, как ты после сна,
И цвета – как эта вот книжка.

– А книга, – сказала она, –
О радуге-семицвете.
Так значит, имеет весна
Все краски, что есть на свете!

ГОРЬКИЙ – НЕ ГОРЬКИЙ

Внучка-малышка у деда была,
Чью-то фигурку взяла со стола,
Деда спросила: «Кто это, дед?
В шляпу такую зачем он одет?»

«Это ведь Горький, – ответил ей дед. –
Это писателя точный портрет».
«Горький?» – спросила девчонка
И отошла потихоньку в сторонку…

Вот у истории этой финал:
«Дед, – ты обманщик! Что мне сказал?
Горький – не горький, – она утверждала, –
Ведь языком я его полизала!»

Алексей СУТОРМИН

ЛЕТО

Лето в зенит
Взобралось
И с откоса
Тихо звенит:
– Время покоса!
– Время покоса?
Какие вопросы –
Ответно в лугах
Звякнули косы.
Звякнули косы,
Вжикнули косы,
Вслед за собой
Оставляя прокосы.
И над лугами
Тихо струится
Клевера запах
И медуницы.

ПОПУГАЙКА!

Попугаю
Сказал попугай:
– Ты немного
Ребят попугай.
Отвечал
Попугай попугаю:
– Я, конечно же,
Их попугаю.
А ребята
Кричат попугаям:
– Сами вас мы
Сейчас попугаем.

Алексей Сутормин живёт в с. Новоюрьево Староюрьевского района Тамбовщины. Более 35 лет работал в школе учителем, директором. Стихи публиковал в «Учительской газете», «Тамбовской жизни», «Наедине» и других изданиях.

Автор двух поэтических сборников, в том числе книги для детей «Вкусные слова».

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Все довольны:
Мы, ты, я –
Природа вся
Умытая.
А ребята
Лезут в лужи,
Говорят:
– Нам дождик нужен.
Как поросятки
Мариванны,
Любят грязевые
Ванны.
И давно
В грязи все шорты,
Но зато
У нас – курорты.
Эта грязь
Полезная –
За всеми в грязь
Полезла я.

ПОД УШКО – ПОДУШКУ

У Танюшки
Есть подружка –
Очень мягкая
Подушка.
Сладко спит
На ней Танюшка,
Подложив
Её под ушко.

ХМУРЫЙ ДЕНЬ

Во дворе
Хохлатки-куры
Нахохлились,
Смотрят хмуро.
Хмуры звери,
Хмуры птицы,
Хмурый пёс
Не веселится –
С незапамятной
Поры
Хмурится
У конуры.
Даже
Наша улица
Почему-то
Хмурится.
И легла
Повсюду тень,
Оттого, что
Хмурый день.

УТЯТА

Утка вывела
Утят,
А утята
Пить хотят.
Налила воды
Им в блюдца –
Пьют утята –
Не напьются.
Отведу я их
На пруд –
Пусть утята
Вволю пьют.

НОША

Нет, недовольна
Я собой,
Своею жизнью
И судьбой.
Так больше жить
Я не могу –
Уж лучше
От себя сбегу.
Я от родителей,
Ребят
Сбегу, куда
Глаза глядят.
Сбегу я к речке
В поле
И буду жить
На воле.
Но тихо шепчет
Мне камыш:
– От себя
Не убежишь.
И я,
Покорная судьбе,
Опять ношу
Себя в себе.

ВОЛКИ

Днём и ночью
Волки рыщут.
Волки в поле
Пищу ищут.
Уморились волки,
Рыща:
Разбежалась
От них пища.

СОРОЧАТА

На сорок
Дорог
Сели сорок
Сорок.
И кричат,
Как строчат,
На своих
Сорочат.
Непослушны
Сорочата,
Раскричались,
Как галчата.
Подрастут –
Настанут сроки –
Сами станут,
Как сороки.
И все сорок
Сорочат,
Как сороки,
Застрочат.

ПОМОЩНИК

Знакомой Мурке
Жаловался Кот:
– За что меня
Хозяин бьёт?
Всегда ему
Ведь помогаю:
Со сливок пробу
Я снимаю.

ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ

Расклевали
Птицы лето,
Разнесли
По белу свету.
Раскурлыкали
Вдали
Красно лето
Журавли.
До свидания,
Красно лето,
Твоя песня
Уже спета.
И на крыльях
Журавли
К нам уж осень
Принесли.

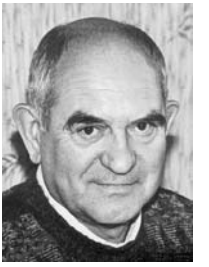
У МОСТА

У высокого
Моста
Есть глубокие
Места.
В тех местах
Сомов усатых
Мы поймали
Больше ста.
Может быть,
И меньше ста,
Но –
Хорошие места.

ДУБОК

К солнцу
Тянется росток,
Будто к западу
Восток.
Тот росточек –
Невеличка:
Он всего лишь
С ноготок.
Он совсем ещё
Ребенок:
Только вышел
Из пелёнок.
И его обидеть
Просто –
Он ведь маленького
Роста.
Только солнце,
Будто мать,
Его станет
Согревать.
Он потянется
К теплу,
К людям, солнцу
И добру.
Так – пройдёт
Всего годок –
Встанет на ноги
Дубок.
И на зависть
Всем в округе
Станет строен
И высок.

Евстахий НАЧАС



СЧАСТЬЕ

Ночь играет с деревьями в салочки,
густо тени мелькают в окне.
На руках моих дочка Оксаночка
улыбнулась чему-то во сне.
Спят на стульчике дочкины платьица,
они пахнут теплом дорогим.
Я не знаю, в чём, собственно, разница
между счастьем и мигом таким.
В ночь такую все связи обратные
можно сверить, склоняясь к плечу…
Может быть, есть минуты отраднее,
я не знаю, и знать не хочу.

Евстахий Начас родился в 1940 г. на Украине. Вся его сознательная жизнь связана с Тамбовщиной. В настоящее время работает в областной газете "Наедине".

Публиковался в газетах, журналах, альманахах, коллективных сборниках. Автор семи поэтических книг. Лауреат областной премии им. Е. А. Баратынского.

Член Союза писателей России с 1995 г.

ВЕСЕННИЙ КОРАБЛИК

На улицах лужи
сверкают, как блюдца,
февральские стужи
теперь не вернутся.

Снега потемнели,
как шубки зайчат,
и громко капели
вдоль улиц стучат.

Оксана играла
одна у окна,
и вдруг увидала
кораблик она.

Бумажный, беспечный,
он плыл вдоль ворот.
– Скорей на крылечко,
а то уплывёт!

Кораблик под флагом!
И был он ничей.
Как снег над оврагом,
как этот ручей.

...Прибрежною галькой
шуршит океан.
На палубе валкой
Стоит капитан.

Он снял рукавички,
бесстрашен и юн,
да только... косички
его выдают.

Тайфуны и мели,
солёный туман.
Но водит умело
корабль капитан.

А в трюмах не пусто:
морковка, фасоль,
цветная капуста,
картошка и соль.

Больным нужны капли,
полярникам – мёд.
Бумажный кораблик
к Таймыру плывёт.

Уж лапки озябли
у первых грачей,
но белый кораблик
всё носит ручей.

А всё очень просто:
ручей – океан,
раз вышел на мостик
такой капитан.

Он снял рукавички,
бесстрашен и юн,
да только...косички
его выдают.

ОВЕЧКИ-ОБЛАЧКА

Над тихим Караем
сиреневый вечер,
Оксана встречает
уставших овечек.

Бегут по дорожке,
качая бочка,
на тоненьких ножках
во двор… облачка.

На поле, у речки,
на зорьке придя,
искали овечки
не капли дождя.

А листья-травинки
да росы-искринки,
да розовый клевер,
похожий на веер.

Уснёт тихий вечер,
и дети уснут,
а тучки-овечки
по небу плывут.

То звёзды-ромашки
их манят опять –
их столько в овражках,
что некогда спать.

СИНИЦА

Что в деревне, что в столице,
Стужа с ветром заодно.
По утру ко мне синица
Прилетает на окно.

Смастерил я ей кормушку,
Так уж было решено,
Птичка Божья не игрушка –
Целый день клюёт зерно.

Золотистые крупинки
Манят солнечным теплом,
Не синица, а искринка
Всё мелькает за стеклом.

То присядет, то взовьётся –
Высота ей не страшна.
Так и сердце моё бьётся
В грудной клетке, как она.

И порой с ним нету сладу:
То мне зябко, то тепло,
А в саду от снегопаду
Всё вокруг белым-бело.

А синица всё мигает,
Как фонарик – свет вразброс,
И кому кто помогает –
Тут ещё большой вопрос.

МАЛЬЧИК И ТЕНЬ

Позвал Ваню на прогулку
Из квартиры светлый день,
Он идёт по переулку,
Перед ним – косая тень.

Тени у домов высоких,
У деревьев, у машин,
У густой травы-осоки,
У пушистых камышин.

У столбов, что край дорожек,
Её видно на траве,
Но она у них без ножек,
А у Ванечки – их две.

Летний воздух пахнет пряно,
Гладит солнышко висок,
Но шагает мальчик прямо,
Тень его – наискосок.

И решил он тень немножко,
Хоть чуть-чуть попридержать:
Он на тень поставил ножку,
Ну а тень его – бежать.

Затаив дыханье, Ваня
Остановится, замрёт.
Тень с ним тоже рядом встанет –
Ни назад и ни вперёд.

Он налево, она – тоже,
Он направо – и она.
Все поймать её не может
На дорожке у окна.

Да, упрямый мальчик Ваня,
Но и ей не всё равно.
Кто теперь кого обманет,
Знает солнышко одно.

ПИРОЖКИ С ДОЖДИКОМ

Над землёй дождинки ткут
голубое кружевце.
И сверкают там и тут,
словно блюдца, лужицы.
А роса густой лужок
серебрит, как иней.
Папа зонтик за рожок
держит тёмно-синий.
К дому путь ещё далёк,
надо торопиться…
– Возьми, дочка, пирожок –
время подкрепиться.
Это мама испекла
пирожков немного,
чтоб сегодня не могла
ты устать в дороге…
В дождь не спрячет нас стожок,
всё заморосило…
– Угадай, с чем пирожок? –
дочка вдруг спросила.
Папа сразу же в ответ:
– С творожком, наверно.
Ну, а дочка:
– Вовсе нет,
угадал неверно.
– Значит, с ягодой лесной,
клюквой иль морошкой;
иль с капустою цветной,
рисом иль картошкой?..
Но когда густой лужок
позади остался,
Дочь сказала:
– Пирожок
с дождиком попался!

КАРАТЭ

За окном уснули галки,
на дворе совсем темно,
а мальчишки в раздевалке
надевают кимоно.

Очень ловко со сноровкой,
только каждый чуть притих,
потому что тренировка
начинается у них.

Их в спортзал заводит тренер,
мастер дела своего.
Там у них – разминка, тренинг,
после схватка: кто – кого.

И мальчишки ставят блоки,
защищая грудь и бок,
ведь приёмы, как уроки,
они знают назубок.

Тренер учит их умело,
повторяя каждый раз:
– Только тот бывает смелым,
у кого быстрее глаз.

Тот сильней, кто хоть однажды
в себе трусость победил.
Это должен помнить каждый,
даже если мало сил!

Сила в ловкости, вы сами
управлять должны собой.
...И мальчишки на татами
вновь ведут учебный бой.

Что они уже умеют,
пояса их говорят:
на одних они белеют,
на других огнём горят.

Главный пояс – это чёрный,
но его чтоб заслужить,
надо долго и упорно
с тренировками дружить.

Нелегко порой даётся
то ката, то кумитэ,
а наука та зовётся
по-японски «каратэ».

Татьяна КУРБАТОВА

ОКТЯБРЬ

Пришёл октябрь янтарно-золотой,
Листвою алой стелется по лесу.
Прозрачной дымки тонкая завеса
Плывёт по городу вуалью голубой.

А над землёю, в синеве небес,
Гусей крикливых исчезает стая,
Их зов прощальный в небе замирает,
Листву багряную роняет наземь лес.

А на лужайке ранним утром иней -
Ковром игольчатым на стынущей земле,
Звезда мерцает в предрассветной мгле,
Бледнеет сумрак серебристо-синий.

В глазах кошачьих, словно в озерках,
Я тоже вижу звёздное мерцанье,
И просыпаются старинные сказанья,
И тает ночь в рассветных облаках.

Татьяна Курбатова родилась и живёт в Тамбове. Работает в Музыкально-педагогическом институте им. С. В. Рахманинова, руководит литературным объединением «Радуга» при Тамбовской писательской организации.

Автор восьми поэтических сборников.

Член Союза писателей России.

МОЙ ГОРОД

Город мой любимый,
я твой давний пленник.
Мчатся над Тамбовом вечности мгновенья.
Время тихо дремлет
в зданиях старинных.
Летопись Тамбова
вьётся свитком длинным.
Вижу сквозь столетья
крепость над рекою –
Град Тамбов над тихой,
неприметной Цною.
Из веков струится
каждому родное,
Родины дыханье, сердцу дорогое.
Выйду утром рано в поле золотое,
Синий дым тумана дальний лес укроет...
Над дождём весенним –
радуга подковой.
Край, дождём умытый,
улыбнётся снова.
Наше Притамбовье!
Русское приволье!
Я цветов охапку
кину в изголовье.
Растворюсь в душистом
трав степных цветенье,
Сердце отзовётся
соловьиным пеньем!

КУЗНЕЧИК

Пусть не смолкнет никогда
В густой траве кузнечик,
Тот самый, лапками назад,
Совсем как огуречик.
Пусть громко квакают весной
Весёлые лягушки,
В пруду, на озере, в реке
И просто на кадушке.
Пусть роют землю червячки,
Не попадаясь на крючки.
Они всем нам знакомы,
Они в саду и у реки,
И даже здесь, у дома.
Пусть птицы песенки поют,
Со всеми нами дружат.
Пусть ранним утром воробьи
Хвосты полощут в лужах.
Пока вся живность тут и там
Поёт нам песни по утрам,
Чирикает, стрекочет,
Мяукает, хохочет
В земле, воде, среди травы -
Жить с нею будете и вы,
Она вас любит очень!

ПРИРОДА

Природа – словно женщина –
Накрылась яркой шалью,
Листвой златой увенчана,
Обвенчана с печалью.

Ей жаль тепло ушедшее,
Ей жаль листву опавшую,
От ветра трепетавшую,
О чём-то шелестевшую.

Ей жаль луга зелёные,
Цветами обрамлённые,
С душистой земляникою
И сладкою черникою.

БАБЬЕ ЛЕТО

В алом платье листопада,
В дымке синего тумана
Бабье лето утром рано
Золотит верхушки сада.

Льётся золотом багряным
На зелёные поляны,
Тихо за руку берёт,
В летний день опять ведёт.

Чуть согреет да обманет –
Облетит, уйдёт, завянет.

ДОЖДЬ

Снова небо хмурится,
Улетели птицы.
По осенним улицам
Жёлтый лист кружится.

По стеклу от дождика –
Мокрые дорожки:
Это дождь ладошкой
К нам стучит в окошко.

УТРО

Голубым огнём, зелёным
Загорелись сосен кроны,
Мир, зарёю обновлённый,,
Встрепенулся, ожил вдруг.

Алою зарёй пленённый,
Обновлённый, удивлённый,
Алый, голубой, зелёный –
Разноцверный мир вокруг.

ЗИМА

Лимонные листья на белом снегу,
Зима или осень – понять не могу.
Окутаны белым нарядом аллеи,
Сквозь белый упрямо трава зеленеет.
Рябина на белом несмело алеет.

По белому снегу со смехом бегу,
Зима или осень – понять не могу.

Рябины на белом снегу пламенеют,
Багряные кисти горят, да не греют.
Зима открывает свою галерею.

Багряный с лимонным смешались в снегу...
Зима с первым снегом ложится в строку.

СОЛНЫШКО

Солнышко янтарно-золотое
Тучею умылось грозовою,
Протянув нам жёлтые ладошки,
Побежало в поле по дорожке.
Утонуло в золотой пшенице,
Лучики, как рыжие ресницы.

* * *

Пылая, алая заря
За ветку клёна зацепилась,
И всё вокруг преобразилось
Багряным всплеском сентября.

Кленовых листьев ливень алый
Метался, лился и кружил...
Он всё вокруг заворожил,
Укрыв багряным покрывалом.

Ладошки жёлтые свои
Тянул сентябрь вдогонку лету,
Летели клином за рассветом
Вдогонку лету журавли.

СОЛНЦА ЛУЧ

Солнца луч за вуалью тумана,
Распахнув золотые ресницы,
Мчится вдаль на златой колеснице
Из видений ночного обмана.

Золотою улыбкой сияет,
Гонит сумрака мрачные тени,
Будит птиц звонкогласное пенье
И в дали голубой исчезает.

Здравствуй, луч золотого рассвета,
Над землёю стрелою летящий,
Над туманною бездной парящий, –
Капля солнца, осколочек лета.

* * *

Снова ветер рисует узоры
На румяном лице небосклона,
Кружит вальсом берёзки и клёны,
Кружит листьев оранжевых ворох.
Над водою, холодной и зыбкой,
Щедро листья бросает горстями.
Рыжих листьев весёлое пламя –
Это осени рыжей улыбка.

Татьяна МАЛИКОВА

Я ВСЕГДА БУДУ С ТОБОЙ...

Либретто мюзикла

(По мотивам сказок Г.-Х. Андерсена)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ГАНС КРИСТИАН, молодой писатель.
АНХЕН, его девушка.
НОРДА, снежный демон.
РАССКАЗЧИК, ангел.
ПРИСЦИЛЛА, хозяйка ночного клуба «Palace».
ФРАНЦ, её управляющий, арт-директор.
БЕРТА, неформалка, дочь местного авторитета.
ОЛЬБЕРТ СЧАСТЛИВЧИК, бомж.
РАДУГА, хиппи.
ХОР. снежные духи, дети цветов, банда, гламурная тусовка.

Действие происходит в современном городе.

Татьяна Маликова родилась в Тамбове в 1980 году. Окончила Тамбовский государственный технический университет и аспирантуру при нём, а также Высшие литературные курсы при Литинституте им. А. М. Горького. Кандидат филологических наук. Работает в ТГТУ.

Как поэт публиковалась в журналах «Юность», «Подъём», коллективных сборниках, альманахах. Автор двух поэтических сборников: «Лица, маски...» и «Шарманщик».

Член Союза писателей России.

Мюзикл «Я всегда буду с тобой...» был поставлен в Учебном театре ТГУ им. Г. Р. Державина в 2008 году (музыка Андрея Пронина, режиссёр Пётр Куликов).

Сцена 1

На сцене — ночной клуб «Palace», комната Анхен, тумба под афишу, дом Норды, мусорный бак. Иллюзия улицы. Город. Люди спешат навстречу друг другу. Кто-то толкается, кто-то здоровается — всё на бегу. В толпе навстречу друг другу идут главные герои ГАНС и АНХЕН. Ганс что-то бормочет под нос (он обдумывает сюжет своего романа), не видит Анхен. Она замечает его, останавливает, целует. Он не очень доволен — она сбила его с мысли. Небрежно прощается с ней. Показывает: я тебе позвоню. Уходит. Анхен расстроена. Здесь же в толпе и НОРДА с РАССКАЗЧИКОМ. Видя, как Ганс небрежно простился с Анхен, она обращает на него внимание и начинает издали следить за ним. Из толпы выходит Рассказчик (белый просторный свитер и плащ скрывают крылья). Он держит в руках белую розу.

РАССКАЗЧИК. Эта история может случиться с каждым. Любовь — хрупкий цветок. Если бросить её на снег, ледяные острые иглы вонзятся в раскрытое сердце, и оно превратится в кусок льда, в зеркало, отражающее только холод и боль.

Бросает розу, которую поднимает и целует Норда

(Дуэт Рассказчика и Норды «Ледяное сердце»)

РАССКАЗЧИК.
Двум сердцам — одну любовь дано беречь.
НОРДА.
Нет — пепел вьюг
в злых сердцах кружит,
Нет, нет любви в ледяных душах!
РАССКАЗЧИК.
Сердце — к сердцу!

Сцена 2

Появляется ГАНС.

РАССКАЗЧИК. Ганс Кристиан — один из жителей этого города (которые даже в любви признаются друг другу по СМС, чтобы не тра-

тить время на долгие разговоры), молодой писатель — слишком тщеславный, чтобы отказаться от своей мечты удивить мир, слишком одинокий, чтобы отказаться от любви своей Анхен.

В окне Анхен загорается свет.

(Ария Ганса «Гордость»)

ГАНС.

Я путь свой давно избрал.
Дар — словом творить мне дан,
Дар — чувства мечте отдать,
Свой сказочный мир создать!

Но в сердце и на устах —
Ты, ангел мой, ты — мой враг!
Ты — вера моя и страх,
Ты — вечность моя, мой крах!

Припев:
Любовь жестока и слепа —
Она мечты моей не стоит.
И пусть любовь всегда права —
Она мечты моей не стоит!

Кто вас рассудить бы мог —
Две страсти. Любовь и Долг,
Две ревности двух дорог?!
А сердце одно дал Бог!

Припев:

Во время этой арии вокруг Ганса всё время кружит НОРДА с белой розой, сначала поодаль, потом ближе. А перед вторым припевом она, как бы случайно столкнувшись с Гансом, роняет розу, её поднимает Ганс, возвращает ей. Норда сначала прижимает розу к груди, а потом, смеясь, отдаёт ему. Они расходятся. Ганс оборачивается, Норда машет ему рукой. Она кажется Гансу привлекательной, он долго смотрит на неё, а потом как бы стряхивает с глаза ресницу или снег. Он уже у

двери Анхен. Стучит. Она открывает ему.

Сцена 3

В комнате АНХЕН. Входит ГАНС.
Она бросается к нему, целует.

АНХЕН. Ой, какой ты холодный!

Ганс протягивает ей розу.

АНХЕН. Смотри, и роза, бедняжка, совсем замёрзла! Сейчас я вас согрею.

Анхен целует лепестки и ставит розу на стол у окна —
роза становится красной.

АНХЕН. Целый год прошёл… А помнишь…

ГАНС. Ты стояла у окна и целовала лепестки роз, а я смотрел на тебя сквозь замёрзшее стекло и не знал даже твоего имени…

АНХЕН. И тогда ты написал на заснеженном стекле…

ГАНС. «Не могли бы Вы так же согреть и розу моего сердца?» Если честно, я и не надеялся, что ты мне ответишь!

АНХЕН. Но я ответила…

Она подходит к Гансу, дыханием и поцелуями согревает его замёрзшие руки.

(Дуэт Анхен и Ганса «Обещай...»)

ГАНС.

Лепестки цветов,
Ледяных цветов —
С розовых кустов
Тают, кружа.

АНХЕН.

На ладонь земли
Лёг цветок зимы –
Мотылёк зимы,

Крылья сложа.

ГАНС.

Веришь?

АНХЕН.

Да!

ГАНС.

Серебрит иней звёзд
Наших встреч хрупкий мост.

АНХЕН.

Веришь?

ГАНС.

Да!

АНХЕН.

В лепестках белых роз —
Мост.

ВМЕСТЕ.

Ты — вздох мой, ты — мир мой, свет мой.

Обещай в снегопад —
Беречь любовь, беречь цветы!
Ты — вздох, ты — мир, ты — свет мой.

Обещай — быть со мной,
Беречь любовь, беречь цветы!
Ты — вздох мой, ты — мир мой, свет мой.

АНХЕН.

Ночь плетёт нам сны,
Золотые сны, —
Из клубка луны
Нитку берёт.

ГАНС.

На окне твоём
Белый куст расцвёл —
Снежных роз бутон
Ветер сорвёт.

АНХЕН.

Любишь?

ГАНС.

Да!

АНХЕН.

Серебрит иней звёзд
Наших встреч хрупкий мост.

ГАНС.

Любишь?

АНХЕН.

Да!

ГАНС.

В лепестках белых роз —
Мост.

ВМЕСТЕ.

Ты — вздох мой, ты — мир мой, свет мой.

Обещай в снегопад —
Беречь любовь, беречь цветы!
Ты — вздох, ты — мир, ты — свет мой.

Обещай — быть со мной,
Беречь любовь, беречь цветы!
Ты — вздох мой, ты — мир мой, свет мой.

ГАНС. Читай!

Пишет на обледеневшем стекле, Анхен читает…

АНХЕН. Моя Анхен, моя роза, любовь моя…
ГАНС. Я хочу всегда-всегда быть с тобой!
АНХЕН. Ты это серьёзно?
ГАНС. Да. *(Поёт)*.

Если любишь,
Если веришь, —
Нас ничто не разлучит!

АНХЕН *(поёт)*..

Нас никто не разлучит!

ВМЕСТЕ.

Обещай!

АНХЕН. Почему ты не приходил так долго? Я так соскучилась!

ГАНС. Ну ты же знаешь, я работал.

АНХЕН. Никак не могу привыкнуть, что я должна делить тебя с какой-то пьесой!

Ганс *(недовольно)*. Это не какая-то пьеса, это — история Любви.

Анхен *(радостно)*. Нашей любви! Ганс, милый! — бросается к нему на шею.

ГАНС. Нет, не нашей. Просто история о Любви, о вечности, о том, почему они так жестоки к людям…

(Ария Ганса Кристиана «Любовь и Вечность»)

ГАНС.

Любовь и Вечность
Двух судеб встречу
На жизнь продлят ли нам или — на мгновенье?

Любовь и Вечность.
Надежд беспечность —
Что ждёт нас: верность ли, ветреность, забвенье?

Верим, в любовь мы верим,
Но почему она вдруг проходит?
Может быть безответной,
Быть безрассудной, нас с ума сводя!

Мы не можем знать —
Знать, сколько будет встреч.
Встреч ждём с надеждой дать —
Дать — сердцу не сгореть,
Не остыть!

АНХЕН. Я ничего не поняла. Разве ты только что не пообещал мне, что всегда-всегда будешь беречь нашу любовь? Разве ты не веришь, что наша любовь — вечна?

ГАНС. Я хочу верить, но как ты можешь быть в этом так уверена? Мы молоды, а жизнь долгая, кто знает, что может случиться?

АНХЕН. Я верю — ничего не случится. Это — тебе.

Вешает на шею Гансу кулон в виде сердца на цепочке.

ГАНС. Что это?

АНХЕН. Моё сердце. Так я всегда буду с тобой, я буду беречь тебя от всех бед, вьюг и метелей! И с нашей любовью ничего не случится.

За окном стоит-подслушивает НОРДА. Она заволновалась, услышав о подарке Анхен. Поцелуй. Анхен стоит спиной к окну. Ганс видит, что в окне Норда смеётся и манит его. Он сначала не реагирует, но потом решает всё же уйти.

ГАНС. Прости, я должен сейчас уйти.

АНХЕН. Нет, ты же только пришёл! Я не пущу тебя. Я так долго тебя ждала, а ты снова уходишь, ты всё время уходишь. Я ненавижу эту твою пьесу, — она опять отнимает тебя у меня!

ГАНС. Ты не понимаешь, это — часть меня, это сделает меня известным.

АНХЕН. А как же я?

ГАНС. А разве ты не хочешь стать женой знаменитого писателя. Это всё и ради тебя, ради нас. Разве ты не хочешь, чтобы я добился успеха? *(Уходит.)*

АНХЕН. Я просто хочу быть рядом с тобой. *(Кричит ему вслед.)* Береги моё сердце!

(Ария Анхен «Я всегда буду с тобой»)

АНХЕН.

Дай мне, Ангел, крылья света —
Золотистым мотыльком
Обогнать
Снегопад,
Обогнать!
Поманить
За собой,
Поманить.

Дай мне, Ангел, стрелы света —
Золотистый жгучий дождь —
Разогнать
Снегопад,

Разогнать!
Растопить
Снежный вихрь,
Растопить!

Припев.
Знай, что моя любовь
Защитит тебя
От ненастья — знай!
Береги, береги любовь —
И всегда с тобой буду я!

Дай мне, Ангел, крылья света —
Золотистым мотыльком
Танцевать
В облаках,
Танцевать.
Осветить
Эту ночь,
Осветить.

Припев.

Сцена 4

Улица у дома Анхен. НОРДА и ГАНС. Она не может подойти к нему близко и дотронуться до него из-за кулона на шее (он жжёт её), а дотронуться до Ганса ей очень нужно — так она сможет его заморозить и заставить забыть об Анхен и о любви.

НОРДА. Ну, наконец-то! Я уже устала тебя ждать. Поцелуи, охи-вздохи, ооо!

Ганс удивлённо на неё смотрит.

НОРДА. Прости, какой ты сердитый! Да, я подслушала, но ненарочно. Так ты — писатель?

ГАНС *(смягчаясь)*. Да.

НОРДА. И мечтаешь о славе?
ГАНС. А разве это плохо?
НОРДА. Что ты, нет-нет, это прекрасно!
ГАНС. А кто ты?
НОРДА. Меня зовут Норда, я та, кто может тебе помочь.

(Дуэт Норды и Ганса)

НОРДА.
Тебе не надо знать, кто я. Что было, — всё забудь.
Я дверь открою, — за ней ждёт тебя звёздный путь!
За ключ к мечте ты мне дашь — сердце
Всего на три дня. И мир — твой. Весь мир ждёт тебя!

ГАНС.
Если сердце стоит мира, — я давно бы был кумиром.
Может, сердце мира стоит, — обещал его другой я!
Кто назначил цену эту? Сердце — мелкая монета.
Что так дешёво мир ценишь? Правда ли, что им владеешь?

Припев.
НОРДА.
Ты выбираешь сам.
ГАНС.
Что…
НОРДА.
Сказать мне нет или да!
ГАНС.
Что избран, я знал!
НОРДА
Да — покорён весь свет!
ГАНС.
Да,
НОРДА
А нет — гнёт напрасных лет!
ГАНС.
Да! Выбор мой — да!

НОРДА.
О чём жалеть? Ведь всё — тлен, а Любовь — привычка, страсть…
Я дам взамен то, о чём ты мечтал: славу, власть!
За ключ к мечте ты мне дашь — сердце
Всего на три дня. И мир — твой. Весь мир ждёт тебя!

ГАНС.
Пусть в Любовь я и не верю, — жить без сердца не умею.
Вдруг ты лжёшь, — как я проверю, что к мечте откроешь двери?
Кто тебе дал власть такую? Соглашусь — предам другую.
Если всё так просто, что же — мир другому не предложишь?

Припев.

На фоне арии — балет снежных духов.

ГАНС. Так ты можешь сделать меня известным?

НОРДА. Я могу сделать так, что твоё имя будет знать каждый.

ГАНС. Странная сделка: сердце на три дня?

НОРДА. Ничего странного. Подари мне три дня своей любви, и я исполню любое твоё желание. Разве я прошу о многом? Вы, люди, придумали, что Любовь правит миром. Вот я и предлагаю тебе мир — за любовь. Согласен?

ГАНС. Три дня … Три дня — это не так много. Согласен.

НОРДА. Ну вот и отлично! Тогда пойдём. Знаешь, у меня в спальне стоит огромное белое зеркало. Напиши на нём что-нибудь, например, «Я всегда буду с тобой». Я где-то это видела. Было очень красиво.

ГАНС. Я попробую….

Они идут по улице и вдруг замечают копающегося
в мусорном баке ОЛЬБЕРТА.

НОРДА. Посмотри на него, а ведь когда-то его звали — Счастливчик Ольберт, и у него было всё, что он только хотел. Как он жалок! Дай ему что-нибудь.

ГАНС. Но у меня ничего нет.

НОРДА. Ну, конечно, мой бедный гений! Но это ненадолго, я обещаю. А пока дай ему это *(показывает на кулон)*.

ГАНС. Но это — подарок Анхен.

НОРДА. Твоей глупышки Анхен. Какая она смешная! «Пока моё сердце будет с тобой, ничего плохого не случится!» Ты что, веришь в силу амулетов? Очнись! Скоро у тебя будет полно таких побрякушек. Пожалей этого беднягу. Смотри — ему ведь нечего есть.

Ганс снимает с себя кулон и бросает его в бак, где роется Ольберт. Тот удивлённо поднимает кулон, смотрит вслед уходящим Гансу и Норде.
В это время АНХЕН вскрикивает, как от боли, и кидается к окну.

НОРДА. Ну вот и молодец! *(Обнимает его)*. А теперь пойдём, ты не забыл, что обещал выполнить мою маленькую просьбу? А если тебе так жаль эту безделушку, я прикажу, и мои люди сделают тебе такой же. Твоя Анхен ничего не узнает. Пойдём.

Они, взявшись за руки, уходят.
Анхен выбегает на улицу и видит, что Ганс куда-то уходит за руку с белой девушкой.

АНХЕН. Ганс!

Но он не слышит её, уже ушёл. Удаляется, жуя что-то выловленное из бака, и Ольберт. Анхен на улице одна. Она не знает, куда идти.

Сцена 5

На площадь с песнями и танцами врывается процессия хиппи. Они празднуют свадьбу и протестуют против зимы и серости.

ХОР. Власть — цветам!

Кто-то из процессии втягивает АНХЕН в толпу, кружит её в танце. Анхен танцует на площади вместе с детьми цветов.

РАДУГА. Как твоё имя?
АНХЕН. Анхен.
РАДУГА. А я — Радуга.

(Ария Радуги)

РАДУГА.

Красный цвет значит — любит,
Цвет Оранжевый — ждёт.
Жёлтый цвет — поцелует,
На свиданье придёт.
Цвет Зелёный — надежда,
Голубой — цвет разлук.
Синий цвет значит — нежность,
Фиолетовый — грусть.

Припев.
Цвета радуги любовь —
Выбирай себе любой,
Кому хочешь, — подари
Радугу своей любви!

Раз-два-три-четыре-пять —
Я иду любовь искать!
Синий, красный, золотой…
Я беру тебя с собой!

Красный цвет значит — радость,
Цвет Оранжевый — смех.
Жёлтый цвет — это праздник,
Это счастье для всех.
Цвет Зелёный — удача,
Цвет мечты — Голубой.
Синий цвет — встречу значит,
Фиолетовый — боль.

Припев.

АНХЕН. Ты не встречала здесь, на площади, парня в таком длинном пальто, а с ним девушка, вся в белом?

РАДУГА. Ты говоришь про жениха и невесту. Да, они здесь. Представляешь, только сегодня встретились и решили сыграть свадьбу.

АНХЕН. Свадьбу?

РАДУГА. Да! Мы — дети цветов. Мы живём чувствами, живём сейчас!

(Ария хиппи)

Жить — вместе с ветром кружить,
И любить, и дружить просто так —
Жить, как цветы живут.

Петь — синей птицей лететь,
Мир любовью согреть просто так —
Жить, как цветы живут.

Гнуть пёстрой радугой путь
И к любви завернуть просто так —
Жить, как цветы живут.

Звать солнце в прятки играть
И любовь раздавать просто так —
Жить, как цветы живут.

Мир бесконечной любви,
Безграничной любви распахни —
Мир, где цветы живут.

Дар бесконечной любви,
Безграничной любви — сохрани
Мир, где цветы живут.

Путь бесконечной любви,
Безграничной любви приведёт
В мир, где цветы живут.

Дом бесконечной любви,
Безграничной любви тебя ждёт —
Мир, где цветы живут.

Припев (вместе с АНХЕН).
Ты — моя любовь.
Ты — моя любовь.
Ты — моя любовь.
Ты — мой мир.

Ты — моя любовь.
Ты — моя любовь.
Ты — моя любовь.
Ты — мой мир.

Пусть цветы сплетут — мост для влюблённых
И сердца сплетут — двоим влюблённым!

Путь бесконечной любви,
Безграничной любви приведёт
В мир, где цветы живут.

Дар бесконечной любви,
Безграничной любви — сохрани
Мир, где цветы живут.

Петь — синей птицей лететь,
Мир любовью согреть просто так —
Жить, как цветы живут.

Звать солнце в прятки играть
И любовь раздавать просто так —
Жить, как цветы живут.

Процессия расступается. Появляются жених и невеста. Они целуются. Их осыпают цветами. Анхен не находит себе места. Но вот она видит, что это не Ганс.

АНХЕН. Слава Богу, это не он!

Собирается уходить.

РАДУГА. Подожди, куда ты спешишь, останься!

АНХЕН. Я не могу.

ЖЕНИХ и НЕВЕСТА. Ты можешь! Нельзя быть такой несчастной. Позволь себе радоваться, быть свободной. Мир — это любовь! А любовь — это мы!

(Дуэт Радуги и Анхен)

РАДУГА.

Сердце — что клетка для птиц Любви,
Освободи — и назад не зови!

АНХЕН.

Нет, Любовь в сердце находит — дом,
Но осветить его дано лишь — вдвоём!

РАДУГА.

Лети,

АНХЕН.

Свети, —

ВМЕСТЕ.

Любовь впереди!

РАДУГА.

Не жди —

АНХЕН.

Иди, —

ВМЕСТЕ.

Любовь впереди!

Припев.

ВМЕСТЕ.

Тот, кто ждёт, — дождётся!
Ты поверь, всем сердцем
Ты поверь!

АНХЕН.

Без цветов —

РАДУГА.

Что за сад?!

АНХЕН.

Без Любви —

РАДУГА.
Жизнь пуста!
Тот, кто верит,
АНХЕН.
Верой живёт, —
ВМЕСТЕ.
Тот Любовь найдёт!

РАДУГА. Анхен, послушай, у Любви может быть много лиц, но сердце у неё одно — это твоё сердце!

РАДУГА.
Наша жизнь дольше одной любви,
Прошлым живёшь, — встречи новой не жди!
АНХЕН.
Нет, Любовь верному ей — верна,
Святая власть — венчать сердца ей дана!
РАДУГА.
Прощай,
АНХЕН.
Прости,
ВМЕСТЕ.
Меня отпусти!
РАДУГА.
Прости,
АНХЕН.
Прощай, —
ВМЕСТЕ.
Любить обещай!

Припев.

Хиппи закруживают Анхен в танце.
Среди танцующих появляется РАССКАЗЧИК. Он поёт строку из песни Анхен (Ария Анхен «Я всегда буду с тобой»).

РАССКАЗЧИК.
Знай, что моя любовь
Защитит тебя

От ненастья — знай!
Береги, береги любовь —
И всегда с тобой буду я!

Анхен, очнувшись, пробирается через толпу. Процессия хиппи и Рассказчик уходят. Анхен остаётся на площади.

Сцена 6

АНХЕН видит, что ФРАНЦ приклеивает на афишную тумбу афишу «Зимний бал в ночном клубе “Palace”. Вручение премии “Бестселлер года”».

АНХЕН *(читает)*. Бестселлер года. Да, Ганс может быть там! Подождите! *(Догоняет уходящего Франца.)* Подождите. Простите. Мне очень нужно попасть на этот бал. Я ищу одного человека…

ФРАНЦ. Вообще-то вечеринка закрытая.

АНХЕН. Пожалуйста, он — писатель. Ганс Кристиан. Он должен там быть. Умоляю, помогите мне!

ФРАНЦ. Я не знаю такого.

Анхен, расстроенная, собирается уходить.

ФРАНЦ. Что, так нужен?

АНХЕН. Да! Прошу вас!

ФРАНЦ. А, ладно… *(Увлекает Анхен в угол сцены, набрасывает на её плечи дорогой шарф, распускает или, наоборот, закалывает ей волосы.)* Теперь гораздо лучше. Идём!

Сцена 7

Ночной клуб «Palace». Вечеринка творческой городской элиты: фраки, вечерние платья, шампанское. ПРИСЦИЛЛА общается с гостями. Входят ФРАНЦ и АНХЕН.

(Ария Франца)

ФРАНЦ.

Ночь с принцессой, — кружит вальс. Каждый жест ловлю, —
Потеряешь туфельку вдруг ты свою.
Месяц-шпильку-лодочку. Я над ней склонюсь,
Но признаться, что не принц, — я не решусь…

Каждый вечер дарит мне — надежду
Новой встречи, новой сказки — нежность.
Ты всё знаешь, но ты — принца ждёшь!
Глупо верить, ты не придёшь.

Ночь со льдом я по глотку пью — коктейль-мечту.
Каждый вечер на окно — розы кладу.
Ты всё знаешь, мной играешь: то прогонишь, то поманишь.
Ты — как цветы!
Розы ранят, обнимая. Губы-бархат — обжигают.
Ты — как цветы!

Всё так, будь что будет.
Всё так, все мы — люди.
Всё так, кто-то — любит,
Всё так, кто-то — ждёт. Вот и всё.

ФРАНЦ. Пойдём, я представлю тебя хозяйке. Может быть, она знает того, кого ты ищешь. Прис, познакомься, это…

АНХЕН. Анхен.

ПРИСЦИЛЛА. Какая милашка! Надеюсь, ты не скучаешь? А я так устаю от всей этой суеты, от этих самовлюблённых господ. Но, сама понимаешь, они талантливы и имеют на это право.

АНХЕН. Я ищу одного человека. Он писатель, очень талантливый, Ганс Кристиан. Вы его знаете?

ПРИСЦИЛЛА. Так сразу и не вспомнить. Но я же не могу помнить всех молодых гениев этого города. Оставайся, посмотри, может, твой Ганс где-то среди гостей? А мне пора, ведь мои гении, как цветы, каждому нужно внимание, забота!

(Ария Присциллы)

ПРИСЦИЛЛА

Ах, капризным розам нужен сад
И садовник — чтоб раскрыть талант!
Разглядеть, взлелеять, окрылить,
И к признанью путь найти — открыть.

Суета-
Суета, всё —
Суета сует!
Для меня
В царстве роз —
Моих роз — места нет!

Кто, развесив звёзды, осветил ночь;
Кто качает солнце в облаках;
Кто, рисуя радугу, пролил дождь, —
Мы не знаем, ах!
Мы не помним, — в чьих зажглись руках.

Анхен приглашает кто-то из гостей клуба. Потом другой, третий. Она кружится с ними. А последний, с кем танцует Анхен — РАССКАЗЧИК. Он вновь напоминает ей о Гансе, напевая строку из её Арии «Я всегда буду с тобой».

РАССКАЗЧИК.

Знай, что моя любовь
Защитит тебя
От ненастья — знай!
Береги, береги любовь —
И всегда с тобой буду я!

АНХЕН. Ганса здесь нет. Мне надо идти.

ПРИСЦИЛЛА. Ты нашла своего писателя?

АНХЕН. Нет. Я не знаю, где искать его.

ПРИСЦИЛЛА. Бедная девочка. И почему этим «Гансам» так везёт?! Франц, посмотри, какая она трогательная в своей любви! Милая, поверь мне, он это вряд ли оценит. Не плачь… Вот возьми — здесь немного денег…

Анхен отказывается.

ПРИСЦИЛЛА. Бери-бери. Ты сейчас не в том положении, чтобы отказываться от помощи. Мы все когда-то так начинали. И я, и Франц, и все мои гости. Кто-то помог нам, теперь я помогу тебе.

АНХЕН. Спасибо вам.

ФРАНЦ. Я вызову тебе такси.

АНХЕН. Не надо. Я сама доберусь. Я живу здесь поблизости.

ФРАНЦ. Как знаешь. А если тебе вдруг надоест искать своего пропавшего гения, звони *(даёт ей визитку)* — найдём тебе другого.

АНХЕН. Мне не нужен другой. Прощайте!

ФРАНЦ. Удачи.

Сцена 8

Ночь. Площадь. АНХЕН идёт по улице. Вдруг стоящая в отдалении компания молодых людей направляется к ней и останавливает её. Это ребята из уличной банды. Один из них хватает её за руку.

ПАРЕНЬ 1.Опа-опа! Куда мы так спешим?

АНХЕН. Что вам нужно?

ПАРЕНЬ 1. Какая хорошенькая! Идёшь с вечеринки?

ПАРЕНЬ 2. Вот и мы тоже хотим развлечься!

АНХЕН. Отпустите меня!

ПАРЕНЬ 3. Конечно, отпустим. Мы же не бандиты какие-нибудь, правда, парни?

Они окружают Анхен и, толкая её от одного к другому, отнимают сумочку, деньги, накидку.

(Ария бандитов)

ХОР.

1. *Ночь влёт фонари бьёт, ром чёрный пьёт, скалится — ждёт.*
кто попадёт, что принесёт, — как повезёт!
Ночь врёт. Всех разведёт, так завернёт, — дрожь проберёт,
всё заберёт. Кто попадёт — не повезёт.

Припев.
— Эй, ты! Нам по пути, — не подвезти?

— Эй, ты! Есть закурить? Слышь, не дури!
— Эй, ты! Крошка, постой, можно с тобой?
— Эй, ты! Раз опоздал, всё — ты попал!

Слишком поздно, слышь, ты, звать на помощь!
Слишком поздно, слышишь, ты уже попал.
Не прокатит — гнать и ныть нам. Хватит!
Не прокатит, слышишь, ты, — один финал!

2. *Ночь жжёт сотни костров для дураков — для мотыльков.*
Кто попадёт, сразу поймёт: не повезёт!
Ночь бьёт. С ног валит снег, слепящий свет, выхода нет.
Если попал — ты проиграл, всё потерял.

Припев.

Появляется БЕРТА.

БЕРТА. Эй, ну-ка быстро отпустили девчонку!

Анхен бросают на середину круга. Круг расступается.

ПАРЕНЬ 1. Берта?! Что тебе надо?

БЕРТА. Вас же предупреждали — неделю сидите тихо!

ПАРЕНЬ 2. А мы что делаем? Ладно-ладно, остынь. Ты нас не видела, мы никого не трогали.

БЕРТА *(обращаясь к Анхен, поднимая её с земли)*. Ты что — подружка Присциллы? У нас с ней старые счёты.

АНХЕН. Нет. Я случайно попала туда. Я ищу своего парня.

БЕРТА. А одна по ночам гуляешь тоже … случайно? Тебя не учили, что хорошие девочки после одиннадцати должны быть дома?

Парни смеются.

АНХЕН. Мой парень…Ганс… Я видела, как он уходил с какой-то странной девушкой в белом. Мне кажется, с ним случилась беда!

БЕРТА. А тебе не кажется, что он просто нашёл себе другую?

АНХЕН. Нет. Не может быть. Я знаю, он любит меня. Я должна его найти.

В глубине сцены виден ГАНС. Он почти совсем заморожен Нордой. Сидит у Белого зеркала. Когда Анхен поёт, Ганс, словно во сне, отвечает. Но НОРДА не даёт ему петь. Она отвлекает, обнимает его.

(Ария Анхен «Я — это Ты»)

АНХЕН.

Нет разлук — есть путь
Двух сердец — друг к другу!
И не разомкнуть
Двух объятий круга.

Помни всегда–
Буду всегда
Я с тобой!

Я — это Ты!
Ты — это Я!
Ангел мой, ответь-ответь! Это — я!
Ты — это Я!
Я — это Ты!
Ангел мой, ответь-ответь, где же ты?

Нет разлук, пойми, —
Есть желанье встречи!
Только позови, —
Я тебе отвечу.

Знай, что всегда —
Буду всегда
Я — с тобой!
Ты — это Я!
Я — это Ты!
Ангел мой, ответь-ответь!

ГАНС.

Это — ты?

АНХЕН.

Я — это Ты!

Ты — это Я!
Ангел мой, ответь-ответь!

ГАНС.

Это — я!

БЕРТА. Хотела бы я, чтобы меня любили так же, как ты любишь своего Ганса! Что ж, тебя никто не держит, ты можешь идти. Проваливай! Хотя подожди, нечего тебе одной делать на ночных улицах. Я провожу тебя.

Они собираются уходить. Вдруг Анхен вскрикивает, видя какую-то тень.

БЕРТА. Ты чего? Это же Ольберт! Эй, Счастливчик, иди-ка сюда!

ОЛЬБЕРТ подходит. Он весь грязный, в рваной одежде, но старается держаться невозмутимо.

БЕРТА. Шикарно выглядишь!

ОЛЬБЕРТ. Ты тоже. Я говорил, что чёрный тебе не идёт?! А что за ангел рядом? Познакомишь?

БЕРТА. Вот ещё! У неё и без тебя проблем хватает.

ОЛЬБЕРТ. Не слушай её, детка! Вот ты думаешь, я кто? Бомж, да? Нет! Перед тобой стоит самый удачливый игрок этого города! Счастливчик Ольберт — так меня называли когда-то. У меня было всё!..

БЕРТА. Вот именно — было.

ОЛЬБЕРТ. Почему ты такая злая, Берта? Наверное, потому, что тебя никто не любит.

(Ария Ольберта)

Слушай, крошка, сюда-а.
Я когда-то был о-о!
Взгляд и девочки — да-а,
Жест и виски со льдо-ом,
Рестораны, лимузины, шоппинг в Ницце,
и на Ибице но-о-очь, о да-а-а-а!

Был всегда при деньга-ах,

Банковал в казино-о.
Мне во всех кабака-ах
Наливали вино-о.
Все красотки Амстердама проводили ночи
только со мно-о-о-ой, о да-а-а-а!

Припев.
Ам, клубничка, дрожь по коже.
Случай-шулер нам поможет.
И сама ты хочешь тоже
Шёлковой ночи сладкий обман.

Ам, клубничка, я — твой мачо.
Страсть нас сводит и дурачит.
Ничего, увы, не значит
Шёлковой ночи сладкий обман.

Что тебе за беда-а?
Оставайся со мно-ой.
Я когда-то был — а-а,
Уж получше чем тво-ой!
Я теперь вечерних улиц, автострад и подворотен
коро-о-о-оль, о да-а-а-а!
Не любил, не страда-ал,
Не жалел ни о чё-ом.
Всё легко проигра-ал,
Отыграюсь ещё-о.
Оставайся, если хочешь, мы с тобой свою love story
начнё-о-о-ом, о да-а-а-а!

ОЛЬБЕРТ. Держи, ягодка, это тебе. *(Протягивает Анхен кулон, который ему бросил Ганс.)*

АНХЕН. Откуда у тебя это?

ОЛЬБЕРТ. Какая разница! Счастливчик Ольберт пока ещё может сделать подарок понравившейся ему девочке.

БЕРТА. Неужели в мусорном баке нашёл?

АНХЕН. Это же тот самый кулон, который я подарила Гансу в день нашей последней встречи.

БЕРТА. Ты уверена?

АНХЕН. Да, тут выбито моё имя. Ганс… что с ним?

ОЛЬБЕРТ. Да всё с ним в порядке. Ушёл в обнимку с такой красоткой! Видно, он не слишком дорожил тобой, детка! Он сам отдал мне его.

АНХЕН. Не может быть. Он же обещал мне. *(Поёт строку из их Арии «Обещание».)*

Если любишь,
Если веришь, —
Нас ничто не разлучит!

ГАНС. Нас никто не разлучит! *(Поёт.)*

Вместе. Обещай — быть со мной.
Беречь любовь, беречь цветы!

АНХЕН. Я знаю, я чувствую, с ним случилась беда!

БЕРТА. Слушай, Счастливчик, ты же видел, куда они пошли.

ОЛЬБЕРТ. И что?

БЕРТА. Отведёшь её туда.

ОЛЬБЕРТ. Нет. Я знаю это место, про него такое рассказывают!

БЕРТА. А мне всё равно, что про него рассказывают. Сказала — отведёшь, значит, — отведёшь. Ты меня знаешь.

(Ария Берты)

Ночь фонарём луну зажжёт —
Звёзд-светляков дразнить-манить,
А для бродяг в домах гасить
Свет окон, где никто не ждёт.

Я — чёрной кошкой прячусь в тень,
Пью молоко луны взахлёб.
А мой бродяга — ветер пьёт
В час, когда ночь линяет в день.

Где ты? Каждую ночь
На площадях
Я жгу костры —
Я жду тебя!
Каждую ночь
Я жду тебя!

Я не боюсь полночных встреч,
Я не боюсь слепящих фар.
Мир без любви так пуст и мал!
Жизнь без любви не стоит свеч!

Где ты? Каждую ночь
На площадях
Я жгу костры —
Я жду тебя!
Каждую ночь
Я жду тебя!

Знай, мой бродяга,
Что где-то рядом
За снегопадом —
Я!

За алой лентой
Я — за рассветной,
За встречным ветром —
Я!

Я жгу костры —
Я жду тебя!
Каждую ночь
Я жду тебя!

БЕРТА *(подходит к Ольберту, берёт его за руку)*. Ты отведёшь её туда, ведь единственное, ради чего стоит жить, — это Любовь!

ОЛЬБЕРТ. Ладно, уговорила.

БЕРТА и ОЛЬБЕРТ *(вместе)*.

Знай, мой бродяга,
Что где-то рядом
За снегопадом —
Я!
За алой лентой
Я — за рассветной,
За встречным ветром —
Я!

Ольберт и Анхен собираются уходить.
Появляется РАССКАЗЧИК.

РАССКАЗЧИК. Прежде, чем ты войдёшь в этот дом, ты должна знать. Твоего любимого увела Норда. Это не девушка, это — демон. Она смогла обольстить его, потому что в его сердце было мало любви и много гордости.

(Трио Рассказчика, Анхен и Ганса)

РАССКАЗЧИК.
Не снег, не снег кружит метель — кружит сердца людей.
АНХЕН.
Кто в лёд облёк сердца свои…
РАССКАЗЧИК.
Кто горд, в ком нет — Любви!
ГАНС.
Снежным птицам — крылья рвёт метель.
Перья-спицы — бьют в сердца людей!
АНХЕН.
Плачет-тает на ладони снег.
РАССКАЗЧИК.
Тает, тает… Был — нет.
ГАНС.
Метель стучит — в глаза, в дома.
Смотри, пришла зима!
РАССКАЗЧИК.
Пришла зима, — чтоб ты узнал…
АНХЕН.
Мир без Любви — узнал!
РАССКАЗЧИК.
Снежный странник — ищет новый дом,
Ищет сердце, что сковало льдом!

ВМЕСТЕ.
Злое сердце — на ладонь возьми…
РАССКАЗЧИК.
Тает гордость — от Любви!

РАССКАЗЧИК. Норда попросила Ганса написать «Я всегда буду с тобой» на огромном белом зеркале, и как только он сделает это, его сердце превратится в кусок льда.

АНХЕН. Нет! Подожди, я узнала тебя. Ты уже не раз помогал мне. Ты — мой ангел! Спаси его, спаси, умоляю!

РАССКАЗЧИК. Только твоя любовь может спасти его. Только Любовь способна отогреть ледяное сердце. Я помогу тебе, но поспеши, времени почти не осталось.

Все уходят.

Сцена 9

Зала в доме НОРДЫ. Танцующие снежные духи. У огромного белого зеркала сидит почти заледеневший ГАНС. Он заканчивает свою надпись.

(Ария Норды «Зеркала»)

НОРДА.

Тончайший лёд в оправе чёрных скал
Алхимик-ветер в зеркала облёк —
Сердца глупцов, кто чувства не сберёг,
За власть, за славу ли — любовью пренебрёг!
За волшебство придётся заплатить.
И платит гордый гордостью своей,
Лжец платит ложью, платит злом злодей, —
Кружит над миром снегопад, метёт метель!

Припев.
Обручаются Бесконечностью
Одиночество с Бессердечностью!
В кривом стекле двоятся искаженья —
Кривой души кривые отраженья.
Разбей стекло — пусть иглы зла летят в людей!
Разбей любовь, развей мечты, разбей-развей!
Одиночество с Бессердечностью,
Обручённые Бесконечностью…

В зеркальном зале ледяных сердец
Застыл людских пороков страшный ряд —
Здесь зависть, ревность, ненависть стоят.
И в свой черёд их унесёт в мир снегопад!

Припев.
Одиночество с Бессердечностью,
Обручённые Бесконечностью.
В кривом стекле двоятся искаженья —
Кривой души кривые отраженья.
Разбей стекло — пусть иглы зла летят в людей!
Разбей любовь, развей мечты, разбей-развей!
Обручаются Бесконечностью
Одиночество с Бессердечностью…

ГАНС. Вот и третий день подходит к концу. Я закончу надпись и получу свою награду. Как здесь холодно, пальцы почти не слушаются…

(Ария Ганса «Гордость-2»)

ГАНС.

Я путь свой давно избрал.
Дар словом творить мне дан, —
Дар, чувства мечте отдав,
Свой сказочный мир создать!

Мир, где не было бы слёз!
Мир, чистый, как души роз!
Я выложил бы из звёзд.
Ганс Кристиан — мастер грёз!

Припев.
Любовь жестока и слепа —
Она мечты моей не стоит.
И пусть любовь всегда права —
Она мечты моей не стоит!

Путь избранных одинок!
Я выбрал не страсть, а — Долг,
Путь млечный — из всех дорог,
Путь — к истинам звёздных строк!

Торжествующая Норда под пение Ганса танцует. Она уже предчувствует победу.
Ганс совершенно потерян. Внезапно рядом с ним появляется РАССКАЗЧИК.

РАССКАЗЧИК. Ганс, остановись, вспомни Анхен. Вспомни! *(Поёт строку их арии «Обещание».)*

Обещай — быть со мной!
Беречь любовь, беречь цветы!

ГАНС. Да, я помню. Я помню Анхен. Может, ещё можно всё исправить?

РАССКАЗЧИК. Любовь. Только Любовь может всё вернуть

ГАНС. Я понял. Я напишу на зеркале слово — «Любовь»!

НОРДА. Нет! *(Обнимает его, целует.)* Ты всё равно уже опоздал. Забудь, забудь об Анхен, забудь это глупое слово. Я здесь, я рядом, иди ко мне.

(Дуэт Норды и Ганса)

НОРДА.

Со мной ты мог бы стать бессмертным,
Я дам тебе свободу ветра!
Оставаясь вечно юным, разделил бы
Сладость власти со мной!

ГАНС.

В твоих глазах — тоска и голод.
Так жжёт твоих обьятий холод!
И по вздоху выпивает жизнь мою
Твой поцелуй ледяной!

Припев.
ГАНС.
Анхен!
ХОР.

Снежный пленник, ты уже проиграл.

ГАНС.

Анхен!

ХОР.

Обступает беспросветная мгла,

ГАНС.

Анхен!

ХОР.

Точит сердце ледяная игла —

ГАНС.

Анхен!

ХОР.

Растопить её не хватит тепла.

НОРДА.

Я дам тебе бесстрастье снега,
Покой и неземную негу.
Ты любой ценой поклялся заплатить
За исполненье мечты!

ГАНС.

Всё — ложь. К любви ты равнодушна.
Ты пьёшь с дыханьем мою душу.
Все слова твои напрасны,
Обещанья твоей клятвы пусты!

Припев.

ХОР и НОРДА.

Ты мой! Ты мой!

ГАНС.

Нет!

ХОР и НОРДА.

Ты мой! Ты мой!

ГАНС.

Нет!

Танцуют снежные духи. На последних тактах, когда армия

Норды уже готова разорвать Ганса, его заслоняет собой Рассказчик. Он сбросил плащ, и теперь всем видно, что это действительно ангел. Он сдерживает снежную армию, и Ганс успевает сложить слово ЛЮБОВЬ. Снежные духи разлетаются, сгорая. В зал вбегает АНХЕН. Она спешит к Гансу.

АНХЕН. Ганс! Милый, наконец я нашла тебя!

На пути Анхен встаёт Норда.

НОРДА *(Гансу)*. Посмотри на неё, разве она красивее меня? Разве она может дать тебе то, о чём ты мечтаешь?

(Ария «Поединок»)

НОРДА.

Разве ты лгал? — Мотыльком звал, нежным.
Нас кружил снегопад, и шептал ты мне…
Ты шептал. «Моя любовь, буду я всегда с тобой!».

АНХЕН.

Мотыльком звал, золотым звал… Помнишь.
Превратил снегопад в белый лист — окно…
Ты писал. «Моя любовь, буду я всегда с тобой!».

НОРДА.

Снежной ночи белый шёлк.
Поцелуй твой губы жёг.
Ты мне сердце, как цветок,
Подарил.

АНХЕН *(Гансу)*. Что бы она сейчас ни сказала, мне всё равно. Знай, я люблю тебя! Ганс! Почему ты молчишь? Что она с тобой сделала?!

ГАНС.

Закружил снегопад. Я себе солгал,
Что Любовь — привычка, страсть.
Славу я искал и власть.

НОРДА.

Я тебе дам — ключ к людским снам, хочешь?
В каждый дом принесёт ночь мечты твои —

Снежных сказок карнавал….
В белых звёздах тронный зал…

АНХЕН.

Снежный звёзд свет — в нём тепла нет! Помнишь.
Вдруг расцвёл на окне куст пурпурных роз…
Сердце ты моё сорвал,
Розой ты меня назвал.

НОРДА. Он отказался от тебя, он предал тебя ради собственного тщеславия, глупышка. О какой Любви ты говоришь? Любовью не разменываются. Слышала бы ты, как он называл меня! *(Гансу)* Ганс, правда, что ты молчишь?! Скажи ей…

НОРДА и АНХЕН.

Ты шептал. «Моя любовь,
Буду я всегда с тобой!
Буду я всегда с тобой», —
Мне шептал.

НОРДА.

Всё пройдёт, жизнь пройдёт,
и пройдёт любовь…
Мастер грёз, тебе я дам —
вечность звёзд, о чём мечтал!

ГАНС. Мне ничего не нужно без неё. Анхен, Анхен, прости меня! Если бы я мог всё вернуть!

ГАНС.

Я, как слепой, шёл за тобой,
Шёл, зная-зная, всё — обман, обман!
Снег — слёзы неба, звёзды плачут — без Любви!

ГАНС и АНХЕН.

Для двоих нет пути выше и трудней,
Чем путь — Любви!
Обещай в снегопад —
Беречь любовь, беречь цветы!

НОРДА.

Дай коснусь твоих губ я —
в последний раз!

Хоть на миг меня согрей,
всё равно уйдёшь ты — с ней!

ГАНС. Анхен, ты…если ты сможешь меня простить, я…

АНХЕН. Я уже тебя простила. *(Обнимает его.)*

ГАНС. Какие у тебя горячие руки! Как мне больно и холодно!

АНХЕН. Милый, милый мой, моё сердце, я согрею тебя.

ГАНС. Давай скорее забудем всё, что было.

АНХЕН. Нет, мы должны помнить. Помнить всегда — и беречь нашу Любовь, чтобы эта история никогда больше не повторилась.

ГАНС. Да, ты права. Знаешь, об этом я и напишу свою пьесу.

АНХЕН *(с улыбкой)*. Ты опять?!

ГАНС. Но ведь… эта история может случиться с каждым. Любовь — такой хрупкий цветок!

Целует её, улыбается.

ГАНС и АНХЕН.

Знаешь, я лишь сейчас понял, что Любить —
Значит, верить и прощать, значит — снова всё начать!
Для двоих нет пути выше и трудней!
Помни, ты — моя любовь! Буду я всегда с тобой!

Анхен обнимает Ганса.
Появляются все герои и поют финальную песню.

(Ария «Мир спасёт Любовь…»)

РАССКАЗЧИК.

Мир спасёт — Любовь!

ПРИСЦИЛЛА.

Мир — для нас с тобой!

РАДУГА.

Ты иди за мной —

ФРАНЦ.

Смело, смело!

РАДУГА.

Мир — цветущий сад.

РАССКАЗЧИК.
Мир — Любовью свят!
ПРИСЦИЛЛА.
Лепестки летят —
ФРАНЦ.
Снегом, снегом.
ГАНС.
Всё пройдёт,
Лишь Любовь —
Вечна, верю я!
Всё поймёт-простит Любовь,
Воскресит Любовь!
АНХЕН.
Помни, что ты…
ГАНС.
Что ты — это я!
БЕРТА.
Стоит встречу ждать!
ОЛЬБЕРТ.
Всё — Любви отдать!
АНХЕН.
Друг для друга стать —
ГАНС.
Светом, светом!
АНХЕН.
Свет Любви сберечь —
ОЛЬБЕРТ.
Пламя наших встреч,
ГАНС.
Белый танец свеч —
БЕРТА.
С ветром с ветром!
ГАНС.
Всё пройдёт,
Лишь Любовь
Вечна — верю я!
Всё поймёт-простит Любовь,
Воскресит Любовь!

АНХЕН.
Помни, что ты…
ГАНС.
Что ты — это я!
РАДУГА, РАССКАЗЧИК.
Всё пройдёт
ПРИСЦИЛЛА, ФРАНЦ.
Лишь Любовь —
БЕРТА, ОЛЬБЕРТ.
Вечна, верим мы!
Всё поймёт-простит Любовь,
Воскресит Любовь!
АНХЕН.
Помни, что я…
ГАНС.
Что я — это ты!
ВСЕ.
Обещай в снегопад
Беречь любовь, беречь цветы!

ГАНС. Обещай: что бы ни случилось, — ты всегда будешь со мной!
АНХЕН. Я всегда, всегда буду с тобой!
ВСЕ.
Обещай!

По залу проходят хиппи и дарят зрителям цветы с пожеланиями Любви, счастья, надежды…

ЗАНАВЕС

Анастасия СЫЧЁВА

ОКТЯБРЬСКИЕ МЕЧТЫ

Пока листок кленовый не истлел,
Возьми его в ладонь, и над собой подбрось,
И посмотри – он к солнцу полетел!
Ты видишь, лист и солнце не хотят быть врозь.

Сейчас ещё начало октября,
Но долго осень золота не сохранит.
Ты чувствуешь, как дышит солнце в эти дни?
Ты знаешь, что леса в листве сгорят,

И с ними парк – скорей туда идём:
Пожар потушит дождь, но смоет красоту.
Я после расскажу дождю свою мечту,
И, может быть, исполнит он её.

Столетний парк – природы календарь,
И сколько здесь листвы деревья скинули!
Своей душой мне нравится октябрь,
Во всяком случае, когда каникулы…

Насте Сычёвой 17 лет. Родилась она в Казани, но в школу пошла уже в Тамбове. В этом году окончила лицей № 6.

Стихи пишет с самого раннего детства. Воспитанница литературно-творческого объединения «Тропинка» (руководитель В. Т. Дорожкина).

Публиковалась в газетах, коллективных сборниках. Совсем недавно в издательстве Тамбовского Литфонда вышла первая поэтическая книжка Насти «Быть ветром».

ЧТО ТАКОЕ ВДОХНОВЕНЬЕ

Что такое вдохновенье?
Это радости виденье,
Чувств волшебных пробужденье
И к мечте прикосновенье.

Что такое вдохновенье?
Это предок сочиненья,
В мир фантазий погруженье
И души моей цветенье.

Что такое вдохновенье?
Миг чудесный сочиненья,
Рождество стихотворенья,
С миром творческим общенье,

Вестник радости весенней.
Без него мне надоело,
Только спросишь ты несмело:
Что такое вдохновенье?

ВЕТРА

Холодные ветра,
И дождь стучит по крыше,
Туман лежал с утра –
Не видно ничего.

На небе облака.
И лишь в саду космея
Цветёт ещё пока
Над мокрою травой.

Меж клёнов и осин
Купить на осень туфли
Мы с мамой в магазин
По улице идём.

Цветастые зонты
Раскрыли тамбовчане
И в вихре суеты
Не встретились с дождём.

ВОЛШЕБНИК?

Вы встречали когда-нибудь в своей жизни волшебника
Или просто похожего на него человека?
Он не должен быть хмурым или мрачным отшельником,
Не носить может мантии – соответствовать веку.

Так сложилось, что в наши дни очень скромные маги.
И не строят дворцы они, не меняют обличий,
И живут они где-то на старых улочках Праги,
И содержат там, максимум, небольшой магазинчик.

Я волшебника встретила среди полок с игрушками;
Говорили мы долго о России, о Пушкине.
По улыбке, по голосу, по движению век
Поняла в тот же миг, что он – непростой человек.

ГОРОД, ГДЕ БРОДИТ ДЕТСТВО

Стало в школе за партой тесно,
И так хочется погрузиться
В майский город, где бродит детство,
И свободными стать, как птицы.

И летать, где цветут всё время
Одуванчики и тюльпаны,
Целый день, растворив проблемы
В говорливой воде фонтанов.

Время, время проходит быстро,
Но всегда ты храни в своём сердце
Самый светлый и самый чистый
Майский город, где бродит детство.

ЗИМНИЙ ЭТЮД

Немного утомляли
Сугробы на дороге.
Прохожих было мало,
А снега было много.

Люблю конец недели:
Свободна в этот день я.
Деревья побелели,
Как будто привиденья.

Пейзаж был белым-белым,
Как новая раскраска.
И лёгкий ветер веял,
Нашёптывая сказку.

Что год закончен быстро,
В том не зимы вина.
Вокруг светло и чисто,
И тишина…

ПИТЕР

Чай остался недопитым
С шоколадкой на столе.
Завтра я уеду в Питер
За листвой осенней вслед.

В Питере, наверно, ветер,
Может, даже выпал снег.
Интересно, как он встретит?
Странно замедляя бег,

Стрелка на часах по кругу
Тянет время. Время есть.
Этим вечером, подруга,
Позвони, пока я здесь.

Не успею я, быть может,
И соскучиться… Постой,
Я забыла, что ты тоже
Едешь в Петербург со мной…

ПОСМОТРИ!

Засыпай, если сможешь, конечно, уснуть,
Но давай лучше просто сидеть в тишине.
Кто сказал, что мечтать – это скучно? Ничуть!
Вдалеке от дневных разноцветных огней
Ты не пробовал ночью на небо взглянуть?
И, наверное, можно гадать по луне,
По загадочной, круглой, блестящей, как ртуть…
Посмотри и скажи, что ты видишь на ней?

А в окне паутина немного блестит,
В паутине – паук, неподвижный такой.
Только он притворяется, будто бы спит:
Он, наверно, любуется полной луной.
И не зная ничтожного слова «лимит»,
Как в огромной руке, держит шарик Земной
Бесконечное небо, планеты хранит.
Посмотри и почувствуй бескрайний покой.

Знаешь, время похоже на горный ручей.
Мир плывёт по нему и не может свернуть.
Одинаковых много в потоке вещей,
А Луна или Солнце одни. Ну и пусть!
Ведь всё множество трав и различных зверей
Никогда не осветят собой Млечный Путь.
И как утро настанет, ты в небо скорей
Посмотри, если сможешь на солнце взглянуть!

Человеку так трудно найти свою дверь,
Где бы кто-то его с нетерпением ждал.
Ты её отыскать в этой жизни мечтал?
Я надеюсь, найдётся она. А теперь…
Видишь розы в саду? Это мой идеал.
Видишь, что-то блестит на дрожащей траве?
У цветов есть душа. Ты об этом не знал?
Посмотри на них, лишь посмотри и поверь!

СКАЗКА

Берёза в ожидании застыла:
«Когда начнётся долгожданный бал?»
Она надела серьги золотые,
А рядом Дуб наряженный стоял.

Легонько воротник он поправлял,
В своём великолепии блистал.
Рассвет. И сёстры – нежные Рябины,
Алея, как рассвет, в нарядах длинных

Предстали в очертанье двух дриад.
Блаженство в девичьих глазах таят.
И только первый ветерок пронёсся,
В свои права вступила дева Осень.

Укрыла плечи шалью золотой,
Пришла на землю нашу, как домой.
Пусть ветра свист закружит танец листьев,
Качнёт, преобразит рябины кисти,

Дриад разбудит и откроет вновь
Осенний бал мечты и светлых снов.
И в первые осенние мгновенья
Вальсируют деревья вдохновенно,

Как сказочные принцы и принцессы:
Подруги-Ели, поспешившие из леса,
Берёза – с Дубом, Клён – с сестрой Рябиной,
А со второю – Вяз в жакете длинном.

Высокий Тополь с Липой в вальсе кружат.
Весёлый хоровод Осин-подружек
Зовёт к себе, исполнить танец просит
Хозяйку торжества – царицу Осень.

Прощальный крик летящих птиц донёсся,
Казалось бы, недавно встало солнце!
Но вот уже спустился вечер к нам,
Последний блик у моего окна.

Пурпурным светом залил всё вокруг
На горизонте алый солнца круг.
Слепит глаза, и на исходе дня
Охвачены мы магией огня,

Как будто в сказке. Пурпур сентября,
Легко в вечернем зареве горя,
Изобразил пейзаж в лиловом свете,
И ничего не держит он в секрете,

Красу заката в небе отразил.
А облака, как лепестки от роз,
Легли на кудри светлые берёз,
А на стволах – лишь капельки чернил.

В саду – космея, неба отголосок.
Тихонько бродит в новом доме осень.

ДОЖДЬ

Дарить всему живому отдых чтобы,
Не устаёт лазурь дожди ронять.
Но этот дождь мне кажется особым:
Сегодня он звучит лишь для меня.

Он в музыке немыслимо искусен,
И волшебству воды предела нет.
Но лишь в сердцах, что излучают свет,
Найдёт причал чистейшая из музык.

АЛЫЙ ТЮЛЬПАН

Утром над полем пришкольным зелёным
Снова завис чуть прозрачный туман.
В нашем цветущем саду полусонном
Скоро раскроется алый тюльпан.

Солнца лучи согревать его будут,
Дождь поливать, свежий ветер ласкать.
В майском саду распускается чудо!
Оберегать его буду, как мать.

Вырос тюльпан и зацвёл. Год за годом,
Глядя на стаи седых облаков,
Как неокрепшие дети природы,
К небу тянулись головки цветов.

Так же теперь сквозь тумана завесу
К солнышку тянется алый тюльпан.
Мир ведь прекрасен, как сказка, чудесен.
Скоро исчезнет холодный туман!

ЮНЫЕ ПИШУТ О ДОМЕ

«Мой дом — мой друг…» — эта строка из стихотворения Елены Захаровой определяет отношение большинства представителей молодёжи к семье, к отчему дому. Конечно, не только в 2008 году, объявленном Годом семьи, юные авторы пишут стихи на эту тему. Она постоянна в их творчестве. Почти у каждого юного поэта есть проникновенные строки о мамах и папах, бабушках и дедушках, создающих семейный уют, помогающих детям стать не равнодушными потребителями ценностей общества, а активными участниками событий, способствующих накоплению этих ценностей.

Несколько лет назад в Москве проходил конкурс «Моя любимая бабушка», в котором Мария Знобищева, тогда ещё 15-летняя девочка, заняла призовое место, и её стихотворение, посвящённое бабушке, вошло в коллективный сборник победителей, изданный в столице, — «Да святится имя твоё, бабушка». Удивительные, проникновенные слова нашла Маша, чтобы выразить любовь, восхищение, благодарность родному человеку. Всех бабушек она называет «белыми птицами в осенней дали», на которых держатся «добрые силы земли»:

Нам посвятила ты ясную, милую
Ласку светящихся нежностью глаз.
Просто и радостно, с мудростью сладостной, —
Вот как ты, бабушка, смотришь на нас.

Семья — это основа, фундамент общества. И счастливы те, у кого есть дом, уют — всё, что способствует развитию творческой личности. Дети, воспитывающиеся в такой семье, став взрослыми, всегда будут стремиться к отчему дому, куда бы их ни забросила судьба. Уже сейчас, в юном возрасте, они осознают ценность и значимость семьи и с благодарностью посвящают стихи своим родным.

Валентина ДОРОЖКИНА,
руководитель литературно-творческого
объединения «Тропинка».

МОЙ ДОМ

Мой дом – мой друг.
Мы душами ровесники.
Мне от него вовек не отказаться.
Придёшь –
и можешь в прошлом оказаться.
Он помнит всё:
какие на ночь песенки
Над колыбелькой детской мама пела,
Как я росла…
Но время пролетело.
А я осталась прежнею:
приду –
И только здесь себя я обрету.

Елена ЗАХАРОВА,
студентка ТГУ имени Г. Р. Державина.

МАМЕ

По туманной дороге грядущего
Мы бредём, неизвестно куда,
Сколько в жизни нам будет отпущено,
Не узнает никто никогда.

Но ведёт нас тропой незабытою,
Мамин тихий и ласковый зов…
Лунным светом дорога облитая,
Слышно тиканье старых часов…

Нет красивей, чем мама, дороже,
Нет любимей её и родней,
И я знаю, во всём ты поможешь,
Мама милая, дочке своей.

Дарья ИППОЛИТОВА,
учащаяся 11-го класса школы № 13.

БАБУШКЕ

Усталые, натруженные руки
Упали, словно крылья, на колени,
А в светлом взоре столько скрытой муки,
Любви и бескорыстного прощенья!

Как часто легкомысленно, нечаянно
Тебя страдать и плакать заставляем,
Но ты, рукой скрывая лик печальный,
Целуешь тихо нас, благословляя.

Ах, бабушка! Лишь словом – чутким, ясным,
Зажжёшь лампаду в сердце, обогреешь.
Мне подарив поэзию, как праздник,
Ты стала песней, музою моею!

Александра НИКОЛАЕВА,
студентка ТГУ имени Г. Р. Державина.

МАМЕ

Четыре буквы – слово «мама»,
Но сколько вложено в него!
В нём добрых чувств и звуков гамма
И сказка сердца моего.
В нём тёплых рук благоуханье
И чуда, света ожиданье.
В нём – пахнет детством и добром,
Звенит молитва серебром.
О сколько, мама, в жизни этой
Ты сердце открывала нам,
На душу радостный бальзам
Лила ты и зимой, и летом.
Ты нам в дороге – светлый луч
И к двери счастья в жизни ключ.

Анастасия СЕРОВА,
учащаяся 9-го класса школы № 36.

ПОХОЖИ…

Примостилась на диване,
Поплотней прижалась к маме.
За окошком лист кленовый
Мягко в воздухе кружит –
Осень тёплую манит.
Жёлтый лист фотоальбома,
Чуть дыша, переверну –
Вновь себя я узнаю:
Чёлка лезет на глаза,
Взгляд по-детски озорной:
Это мамин выпускной…
Может, я уже уснула?
Ведь в невестины глаза
Я смотрю, как в зеркала!
Нет, не время это шутит –
Просто мамочка моя
Так похожа на меня…
Клён давно уже опал,
Осень календарь листает,
Дочь у мамы подрастает.

Ирина СЕРОВА,
учащаяся 5-го класса школы № 36.

ЗАПАХ ДОМА

Пахнет уютом,
Лаской квартиры,
Маленьким чудом
В пламени мира;
Мягким диваном,
Летом, цветами,
Паром из ванной,
Сладкими снами;
Чаем с лимоном,

Супом с грибами,
Утром зелёным,
Папой и мамой.
В запахе этом
Много родного,
Больше на свете
Нету такого!

Татьяна СОФИНСКАЯ,
студентка ТГУ имени Г. Р. Державина.

ВСТРЕЧА С МАМОЙ

Белый снег, чистый снег,
Лёгкая пороша…
Мама, ты прекрасней всех,
Ты мне всех дороже.

Лёгонькая бахрома
На окне повисла.
А зима – как роман:
Письма, письма, письма…

Ты стоишь у окна,
Слёзы льют ручьями –
Ты из чувств соткана,
Милый ангел – мама.

Синих глаз акварель,
Медальон с иконкой…
Скорый поезд, скорей
Привези ребёнка!..

В белокурой зиме
Снег пел а капелла.
И, скучая по мне,
С ним и мама пела…

Балалайкой метель
В воздухе звенела,
И сосулька-свирель
Капала и пела…

Снег поёт, и плачет снег…
Я в родных пенатах!
Рада моя мама мне,
И я маме рада!

Маргарита ШИТИКОВА,
учащаяся 11-го класса лицея № 6.

СТРАННАЯ «ДИСКУССИЯ»

Эта неприглядная история случилась недавно — в июне нынешнего года.

Многострадальная газета «Город на Цне», которой решительно не везёт в последнее время с редакторами, решила оживить свои серые страницы странной «дискуссией». Цель её, как было заявлено, — выяснить ни много ни мало: «а есть ли сейчас на Тамбовщине литература»? На деле всё вылилось в обсуждение (осуждение!) работы Тамбовского отделения Союза писателей России. В 4-х номерах газета дала пространные материалы «против» писательской организации (О. Алёшина, А. Митрофанова, А. Акулинина и Н. Веселовской), в одном — два кратких «за» (И. Елегечева и Л. Котовой), при этом неустанно в редакционных врезках подчёркивая свою якобы беспристрастность и объективность.

Любопытно, что завершать «дискуссию» в номере «ГнЦ» от 2 июля должен был официальный ответ председателя правления Тамбовской писательской организации. Статья была сдана редактору Назаркиной лично в руки за 6 дней до выхода номера, корректура была вычитана автором в полосе и, по согласованию с той же госпожой Назаркиной, была внесена небольшая правка. Более того, госпоже редакторше по её просьбе был представлен автором документ, подтверждающий изложенные факты (насколько нам известно, от злопыхателей, поливающих писательскую организацию грязью, таковых бумаг в редакции не требовали).

Ну так вот, после всей этой канители номер вдруг вышел без этой уже набранной и свёрстанной статьи, а совсем с другим откликом — ещё одного хулителя (впрочем, как потом выяснилось, сильно сокращённым-отцензуренным), а в пространной врезке (стилем удивительно напоминавшей стиль одного из диспутантов) редакция беззастенчиво обманывала читателей, будто бы председатель писательской организации со своим откликом опоздал и высказал только своё частное «неинтересное» мнение. При этом «редакция» простодушно упоминала-признавала, что статья председателя была официальным ответом — на бланке организации, с печатью и указанием в подписи должности.

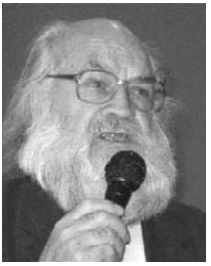
Но самое странное во всей этой истории то, что трое из четверых яростных критиков состояния дел в Тамбовской писательской организации к ней самой имеют отношение весьма косвенное или не имеют его вовсе, хотя и подписываются как «члены Союза писателей России». Но, повторяем, на учёте в Тамбовском отделении СП Р они не стоят. Так что поговорка-пословица про «чужой монастырь» и «свой устав» в данном случае подходит как нельзя в тему.

Жаль, конечно, читателей «Города на Цне», которые за свои деньги получили со страниц приобретённой газеты, мягко говоря, необъективную информацию. Но для истинных любителей литературы (а читатели «Тамбовского альманаха», безусловно, принадлежат к их числу) мы восстанавливаем подлинную картину «дискуссии», восполняем пробелы и цензурное своеволие непрофессиональной редакции «Города на Цне».

Само собой, все пасквили «членов СП», мы воспроизводить не будем (зачем же повторять-тиражировать дурь?), тем более, что претензии и «обвинения» в них удручающе однотипны, повторяются и сводятся к трём нехитрым постулатам: 1) писатель Н. Наседкин пишет не «те» романы; 2) такой писатель не имеет права возглавлять писательскую организацию; 3) дела в Тамбовской писательской организации сегодня идут из рук вон плохо.

Мы перепечатываем для примера полностью только «критическое» выступление А. Акулинина из «ГнЦ» от 18 июня (к тому же он полноправный член Тамбовского отделения СПР) и Н. Веселовской из «ГнЦ» от 2 июля с восстановлением авторского заголовка и всех цензурных купюр (к тому же у неё речь в основном идёт действительно о литературе). А также выносим на суд читателей опубликованные заметки И. Елегечева, Л. Котовой из «ГнЦ» от 25 июня (с исправлением опечаток и немногочисленных фактических ошибок), «зарубленный» на корню чересчур «объективной» редакцией отклик З. Королёвой и вынутый из готовой полосы газеты официальный ответ Н. Наседкина.

К сожалению, мы не имеем возможности опубликовать все письма и статьи в поддержку писательской организации, которые поступили в редакцию «ГнЦ», но, конечно, чрезвычайно благодарны авторам за них — спасибо!



Александр АКУЛИНИН

СОГЛАСНО СЛОЖИВШЕМУСЯ МНЕНИЮ

Творческие союзы, в их числе и писательский, во все времена были, есть и будут средой особенной, где иные понятия, иные взаимоотношения. И всё это определяется одной простой причиной: в этой среде чаще, чем где-либо можно обнаружить Личность! С обнажённой Совестью, с болезненным, особо чувствительным, восприятием Правды, Чести! Увы, к сожалению, и эта среда подпадает под народную истину: «Семья не без урода». Порой это самое «уродство» делается очень заметным и вредоносным.

Может, где-нибудь, в какой иной сфере оно прошло бы незамеченным — здесь же оно вопиет, прямо-таки смердит. Оставляет особо заметный след, зарубку не только на отдельном индивидууме, но и на большом коллективе, а то и на целом обществе. Если оглянуться на прошлое, заглянуть в историю, таких примеров — несть числа. Я такой задачи перед собой не ставлю, меня ныне волнует задача ближняя, которую, может быть, Будущее запишет какими-то жирными строчками. Такое, примерно, мнение создаётся, муссируется некоторыми личностями, в том числе и околописательскими. Говоря простецкими словами, пытаются выжать капельку янтарного маслица из прогорклого, залежалого жмыха.

Александр Акулинин родился в с. Большая Лозовка Токарёвского района Тамбовской области в 1938 г. Окончил среднюю школу.

Писать прозу и публиковаться начал с начала 1960-х гг. На сегодняшний день — автор более 20 книг, вышедших в издательствах Москвы, Воронежа, Тамбова, Саранска.

Член Союза писателей СССР (России) с 1977 г.

С 1990 по 2003 г. возглавлял Тамбовскую писательскую организацию.

Такому жмыху я уподобил бы нынешнее правление Тамбовского отделения Союза писателей. Оно, по сложившемуся мнению, ведёт активную творческую работу, хотя на деле идёт развал творческой организации.

Вышел из состава организации поэт Олег Алёшин. Писателя Александра Митрофанова, принятого в Москве правлением Союза писателей, не желает ставить на учёт. Видите ли, Митрофанов отзывается неучтиво кое о ком и того гляди вообще скажет поперёк «сложившемуся мнению».

На одном из недавних общих собраний правление гласом своего председателя Н. Н. Наседкина осуществило гнусную акцию: изъяло из своих рядов двух великолепных поэтов — Марину Струкову и Анатолия Остроухова. Оба они по причине квартирной неустроенности в Тамбове вынуждены кое-как, без прописки ютиться в столицах — Москве и Петербурге. Но вину им определили не эту, а «неучастие в активной жизни творческого коллектива». Выглядит это смехотворно, если учесть такой факт, что несколько лет членом «принципиального» правления состоял житель Германии, который не то чтоб в пресловутой творческой жизни писательской организации участвовать, в России бывал несколько раз наездами. Теперь оного активиста заменили юной поэтической дивой, которую только-только приняли в Союз писателей. Хотя устав полагает, что правление объединяет писателей авторитетных, со стажем. Но это можно отнести к мелочам. В основном бюро состоит из литераторов, набравших «за» при избрании 8-10 голосов (при списочном составе тридцать пять членов СП).

Хотя одного замечания не обойду. В нынешнем правлении работают представители двух авторитетных, значимых общественных организаций: Общественной палаты и Комиссии по помилованию. Как говорится, ехать дальше некуда. Это равнозначно неряху толкать в руководители наводить чистоту. Как можно продвигать людей, которые не умеют или не хотят навести порядок у себя под носом.

Естественно, в данном случае сработало «сложившееся мнение», которое сложилось где-то и у кого-то.

Нельзя обойти гордость нынешнего руководства — издательство Тамбовского отделения Литфонда России. Слов нет, дело хорошее, для писателей местных лишний глоток свежего воздуха… Но, увы, оно превращается в вотчину авторитарного руководителя. Он там и швец, и жнец, и на дуде игрец. В каждом издании он и по фамилии, и по отчеству, и псевдониму. А в последнем издании и вообще отличил-

ся… В юбилейном сборнике В. Маркова корректором фигурирует А. Домашнев — литературный герой из пресловутого романа Наседкина «Люпофь». Старый профессор, развратник, профессиональный алкаш. Так и хочется воскликнуть: «Ах, нравы, нравы!» А может, господин Наседкин решил, что пора этого порногероя увековечивать?*

Можно бы кивнуть на правление, да как? Оно само-то почти полным составом является редколлегией тамбовского альманаха, выходящего в том же издательстве. Сами всё видят, сами все знают. Видимо, в том и причина, что ни в какие руководящие структуры иные писатели, кроме членов правления, и не допускаются.

Конечно, немало кислых физиономий будет скорчено после прочтения моих горестных замет потому, что они изложены вопреки сложившемуся мнению о некоторых участниках происходящего ныне в Тамбовской писательской организации.

Но это нестрашно: мнение, даже сложившееся, не становится непреложной истиной, а это всего лишь мнение.

---

* Право, не стоило А. Акулинину задевать работу издательства Литфонда, которое уже прочно приобрело имидж самого профессионального издательства на Тамбовщине, в то время как издательская «фирма» «Книжная лавка писателя», принадлежащая лично Акулинину, как раз славится своим непрофессионализмом, халтурным качеством, позорящим всю книгоиздательскую систему Тамбова. Здесь выпускаются книги, количество ошибок и опечаток на каждой странице которых достигает 10-15, перепутаны дефисы с тире и порой вовсе не ставятся переносы. И это несмотря на то, что в выходных данных редакторами и корректорами значатся все родные и близкие издателя. *(Здесь и далее — прим. ред.)*

Людмила КОТОВА

ЕЩЁ ОДНО МНЕНИЕ

На страницах газеты «Город на Цне» развернулось широкомасштабное обсуждение книги ныне действующего председателя Тамбовского отделения Союза писателей России Николая Наседкина «Люпофь». Наверное, подумает непосвящённый читатель, книга недавно вышла в свет и оказалась настолько не совместимой с представлениями об этике и чистоте моральных принципов, что рядовые члены писательской организации в знак протеста спешно начали покидать ряды этого творческого содружества.

О вкусах, конечно, не спорят, и своё мнение может высказать каждый. И содержание книги, действительно, вызывает как резко отрицательную, так и восторженную реакцию у людей, её прочитавших. Правда, вышла книга не вчера, как можно было бы предположить, а в 2006 году. Однако подискутировать на страницах городской газеты, а также публично заявить о своём выходе из членов Тамбовской писательской организации Олег Алёшин решил именно сейчас. Вопрос «кто нами управляет?» он задал почему-то не два года назад, после выхода злополучной книги, и не на заседаниях правления писательской организации, куда его дважды приглашали для выяснения причины желания сняться с учёта и на которые он просто не явился.

Людмила Котова родилась в посёлке Инжавино Тамбовской области. Окончила Московскую сельхозакадемию им. К. А. Тимирязева.

Автор четырёх поэтических сборников, изданных в Москве и Тамбове.

Руководитель литературно-творческого объединения «Откровение» (Инжавино).

Член Союза писателей России с 2001 г. Член правления Тамбовского отделения СП РФ.

Настоящей причиной такого припоздавшего всплеска нетерпимости к «разрушителю моральных устоев» является, конечно же, то, что в октябре заканчивается четырёхлетний срок работы ныне действующего состава правления во главе с Наседкиным. И предстоят новые выборы. А предвыборная ситуация — сами знаете, что это такое. И хотя писателей в нашей стране всё ещё воспринимают как людей особой породы, — потому что ну не должен человек, призывающий к разумному, светлому, порядочному, быть одолеваем завистью, желанием очернить собрата по перу, — людские пороки присущи нам, как и всем.

Меня же к написанию этой статьи побудило чувство нарушенного равновесия, мне трудно смириться с тем, что читатели газеты будут делать выводы о состоянии дел в Тамбовском отделении Союза писателей, основываясь только на точке зрения сторонников немногочисленной оппозиции. Я являюсь членом правления нашей организации и знаю о многих событиях не понаслышке. Званий не заслужила, премий не удостаивалась. Являюсь руководителем литературного объединения «Откровение» в Инжавино, выпустившего с начала своей деятельности за пять лет три коллективных и шесть персональных сборников стихов инжавинских авторов. Своей работой заслужила право на стипендию.

Позвольте мне пройтись по некоторым позициям статей Олега Алёшина и его продолжателя Александра Митрофанова.

«…Никем не признанные литературные самозванцы зачастую правят бал… в писательских организациях», «…в настоящее время многие творческие организации возглавляют писатели даже не второго, а четвёртого ряда». Подобные высказывания не приводятся просто так, для общего сведения; здесь явно имеется в виду, что речь идёт и о тамбовских литераторах в том числе. Однако ж позвольте! Пожалуй, тут можно бы было призвать в свидетели самого Фёдора Михайловича Достоевского, энциклопедия которого написана одним автором, в отличие от энциклопедий других величайших писателей, составителями которых являлись целые коллективы. И имя автора — Николай Наседкин. Уже один этот факт в своё время вывел руководителя нашей писательской организации на уровень мировой известности.

Будучи избранным на должность председателя правления, Николай Николаевич значительную часть своего времени стал уделять административной работе. Я даже не буду рассказывать обо всём, что сделано за время его руководства — и сами писатели, и областное

управление культуры, и администрация Тамбовской области неоднократно давали высокую оценку его деятельности. А ведь сколько раз он готов был отказаться от должности, понимая, что отвлекает свои силы не на творчество, а на решение мелких и крупных бытовых вопросов, на пробивание стипендий и льгот для наших писателей! И это, возможно, отразилось на уровне его последних произведений. Да и с моей точки зрения, «Люпофь» Наседкина не является шедевром. И с моей точки зрения, в книге слишком много использовано текста, не предназначенного для всеобщего обозрения. Но, помимо переписки героев, существуют и общая сюжетная линия, и нравственные критерии, позволяющие дать оценку произведению, основываясь не только на приведённых Алёшиным и Митрофановым отрывках.

Оба автора статей сетуют на якобы дурное влияние вышеупомянутой книги главы писательской организации на её рядовых членов, особенно на молодое поколение. Честно говоря, велико искушение напомнить, что каждый о других судит по себе. Может быть, авторы статей сами не выработали свой собственный, отличимый от других голос и поддаются чужому влиянию? А наша писательская молодёжь да и подавляющее большинство писателей старшего поколения имеют своё индивидуальное лицо, свой хорошо различимый стиль, свою точку зрения. И не стоит Алёшину, состоявшему ещё недавно в наших рядах, и Митрофанову, пытающемуся обходными путями в эти ряды пристроиться, так унижать заслуженных людей общества, членов нашего коллектива, ведущих действительно большую работу по пропаганде творчества как умерших, так и ныне здравствующих тамбовских писателей и вносящих свой личный вклад в культуру родного края.

Отдельным вопросом в опубликованных статьях стоит давно возникшая в Тамбовской писательской организации проблема «мёртвых душ», не в обиду будь сказано искренне глубокоуважаемым Анатолию Остроумову и Марине Струковой. Бесспорно талантливые авторы, в силу жизненных обстоятельств давно проживающие далеко от нашего города и не имеющие возможности присутствовать на общих собраниях. А надо вам объяснить, что по уставу Союза писателей России, для того чтобы вступить в его ряды, кандидат должен подать заявление в региональное отделение. Общее собрание рассматривает это заявление. Вступающий должен набрать при голосовании не менее двух третей голосов от списочного состава писательской организации. Например, стоит на учёте тридцать членов. На собрание при-

шло шестнадцать человек. Собрание правомерно вести свою работу. Но вот начинается голосование. Даже если все шестнадцать находящихся в зале заседания проголосуют «за» рассматриваемую кандидатуру, претендент не будет считаться принятым потому, что шестнадцать голосов — это не двадцать один и даже не двадцать. Как же быть в таком случае? Выход состоит в том, чтобы те люди, которые не смогли явиться на собрание лично, прислали по почте конверт со своим решением. При отсутствии самого члена организации или конверта от него по уставу Союза писателей России считается, что данный человек проголосовал «против». Видите, с какими трудностями приходится сталкиваться кандидатам?!

Мне самой дважды пришлось давать рекомендации молодым авторам на вступление в наш Союз. И, естественно, я помогала им в том, чтобы напомнить всем членам писательской организации о необходимости проголосовать по почте в случае их возможного отсутствия на собрании. Так вот, если до Анатолия Остроухова нам удавалось дозваниваться, пересылать ему на рассмотрение работы кандидата и дождаться ответа, то связь с Мариной Струковой, при всём старании, наладить не получалось. Кстати, оба кандидата, которым я давала рекомендации, нужные две трети голосов набрали. Но так часто бывает, что не всегда вовремя приходят письма из Питера, где проживает Остроухов! Представляете, как обидно, собрав абсолютное большинство поддерживающих голосов от присутствующих на собрании, не быть избранным из-за проблем с почтой?! Именно поэтому неоднократно члены писательской организации ставили перед Наседкиным вопрос о том, чтобы голоса Струковой и Остроухова и поэта Боева, который теперь живёт в Германии, не учитывались при приёме и прочих случаях голосования. Решение о чём и было принято на одном из общих собраний большинством голосов. Но они по-прежнему числятся на учёте в нашей организации.

Приближается новое отчётно-выборное собрание в Тамбовском отделении Союза писателей России. Естественно, что не обошлось без ошибок и просчётов в работе нынешнего правления и его главы. Однако, кто не работает, тот не ошибается. Значит, всё-таки работали. И не так уж плохо. Может быть, кто-то сумеет лучше.

Выбор за нами.

Иван ЕЛЕГЕЧЕВ

РОБЯ! РАБОТАТЬ НАДО!

Эту мою заметку я составил в рамках полемического ответа на «проблемные» выступления двух авторов — Алёшина и Митрофанова. В своих выступлениях эти тамбовские авторы, именующие себя российскими писателями, изо всех сил тужатся доказать читателям, каким нехорошим является человеком и руководителем писательской организации в одном лице Николай Николаевич Наседкин.

Чтобы внушить людям эту непростую истину, авторы газеты приводят выдержку из одного сочинения Николая Николаевича, где он предстаёт перед Тамбовом этаким завзятым сексуалистом (слава Всевышнему, без «гомо»!), за что недвусмысленно «намекается»: он должен быть отстранён от своего председательства и заменён другой личностью. Кем же? Чтобы ответить на этот вопрос, человеку не потребуется обладания особым чувством догадливости.

Наверное, я мог бы согласиться с таким полезным для Тамбова и всей России выводом, но мне, сквалыге, требуется приведение других дополнительных, более весомых, чем простой сексуализм, фактов.

Иван Елегечев родился в 1927 году в Сибири. С 1976 года живёт в Тамбове. Автор многих книг прозы («На Чулым-реке», «Байга», «Мангазея», «Зима», «Таёжники», «Губернатор», «Оккупация» и др.), вышедших в Москве, Воронеже и Тамбове.

Пьеса И. Елегечева «Что есть истина» с успехом шла на сцене Тамбовского областного драматического театра в 1980-е годы.

Член Союза писателей с 1963 года.

Николай Николаевич пришёл к «власти» лет пять тому назад. Он застал Тамбовскую писательскую организацию лежащей, так сказать, на боку. Тогдашнее руководство заместо работы с читателями и писателями справляло затянувшийся торжественный сабантуй. Бывая изредка на шестом этаже Дома печати, я видел пробегавших мимо писательских дверей женщин с зажатыми ладонями ушами. Что до меня, я ушей не зажимал, но чувствовал себя снова, как шестьдесят с лишним лет назад, когда сидел в карантинной землянке в городе Канске, слушая из каждого угла «мать да мать» в совокупности с вонючей сивухой.

Той! Сабантуй. Отсяцкая байга. Тут уж не до работы.

Не пофартило Николаю Николаевичу. В непонятное лихое время он был избран начальным человеком.

Однако делать нечего, нужно было приступать к работе.

С чего начал Николай Николаевич? Посредством телефона установил связь с внешним миром. Заплатил администрации Дома печати арендную плату. Стал регулярно проводить писательские собрания. Наладил работу Литфонда. Организовал выпуск альманаха с произведениями местных писателей. Контролировал проведение дней рождений писателей-юбиляров…

В работе Николая Николаевича от моих глаз не укрылись серьёзные недостатки. Вместе с хорошими, талантливыми писателями привечал, печатал не одарённых, графоманов.

Я спросил его:

— Коля, зачем ты это делаешь?

— Жалко, да и, может быть, чему-нибудь научатся.

— Графоман для меня народ понятный, не пройдёт и года — они примутся тебя топить.

Вот и дождались.

Началась борьба за председательское кресло.

Мягко говоря, ребята, не за своё дело вы взялись. Вы служите Слову. Слово — есть Бог! Вы что, против Творца?

Грех великий.

Но, вообще-то, я вам желаю всего доброго. Мир вам, ребятушки.

Угомонитесь.

Больше читайте, больше работайте. Писательский труд — это каторга.

Принимаясь за работу, не забудьте, робя, засучить рукава.

Нина ВЕСЕЛОВСКАЯ

НЕ О ТОМ ПЕЧАЛИТЕСЬ, ГОСПОДА*

Хочу воспользоваться приглашением к участию в полемике о литературных проблемах Тамбова. В нашей семье представители трёх поколений являются профессиональными литераторами (все трое — члены писательских союзов). Но, несмотря на разность в возрасте, наши взгляды на ситуацию неожиданно совпали. А поскольку ни один из нас никогда не имел ни копейки денег от Тамбовской писательской организации, Литфонда или спонсоров, наше мнение вполне можно считать мнением совершенно независимых наблюдателей.

Выступившие на страницах газеты поэты Алёшин, Митрофанов и прозаик Акулинин главными аргументами против председателя Тамбовской писательской организации Н. Н. Наседкина выдвигают отрывки из его же произведений. Процитировав откровенно эротические тексты, наши местные «инженеры человеческих душ» сообщают, что это образцы того, «как деградирует русское слово», и возмущаются, как написавший такое может возглавлять областное отделение Союза писателей России.

Когда-то мы это уже проходили: в правление Союза кинематографистов могли входить только исполнители серьёзных ролей, а комики — ни-ни, отделения писсоюза возглавляли тоже самые идейно выдержанные, не какие-нибудь там фантасты или пародисты. Неужели всё сначала?

Нина Веселовская родилась в г. Горьком (ныне — Нижний Новгород).

Окончила факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Работала в газетах Тамбова и Москвы.

Автор трёх книг прозы, вышедших в тамбовских издательствах. Публиковалась в «Тамбовском альманахе».

Член Союза писателей России (Московская писательская организация).

Тогда это происходило из-за дилетантизма советской партийной номенклатуры, которая руководила творческими союзами. Нынче… да всё из-за того же дилетантизма. У человека с филологическим образованием вызовет улыбку фраза Алёшина, что писатель — «глашатай непреходящих общечеловеческих ценностей», и у него «дыхание… должно быть чистым, как у ребёнка, и свежим, как родниковая струя». Красиво сказано, да только не для XXI века. Человечество прошло через иссушающий эгоизм экзистенциалистов, сумасбродства битников, постмодернистские навороты и всевозможные скандальные эксперименты вроде набоковской «Лолиты» и откровенностей Лимонова. Какие там ценности, какая струя! Кстати, если вчитаться в похотливые переживания любовника Лолиты Гумбольта, там можно найти почти всё, за что тамбовские моралисты сейчас ругают героев Наседкина. А ведь книга Набокова написана полвека назад, её называют поэмой в прозе, считают классикой, включают в вузовскую программу, не удивлюсь, если в школьную попадёт. И художественные достоинства книги Лимонова «Это я, Эдичка» никто не отрицает, хотя лично я читала его с изрядной гадливостью. Но это литература. Если бы не было таких книг, мы стали бы беднее. Они учат понимать и жалеть не только беленьких и чистеньких, но и грязных, непокорных, отбившихся от человеческого стада. И в этом заложено куда больше христианской традиции, чем в рассуждениях о чистоте и святости.

Из того же ряда и книги Наседкина. Мне отнюдь не близки его герои, и именно я в своё время дала им достаточно жёсткую оценку на страницах «Тамбовского альманаха». Кстати, не опускаясь до цитирования непристойностей — приёмчик уж больно примитивный. Но кто сказал, что персонажи должны быть положительными? Задача писателя — сделать их живыми и избегать уже известных схем. Наседкин с ней справился. А какими он пользовался приёмами — это дело автора. Его можно упрекнуть только в протоптанности выбранной тропы: современная литература и так перенаполнена сексуальной темой.

Второе, в чём упрекают собратья по перу писвождя, это в несправедливом распределении благ: не тем назначили творческие стипендии, кого-то слишком легко приняли в члены СПР, кого-то не так сняли с учёта, кого-то не поставили. Представляю, как я буду рассказывать это моим московским друзьям-литераторам,

и как опять повиснет в воздухе вопрос: а зачем сейчас нужны эти писсоюзы? Мне задали его в прошлом году, когда я вступала в СПР, и я не знала, что ответить. Что у нас в провинции считаются писателями и поэтами только члены? Что им иногда перепадают какие-то копейки и бесплатно печатаются безгонорарные книжки? В столице это кажется смешным.**

Когда-то такое членство гарантировало целый пакет социальных благ. Бесплатные санатории, творческие дачи, поездки по стране и за границу. Возможность писать платные рецензии — 12 рублей за штуку (бешеные деньги по тем временам!), а мой сосед по редакционному кабинету Семён Милосердов успевал делать таких до трёх в день. Внеочередное приобретение машины и кооперативной квартиры, а для очередников — дополнительные метры, чтобы у каждого члена был отдельный кабинет. Солидные гонорары, особенно у прозаиков. И наконец — самая большая мечта — оплачиваемый отпуск для написания романа или поэмы. Целый год сидишь дома или путешествуешь, а тебе за это платят и неплохо. Кстати, можешь ничего не написать — кризис, мол, бывает…

Понятно, что туда рвались и что попасть в ряды Союза советских писателей было очень трудно. Но всё это умерло вместе с той страной, и большинство раскрученных писателей сейчас в союзы не вступает. На встрече в пушкинской библиотеке кто-то спросил Василия Аксёнова, в каком он союзе. Мэтр расхохотался: «Да зачем мне это, я же Аксёнов!» Действительно, зачем: никто не сомневается в его писательском статусе, и никакие крохи творческих стипендий не нужны при его гонорарах.

Но провинция… Жить литературным трудом здесь невозможно, разве только при огромных связях со столичными издателями. Стипендии же назначает комиссия, где для чиновников нет понятия «качественная» или «актуальная» литература, они ориентируются на «заслуги». А какие могут быть заслуги у поэта? Только произведения. Но кто их оценит, если нет экспертов? И начинается детская игра: на членов и нечленов рассчитайсь!

Да ещё вспоминают, что у Союза советских писателей два правопреемника: Союз российских писателей (бывшее демократическое крыло) и Союз писателей России. Первый даже в столице нищ и горд, второй более обласкан властями. У нас же писателей-демократов всего пять на область, и они как бы вне литературного процесса, никаких им стипендий и книг — всё за свой счёт…*** В СПР же количество

членов приближается к четырём десяткам. Но качество…

Да и может ли оно стать иным? На Тамбовщине сейчас нет литературной студии уровня литгруппы 70-х годов, которой руководил Г. Д. Ремизов. Когда я пришла туда, у меня был шок, оказалось, что все мои юношеские стихи никуда не годились, к поэзии уже предъявлялись иные требования. «Не пишите зарифмованные школьные сочинения, это самый далёкий от поэзии жанр», «убейте в себе старательную девочку-отличницу — без протеста нет поэта», «тема любви за тысячелетия совсем затёрта, беритесь за неё, только если найдёте что-то принципиально новое», «бегите от банальностей, от пафоса», «никаких лозунгов, никаких призывов, забудьте про повелительное наклонение». «Красивый», «нежный», «гадкий» — забудьте эти субъективные понятия, читатель их не видит, передавайте впечатление через образ». «Счастье», «несчастье», «любовь», «печаль», «тоску» сократите до минимума, такие универсалии не содержат информационного и эмоционального ядра». Все эти советы тогда казались азбукой. Каково же было удивление, когда я через четверть века столкнулась в сборниках местных мэтров со всем, чего избегала в своих стихах.

В том числе с «бродилками» над которыми мы смеялись ещё в 75-м. Ими пестрели юбилейные номера газет: поэт обычно описывал, как он ходит по Михайловскому (Тарханам, Спасскому-Лутовинову) и вспоминает стихи Пушкина (Лермонтова, романы Тургенева), а потом сидит на заветной скамье, восхищённо прикасаясь к ней тем же местом, что и поэт… Этот жанр умер ещё 30 лет назад, вернее, изначально был мёртворожденным. Почему же тамбовские витии до сих пор продолжают отдавать ему дань? Ответ прост: подсказать некому.

В писательской среде достаточно иметь одного-двух человек, которые хотя бы изредка бывали в столичных литературных тусовках, чувствовали тенденции нынешнего десятилетия и умели доходчиво о них рассказать. Нам тогда очень помогала в этом юная Марина Кудимова. Благодаря ей мы были лишены родимых пятен провинции — оценок типа «нравится — не нравится» и желания лепить примитивщину, которую так любят невзыскательные читатели. И именно поэтому в литгруппе родились поэты всероссийского уровня: Евгений Харланов, Ирина Суглобова и та же Марина Кудимова. Кстати, две последние входят в русский рейтинговый список «100 поэтов XX века» вместе с Блоком, Есениным, Бродским, причём эти поэтессы там единственные наши земляки.

Так что если бы в Тамбове захотели узнать мнения известнейших

поэтов по поводу произведений местных авторов, сделать это было бы несложно: Кудимова, Суглобова, да и другие всегда готовы помочь. Но нет, считается, что у нас и свои не лыком шиты. Насколько взгляды таких «нелыковых» расходятся со столичными, можно увидеть на маленьком конкретном примере. Двум тамбовским мэтриссам показали стихи уникального токарёвского самородка Владимира Абросимова, и дамы сморщили носы: «Ничего особенного». Но редакция «Нового мира» оказалась другого мнения, и в июньском номере вышла подборка его стихов. Попадут ли когда-нибудь в этот престижный журнал сами мэтриссы? Вряд ли, ведь главным достоинством поэзии эти дамы считают «поэтичность». Сей дикий тавтологический термин местного производства обозначает непременное присутствие в стихах всяких красивостей — лютиков-цветочков-листочков, что поэты со вкусом обычно не применяют.

Учиться же у лучших наши литераторы упорно не хотят. На обоих творческих вечерах Ирины Суглобовой присутствовало всего по одному представителю тамбовского писсоюза. Объяснить этот феномен я не в силах: ну должно же быть у людей хотя бы элементарное любопытство…

Так что переживания по поводу Остроухова и Струковой я не разделяю, этим людям повезло, что они вращаются в столичных литературных кругах. А что правление временно приостановило их членство в Союзе, думаю, это никак не скажется на их жизни и творчестве. Как не сказался отказ в постановке хотя бы на временный учёт меня и моего сына (у нас ситуация с точностью наоборот: живём в Тамбове, а прописаны в Москве).**** И слава богу, что не поставили, не пришлось участвовать в дележе денежного пирога, вернее, его крошек, из-за которых разгорелся сыр-бор.

Что же касается председателя Тамбовской писательской организации Николая Наседкина, я считаю, что он за несколько лет сделал на своём посту больше, чем все его предшественники вместе взятые. И особая его заслуга в том, что он впервые перестал делить литераторов на «своих» и «чужих», включая в «Тамбовский альманах» произведения людей из альтернативных союзов и просто независимых прозаиков и поэтов. А если Наседкину удастся объединить в писательской организации членов всех этих союзов, как это уже сделано во многих городах, ему просто цены не будет.

И ещё необходима учёба, семинары для уже «очлененных», но так и не понявших, что для литературы хорошо, а что плохо. И пригла-

шать на эти семинары нужно ведущих писателей и поэтов страны, чтобы они разбирали, как у маленьких, тексты наших мэтров и подчёркивали, где нужно, красным карандашом. Чтобы потом не висели в людных местах процитированные Митрофановым «шедевры» и не учились наши школьники на уроках литературного краеведения стихосложению по убогим образцам.

Насчёт стипендий, которые теперь выплачиваются не всем понемногу, а только некоторым, но более увесистыми кучками, я предлагаю очень простое ноу-хау. Члены правления не должны их получать никогда: либо власть, либо деньги, нельзя же всё в одни руки. И будет видно, ради чего люди туда вошли — по велению души или… Давать не за «заслуги», а либо для публикации чего-то выдающегося, либо для поддержания особо нуждающихся литераторов, и не только тех, что в СПР. Три года назад в самом центре Тамбова умер от голода и отсутствия лекарств один из самых тонких поэтов-лириков Юрий Белов. Да, он пил (не такая уж это редкость), но пятьсот рублей в месяц, которые в то время получали все члены Союза, могли его спасти. Только Белов не был членом…

Чтобы было меньше подобных случаев, и нужна писательская организация. Неважно, сколько в ней человек, главное, чтобы они поддерживали друг друга, не грызлись между собой и не смотрели высокомерно как на вышедших на более высокие литературные уровни, так и на начинающих. А вот как излечить людей от гонора, зависти, жадности… Человечество применяло для этого разные средства, но за тысячелетия так и не выработало рецепт.

---

* В газете заголовок выглядел так: «Алфавит начинается с буквы “Я”?..»

** Сокращённые редакцией «Города на Цне» (догадайтесь, почему?) фрагменты выделены шрифтом.

*** Насчёт нищеты и обласканности: на писателей «демократического» крыла (Союз российских писателей) работают журналы «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Дружба народов», «Звезда», «Нева» и ряд др. Писатели-«патриоты» (Союз писателей России) могут печататься только в «Нашем современнике» и «Москве». И ещё: 99 % писателей, кочующих в составе государственной делегации с одной международной книжной ярмарки на другую, — из Союза российских писателей. И насчёт Тамбова поправка: члены СРП В. Руделёв, В. Кострикин, Н. Измайлова получали областные творческие стипендии.

**** Никогда в правление Тамбовского отделения СПР заявлений о постановке на учёт от матери и сына Веселовских не поступало.

Зинаида КОРОЛЁВА

ОТДЕЛИТЬ ЗЁРНА ОТ ПЛЕВЕЛ

Только в октябре состоится отчётно-выборное собрание в Тамбовской писательской организации, но борьба за кресло председателя идёт полным ходом и ведётся во всю мощь. Запас чёрной краски полностью иссяк — оппозиция замалевала ею не только председателя, членов правления, но и очернила всю писательскую организацию. Тот, кто привык поливать грязью других, действует по известному принципу: «Обольём, а они потом пусть отмываются». Но это принцип недальновидных людей. Думается, среди читателей «Города на Цне» найдётся немало светлых голов, способных отделить зёрна от плевел.

Давайте посмотрим, что было до прихода нынешнего состава правления писательской организации и что сделано за пять лет его работы.

Предшествующие десять-двенадцать лет работы писательской организации были похожи на подпольную работу. Писатели-энтузиасты Е. Я. Начас, В. Т. Дорожкина, В. С. Аршанский, Ал. М. Макаров, Л. А. Перцева, В. В Кравченко, В. И. Герасин и некоторые другие выступали по приглашениям в школах, в организациях, домах культуры. Но не было общего коллектива, не было массовых мероприятий, какой-либо материальной помощи писателям.

Зинаида Королёва родилась на Урале. Окончила Московский кооперативный институт. Работала на тамбовском заводе "Электроприбор".

Публиковалась в областных газетах, центральной газете для инвалидов "Надежда", в альманахах и коллективных сборниках. Автор более десяти книг прозы и стихов, вышедших в издательствах Тамбова.

Член Союза писателей России.

Можно сказать, что и писательской организации в Тамбове не было, тем более что она не была зарегистрирована. Может быть, это происходило оттого, что председатель был занят выпуском книг в своей частной «Книжной лавке писателя», доставанием средств для её работы?

Да, надо поблагодарить А. М. Акулинина за издание книг, когда не было возможности выпускать их в других местах. Но!!! Если бы за то, как они изданы, не было стыдно авторам. Если бы они выходили без ошибок! Правки редакторской, так же как и корректорской, не было. А в выпускных данных на каждой книге они значились….

В то время, особенно в начале 2000-х годов, общие собрания в организации проводились хорошо, если раз в год. Полный застой, штиль на винных парах. Писателям надоело такое положение. Тем более, что в стране произошёл поворот на возрождение. Вот тогда в конце 2003 года на отчётно-выборном собрании и проголосовали абсолютным большинством голосов за относительно молодого по писательским меркам (50 лет) активного прозаика, литературоведа, выпускника Московского университета и Высших курсов Литературного института Н. Н. Наседкина. Большинство писателей надеялись и ждали перемен. И надо признать, что надежды во многом оправдались.

Со всей энергией новое правление во главе с председателем взялось за возрождение писательской организации, начиная с приведения писательского офиса в Доме печати в надлежащий вид — здесь наконец-то прекратились шумные застолья. Был заново создан Литфонд. Издательское дело стало совсем иным, профессиональным, когда за издание книг взялся Литфонд во главе с Н. Н. Наседкиным. Причём почти всю работу по редактуре, оформлению, макетированию он делает сам, находя для этого время. Его надо поблагодарить за это, а оппонентам — к чему бы не придраться.

В издательстве Литфонда вышли замечательные книги, в которых опубликованы практически все члены Союза писателей России и не только: «Тамбовский писатель-2004», «Тамбовский рассказ», уже пять выпусков «Тамбовского альманаха», сборники молодых «Дети Солнца», «И хочется в полёт», начат выпуск серии «Поэтический Тамбов»…

При этом Николай Николаевич находил время и на собственное творчество. Я читала его роман «Люпофь», о котором так недоброжелательно отзываются оппоненты, и пришла к выводу: в книге каждый читатель увидел то, что хотел увидеть. Одни увидели только эротику и отбросили её в сторону, или, наоборот, с упоением пожирали строку

за строкой. А другие увидели внутреннее одиночество главного героя, его неустроенность в жизни и несчастную любовь его девушки. И все «острые» места в тексте опускались непроизвольно, а взгляд следил за ходом событий. Как же хотелось, чтобы женщины наконец-то поняли изболевшуюся душу героя и приласкали его. Имеет ли право такая книга на существование? Вероятно, да. Ведь есть же Мопассан, Золя, Набоков, их никто не запрещает, не уничтожает.

И тут же вспомнилась другая книга, выпущенная «Книжной лавкой писателя» в 1996 году — «Знак Венеры, или Зазеркалье», стихи эротоманки Галины К., которую стыдно в руки взять, потому что заполнена она исключительно скабрёзными строками и нецензурщиной. Не стала бы я напоминать о ней, да оппоненты заставили — ведь издатель в то время возглавлял писательскую организацию. Как мог он выпустить такую пошлятину? Да всё очень просто: под псевдонимом Галина К. спрятался его закадычный друг. И если провести аналогию с «Люпофью» Н. Наседкина, то последнюю по языку изложения и содержанию можно отнести к чистейшей литературе.

Так вам ли судить, господа оппоненты? Зачем свои грехи перевалливать на других?

Но давайте продолжим список дел, осуществлённых новым правлением — оппоненты ввели в заблуждение читателей, и требуется разъяснение.

При городской библиотеке им. Н. К. Крупской создан и действует клуб «Свеча», руководимый членом писательского правления Е. Я. Начасом, в котором совместно с коллективом библиотеки проводятся встречи, творческие вечера.

В областной библиотеке им. А. С. Пушкина писательская организация регулярно проводит презентации книг, творческие вечера, встречи с приезжими литераторами из других городов. Аналогичные встречи проводятся и в областной детской библиотеке. Этой библиотеке повезло тем, что у них работает Валентина Тихоновна Дорожкина (заместитель председателя нашего писательского правления). Ею создано литературное объединение «Тропинка», где она занимается с одарёнными детьми. «Тропинка» вышла на всероссийский уровень и получала множество призов. Её воспитанницы вступают в Союз писателей России.

И другие члены правления — Л. А. Перцева, В. С. Аршанский, Л. И. Котова — активно работают на всю писательскую организацию и при этом по праву получают стипендии как «творческие передовики»:

выпускают свои книги, публикуются в газетах, альманахах, коллективных сборниках, участвуют во всех коллективных литературных мероприятиях…

А теперь ещё о творчестве Н. Н. Наседкина. Практически все его произведения печатались в престижных журналах «Наш современник, «Нева», «Урал», «Подъём» и других, книги выходили в столичных издательствах и даже за рубежом. Перечисление займёт много места, но самые значимые я отмечу:

Сборники повестей и рассказов «Осада», «Криминал-шоу», романы «Алкаш», «Меня любит Джулия Робертс» и другие вышли в крупнейших московских издательствах «Голос», «АСТ», «СовА». В столице же изданы «Самоубийство Достоевского» и уже дважды энциклопедия «Достоевский». Пьеса «Город Баранов» стала дипломантом двух Международных фестивалей драматургии и получила вторую премию Международного конкурса пьес «Евразия-2004». В Польше вышел роман «Меня любит Джулия Робертс», также готовятся к изданию на польском языке роман «Алкаш», энциклопедия «Достоевский». Последняя вышла и в Черногории на сербском языке…

Кстати, за создание этой уникальной энциклопедии Н. Наседкин недавно награждён медалью и дипломом Всероссийской премии «Хрустальная роза Виктора Розова».

Длинным получился даже краткий выборочный список, но очень бы не хотелось, чтобы в редакции «Города на Цне» его сократили, ибо он служит подтверждением того, что Тамбовскую писательскую организацию возглавляет отнюдь не «литератор четвёртого ряда», как пытаются представить недоброжелатели и завистники Н. Наседкина.

Кто ж это в Тамбове тогда в первых рядах-то стоит — уж не те ли, кто затеял эту некрасивую дискуссию?!

Николай НАСЕДКИН

ТОЧКИ НАД «i»

Вообще-то в интеллигентной **культурной среде*** существует хорошее правило: если на тебя лают собаки, не стоит опускаться на четвереньки и лаять в ответ. На Востоке это звучит мягче: собаки лают, караван идёт. Ну да мы не на Востоке, да и мне, признаться, надоело быть мягким — что называется, достали! Полаю. Ибо задели, облили грязью не столько меня, сколько областную писательскую организацию.

Уважаемая мною интеллигентная газета «Город на Цне» дискуссию о якобы сложившейся в Тамбовском отделении Союза писателей России нездоровой обстановке начала заметкой Олега Алёшина под убойным заголовком в духе 1937-го года «Нам не по пути» (№ 23, 4 июня 2008 г.). В следующем номере наезд на областную писательскую организацию продолжил некий А. Митрофанов. Затем в этот странный «диспут» зачем-то вступил мэтр А. Акулинин и свою странную поварёшку дёгтя в котёл «дискуссии» плеснул-вывалил…

Понятно, что каждый из этих диспутантов смотрит на положение дел со своей колокольни, только, судя по всему, колокольни их (минареты, синагоги) стоят в таких тёмных местах, что оттуда данным господам-товарищам плоховато видно.

Николай Наседкин родился в 1953 году в Сибири. Окончил Московский университет им. М. В. Ломоносова и Высшие литературные курсы при Литинституте им. А. М. Горького. С 1982 года живёт в Тамбове.

Публиковался в журналах «Наш современник», «Нева», «Урал», «Подъём», «Южная звезда», «Российский колокол» и др.

Автор книг «Осада», «Криминал-шоу», «Алкаш», «Меня любит Джулия Робертс», «Люпофь», «Самоубийство Достоевского», «Достоевский: Энциклопедия» и других, вышедших в издательствах Москвы, а также Польши и Черногории.

Председатель правления Тамбовской писательской организации. Секретарь Правления Союза писателей России.

Для начала: а судьи кто?

Алёшина именуют-представляют в газете то «литератором», то «писателем», то «поэтом». Увы, эти лестные эпитеты-титулы мало соответствуют действительности. Алёшин в литературе, мягко говоря, — никто, пустое место, ноль. Зато амбиций — на трёх Пушкиных хватит. В 2001 году на региональном семинаре молодых литераторов в Белгороде его приняли в Союз писателей, так сказать, авансом, как подающего кой-какие надежды. Разглядел в нём эти надежды в основном, видимо, тогдашний руководитель нашей писательской организации. За семь минувших после этого лет надежды наш уже почти 45-летний «пиит» материализовал в 40-страничный сборничек стишков «Антоновы песни» размером с записную книжку, изданный за счёт автора. Всё. О каких-либо достоинствах «поэзии» речи вообще нет: думается, ни сам Алёшин, ни его опекун Акулинин, ни читатели-родственники не считают эту стихотворную брошюрку поэтическим достижением.

Признаться, когда Олег подал заявление о выходе из состава Тамбовской писательской организации, я чуть было не зауважал его: ну, подумал, проснулась совесть у парня, понял, что ни с какого боку не соответствует он званию писателя, самому надоело играть роль балласта в творческой организации… А оно вон чего: ему, оказывается, с другими — настоящими — писателями не по пути, мелковаты они для него в качестве попутчиков!

С г-ном Митрофановым сложнее: он у нас — «гимнюк» (словечко-эпитет Твардовского о Михалкове) местного разлива, да и книжечек настрогал поболее и повесомее. Но здесь другая запятая: дело в том, что г-н Митрофанов к Тамбовской писательской организации отношение имеет весьма и весьма косвенное. На общем собрании однажды рассматривалось заявление самодеятельного поэта-сатирика Митрофанова о приёме в СП. При тайном голосовании из 24-х необходимых голосов (2/3 от 35 членов писательской организации) сей господин набрал всего 14 голосов «за» и 21 «против», так что в приёме ему было отказано. Вместо того, чтобы в соответствие с Уставом СП и Правилами приёма дождаться выхода следующей книги и повторить попытку, как это делали до него многие другие, Митрофанов нашёл обходные пути и, спустя время, принёс в правление Тамбовской организации готовый писательский билет, выписку из решения о том, что его якобы приняли в Союз писателей в Москве (хотя там всего лишь утверждают решения по приёму региональных собраний и всерос-

сийских семинаров), и потребовал поставить его на учёт. Естественно, единогласным решением всех семи членов правления ему в этом было отказано. Ведь подавляющее большинство тамбовских писателей ясно заявили, что не считают его профессиональным литератором-коллегой, да ещё он устав и правила нашего «монастыря» соблюдать с первых шагов не собирается, а надо же — просится, требует: возьмите меня к себе в сотоварищи, я хочу с вами жить и работать. Теперь же вот и вовсе придумал через газету со своим уставом в чужой монастырь вломиться — диктовать начал: кого нам в настоятели избирать, какие книги издавать, каким богам молиться…

Бред!

С Акулининым случай и того сложнее. Александр Михайлович до этого более десяти лет возглавлял писательскую организацию, и вот почти пять лет назад опять же подавляющим числом голосов тамбовские писатели его переизбрали. И седобородый человек, право слово, как ребёнок, никак не может пережить ту «обиду», организовывая и подогревая немногочисленную оппозицию в писательской организации. Ну только представить себе, если б после последних президентских выборов В. В. Путин взялся всячески мешать вновь избранному Президенту, начал собирать оппозиционные группировки на своих домашних «средах» или «пятницах», писать в газеты «обличительные» статейки…

Впрочем, сравнение-аналогия несколько хромает: Владимир Владимирович передал Дмитрию Анатольевичу страну-хозяйство на подъёме, а наш Александр Михайлович довёл писательскую организацию до того, что она, по образному выражению одного из старейших тамбовских писателей И. Елегечева, «лежала на боку». Достаточно сказать, что она даже не была зарегистрирована и являлась по сути самодеятельным литературным кружком, таким же, как пресловутая акулининская «Литературная пятница».

Новое правление не только осилило-осуществило эпопею регистрации Тамбовского регионального отделения ООО «Союз писателей России», но и возродило Тамбовское отделение Литфонда, без которого писательская организация, может быть, и не выжила бы. Новое правление создало-открыло при Литфонде писательское издательство, которое уже прочно завоевало репутацию самого профессионального издательства в Тамбове. Основано и начало регулярно выходить издание по типу «толстого» журнала под названием «Тамбовский альманах» — только что из типографии получен 5-й номер. Новому правле-

нию удалось «пробить» творческие стипендии, о чём ранее тамбовские писатели и не мечтали. Писатели-юбиляры теперь благодаря хлопотам правления получают по 30 тысяч рублей на издание книги и материальную помощь в 5 тысяч. Возродились массовые литературные праздники, вечера, презентации новых книг. Об активной работе Тамбовской писательской организации из номера в номер пишет-сообщает столичная «Литературная газета», ставя нас в пример другим регионам…

Впрочем, Алёшину сотоварищи всё это преотлично известно. И все их недовольства-претензии смехотворны. Недовольны, к примеру, что стипендий на всех не хватает? Но ведь три года их получали в Тамбове только писатели, и ещё в прошлом году их хватало на всех, в том числе и на упоминаемого Остроухова и самого Алёшина. Разве есть вина правления писательской организации в том, что администрация области с этого года его почин распространила на все творческие союзы, и теперь, естественно, 50-ти стипендий на всех писателей, художников, артистов (человек 200!) не хватает.

Пытаются «диспутанты» уверить читателей газеты, будто председатель писательской организации, сатрап и деспот, все решения принимает единолично. Это уж совсем напраслина: практически каждый месяц, а то и чаще, собирается правление, строго раз в 3—4 месяца проходят общие собрания, на которых и решаются все важные вопросы: кого на учёт поставить, кого в Союз писателей принять, кого на премию выдвинуть…

И последнее. Диспутантам не нравится моё творчество и особенно почему-то книга «Люпофь», вышедшая в московском издательстве «Голос-Пресс» два года назад. Что ж, о вкусах не спорят. Я знаю многих людей, которым не нравится проза Л. Толстого, Достоевского и даже Акулинина. И я, можно сказать, благодарен им за бесплатный пиар. Странно только, что «критики» мои обсуждают не художественные достоинства или недостатки книги — им, видите ли, не нравится, что в романе моём герои влюбляются, целуются и (о ужас!) порой занимаются сексом. Видно, оппоненты мои ходят в ближайших родственниках той странной дамочки, которая на заре перестройки заявила на весь свет по телевидению, будто у нас в стране секса нет. Что ж, если у них нет ни любви, ни секса — это их проблемы. Хуже, когда они свои личные комплексы выплёскивают на страницы газеты.

И я хочу попросить прощения у читателей газеты, у любителей литературы вот за эту, с позволения сказать, «дискуссию». Так не хо-

телось на неё отвлекаться! Уже немало сделано, но впереди дел ещё больше. Только что писательская организация в рамках социального заказа области выиграла по конкурсу грант в двести тысяч рублей на реализацию программы под названием «Возрождение литературных традиций проведения Недель поэзии и праздников литературы на территории Тамбовской области».

И мы её реализуем. Только не мешали бы те, кто не желает идти с нами по этому пути.

---

* Данная «дискуссия» публиковалась в газете «ГнЦ» под рубрикой «Культурная среда», и редакция обещала расставить все точки над «i».

Литературная газета

ТАМБОВ НА СТРАНИЦАХ «ЛГ»

В последние годы авторитетная во всём мире «Литературная газета» (тираж почти в полтораста тысяч экземпляров, помимо России и стран Ближнего Зарубежья, распространяется в США, Германии, Англии, Испании, Греции, Израиле и др.) довольно часто сообщала о буднях и праздниках Тамбовского отделения Союза писателей России.

Сегодня мы перепечатываем часть этих материалов в «Тамбовском альманахе» — своеобразный дайджест для истории.

В писательских организациях

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

В октябре 2003 года в Тамбовском отделении Союза писателей России переизбрали правление. Новому руководству удалось восстановить местное отделение Литфонда России. А при Литфонде тут же создали издательство. Первой книгой стал сборник молодой талантливой поэтессы Елены Луканкиной «Искусство крика». Затем вышел уникальный том под названием «Тамбовский писатель-2004». Заметное издание в 640 страниц включило в себя стихи и прозу практически всех членов отделения. Подобного в Тамбове не было. Да и по России подобный опыт вряд ли широко распространён. Книга стала визитной карточкой, творческим портретом Тамбовской областной писательской организации. По задумке правления такие сборники должны выходить каждые пять-шесть лет. Дай-то Бог! А о самом издательстве уже пошли хорошие слухи, на сегодняшний день образовалась целая очередь заказчиков. За прошедший год только 17 членов Тамбовской писательской организации выпустили 21 книгу. А уж издания самодеятельных авторов и подсчитать невозможно.

Помимо новых книг появлялись в этом году регулярные литературные полосы, подготовленные писательской организацией, на страницах газет «Новая Тамбовщина», «Тамбовская жизнь», её приложения «Наедине». При организации работают литературно-творческие объединения «Тропинка», «Радуга». При Центральной городской библиотеке имени Крупской создан литературный клуб «Свеча». В планах организации, помимо прочего, — проведение областного семинара молодых писателей, создание в Интернете своего сайта, выпуск альманаха, областной литературной газеты и открытие литературной консультации для начинающих писателей.

«ЛГ», 2004, № 48.

Литературный курьер

На Тамбовщине широко отметили 130-летие со дня рождения С. Н. Сергеева-Ценского. В областной библиотеке им. А. С. Пушкина прошла юбилейная конференция, а затем праздник переместился на родину писателя-земляка в село Коптево Рассказовского района, где были открыты комната-музей и памятная доска в честь автора «Преображения России» и «Севастопольской страды». В юбилейных торжествах приняли участие гости из Москвы: поэт, проректор Литинститута Валентин Сорокин и писательница Лидия Сычёва.

«ЛГ», 2005, № 44.

* * *

Тамбовская областная библиотека им. А. С. Пушкина стала местом презентации полилогии Петра Алёшкина «Русская трагедия». Автор рассказал о новых книгах и деятельности писателей-реалистов из «Группы 17», представил книгу Валерия Куклина «Русская трагедия глазами русских писателей». Вёл вечер руководитель Тамбовской писательской организации Николай Наседкин.

«ЛГ», 2005, № 44.

* * *

Тамбовское отделение Союза писателей России вслед за пилотным номером «Тамбовского альманаха» выпустило первый номер местной «Литературки» под названием «Цнинские просторы». Газета отпечатана

в цвете, объёмом 16 полос и знакомит читателей с самыми свежими произведениями местных авторов. Первый номер вышел пробным тиражом 500 экземпляров при поддержке спонсоров. Писатели надеются, что газета станет более массовым и периодическим литературным изданием.

«ЛГ», 2006, № 9.

* * *

В Тамбовской городской библиотеке им. Н. К. Крупской состоялась встреча читателей с Петром Алёшкиным.

Писатель рассказал о деятельности литераторов-реалистов из «Группы-17», работе над эпопеей «Россия», прочитал свои новые рассказы, ответил на вопросы о современном состоянии русской литературы. Вёл вечер руководитель Тамбовской писательской организации Николай Наседкин.

«ЛГ», 2006, № 11—12.

* * *

Литературным праздником стало чествование известного тамбовского поэта Александра Макарова в день его 60-летия. Он — лауреат премий журналов «Наш современник» и «Подъём», автор многих сборников стихов, вышедших в издательствах Москвы, Воронежа и Тамбова. В гости к юбиляру в самую глубинку Тамбовщины с. Староюрьево приехала делегация поэтов, прозаиков и журналистов из областного центра во главе с начальником управления культуры области С. Чеботарёвым и председателем Тамбовской писательской организации Н. Наседкиным.

«ЛГ», 2006, № 32.

* * *

В Тамбове состоялось заседание комиссии по присуждению областных премий. Среди награждённых — два писателя, члены Тамбовского отделения Союза писателей России. Поэт Евстахий Начас удостоен премии имени В. А. Баратынского, а прозаик и публицист Валерий Аршанский — премии имени А. К. Воровского.

«ЛГ», 2006, № 32.

* * *

На общем собрании тамбовских писателей была принята в СП России Мария Знобищева, получив почти единодушное «за» при голосовании. В

этом не было бы ничего необычного, но дело в том, что юной поэтессе всего 19 лет, так что случай вполне уникальный. Маша – студентка 3-го курса университета. Она была участницей форума молодых литераторов в Липках и слёта «Дети Солнца» в Москве. У неё только что вышел уже пятый (!) сборник стихов «Зелёная волна», а журнал «Наш современник» в своём юбилейном 10-м номере представил Машу Знобищеву всероссийскому читателю солидной подборкой стихов.

«ЛГ», 2006, № 46.

* * *

Нечасто писателя из провинции приглашают за рубеж. В октябре приглашение из Черногории получил тамбовский прозаик и литературовед Николай Наседкин. Там выпустили в переводе на сербский его энциклопедию «Достоевский» (до этого вышедшую в московском издательстве «Алгоритм») и пригласили автора на презентацию. Литературный вечер состоялся в стенах Подгорицкого университета. На следующий день Николай Наседкин выступил перед студентами и преподавателями с лекцией о творчестве Достоевского.

«ЛГ», 2006, № 46.

* * *

Тамбов отметил 370-летие со дня основания. К этому дню вышел сборник «Вчера и сегодня» с подзаголовком «Родной город в прозе и драматургии тамбовских писателей». Он включил в себя жизнеописания тамбовских губернаторов «Хроники былого» В. Селивёрстова, историческую повесть «Падение стены» А. Акулинина, пьесу о Державине (который был тамбовским наместником) «Что есть истина…» И. Елегечева, «сцены из современной жизни» «Город Баранов» Н. Наседкина и другие произведения, отражающие вчерашний и сегодняшний день старинного русского города.

«ЛГ», 2007, № 26.

* * *

Тамбовская писательская организация совместно с областным управлением культуры и архивного дела основали новую поэтическую серию «Литературные родники Тамбовского края». В её рамках намечено опубликовать наследие поэтов, оставивших заметный след не только в тамбовской, но и российской литературе. Первые два тома серии уже вышли

из печати. Это сборники Семёна Милосердова «Халцедон» и Майи Румянцевой «Неоткрытая глубина».

«ЛГ», 2007, № 26.

* * *

В Тамбовской областной библиотеке имени А. С. Пушкина состоялось чествование известного писателя Ивана Елегечева в честь его 80-летия. Иван Захарович первую половину жизни прожил в Томске, там стал писателем, возглавлял местное отделение Союза писателей СССР, а с 1976 года живёт в Тамбове. На сибирском материале им созданы такие романы, получившие в своё время широкую известность, как «Таёжники», «Зима» (о протопопе Аввакуме), «Мангазея», «В русском лесу». На Тамбовской земле прозаик написал исторические романы «Губернатор» (о Г. Р. Державине), «Оккупация» (об Антоновском восстании), пьесу «Что есть истина…», которая прославила в середине 1980-х Тамбовский театр во время московских гастролей…

К юбилею И. Елегечева при поддержке областной администрации издаётся эпопея «Голгофа» о перестроечных годах России, над которой писатель работал последние десять лет.

«ЛГ», 2007, № 27.

* * *

На Тамбовщине прошли традиционные чтения в честь поэта Вячеслава Богданова, которому в этом году исполнилось бы 70 лет. Родился он под Тамбовом, жил и взрослел на Урале, погиб в роковые 37 лет в Москве. Как всегда, на этот праздник к тамбовским землякам В. Богданова приехали гости из столицы: поэты Валентин Сорокин, Максим Замшев, Евгений Белозёров, двоюродный брат Вячеслава Виктор Сошин, известный писатель из Воронежа Иван Евсеенко. В литературных вечерах в самом Тамбове и на малой родине В. Богданова в селе Мордово приняли участие работники культуры и тамбовские писатели Николай Наседкин, Валентина Дорожкина, Татьяна Курбатова, Елена Луканкина, Мария Знобищева. Гости по традиции подарили и районной библиотеке, и музею Вячеслава Богданова свои новые книги.

«ЛГ», 2007, № 49.

* * *

В Тамбове при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, администрации Тамбовской области и Тамбовского

отделения Союза писателей России прошёл грандиозный Фестиваль чтения для детей и подростков «Вместе с книгой – в Новый год!». На фестиваль из Москвы приехали известные детские писатели Валерий Воскобойников, Сергей Георгиев, Артур Гиваргизов, Тамара Крюкова, Елена Нестерина и сам Эдуард Успенский. В течение недели они совместно с тамбовскими коллегами провели десятки встреч с юными тамбовчанами в школах, детских домах, библиотеках области. В рамках фестиваля прошёл Круглый стол «Современная детская литература» в стенах областного драматического театра, участники которого пришли к единодушному мнению: несмотря ни на что, детская литература жива и будет жить.

«ЛГ», 2007, № 51.

* * *

Творческая встреча прошла в стенах Тамбовской духовной семинарии: в гости к семинаристам и преподавателям по их приглашению пришёл Николай Наседкин, который в настоящее время возглавляет Тамбовскую писательскую организацию. В конце 2007 года тамбовский литератор стал дипломантом премии «Хрустальная роза Виктора Розова» за создание уникальной энциклопедии «Достоевский». На встрече с будущими священнослужителями Н. Наседкин рассказал о работе над энциклопедией, о творчестве Ф. М. Достоевского. Оказалось, что пятикурсник Антон Архипов работает над дипломным проектом, посвящённым творчеству русского классика.

«ЛГ», 2008, № 1.

* * *

Постановлением Тамбовской областной Думы в 2008 году учреждены 50 творческих стипендий размером от 10 до 50 тысяч рублей в целях стимулирования творческой активности и материальной поддержки работников культуры и искусства, членов Тамбовских отделений творческих союзов России. Решением конкурсной комиссии из общего числа стипендий почти половину – двадцать – получат члены Тамбовского отделения Союза писателей России. Самая весомая, в 50 тысяч рублей, присуждена известной на Тамбовщине поэтессе, создателю и руководителю детского литературно-творческого объединения «Тропинка» Валентине Дорожкиной. «ЛГ» призывает законодательные собрания всех наших регионов равняться на тамбовцев!

«ЛГ», 2008, № 27.

* * *

Тамбовская писательская организация на конкурсной основе выиграла в рамках социального заказа области лот стоимостью в 200 тысяч рублей под названием «Возрождение литературных традиций проведения Недель поэзии и праздников литературы на территории Тамбовской области». Программа возрождения литтрадиций, предложенная на конкурс правлением писательской организации, включает в себя ряд поэтических фестивалей в городах и районах области с участием известных поэтов из Москвы, выпуск спецномера «Тамбовского альманаха», посвящённого детской литературе, создание в Интернете сайта Тамбовского отделения Союза писателей России и много других интересных пунктов-задумок.

«ЛГ», 2008, № 28.

Круг чтения

ДЛЯ ВСЕХ ПОКОЛЕНИЙ

В Тамбове вышел первый номер периодического издания под простым и понятным названием «Тамбовский альманах». Главный редактор — председатель правления Тамбовского отделения Союза писателей России Николай Наседкин — предполагает, что периодичность альманаха будет не менее двух номеров в год. Главное, чего хотелось добиться издателям, чтобы он был интересен читателям молодым. В этом плане, конечно, главы из криминально-детективного романа «Паутина» о событиях в Чечне Михаила Гришина и «компьютерная» пьеса самого Николая Наседкина «Джуроб» рассчитаны на одного читателя, а рассказы прозаиков более старшего поколения Аркадия Макарова и Зинаиды Королёвой — на другого.

Всего в первом номере альманаха семь разделов: «Проза», «Поэзия», «Драматургия», «Юность», «История», «Критика» и «Юмор».

Финансировала первый номер альманаха администрация Тамбова.

«ЛГ», 2006, № 7-8.

Губернские страницы

«Тамбовский альманах», № 2. — Тамбов: Издательство Тамбовского отделения ОООП «Литфонд России», 2006.

Всё увереннее чувствует себя недавний дебютант нашей рубрики. Как и предполагал его главный редактор председатель правления Тамбовского отделения Союза писателей России Николай Наседкин, альманах становится периодическим изданием. До конца года планируется выпустить ещё два номера. Средства на это уже выделила администрация города. Помимо ранее заявленных разделов «Проза», «Поэзия», «Драматургия», «Юность» появились и новые: «Юбилеи» и «Тамбову — 370». Открывает альманах беседа с Николаем Наседкиным «Писатели покоряют Internet». Сильна поэтическая составляющая номера. Наряду с местными авторами место на страницах альманаха нашлось и гостям: публикуется рассказ «Сны Ивана» московского писателя Петра Алёшкина, перепечатаны из «Литературной газеты» проблемные статьи критиков Сергея Казначеева и Надежды Горловой о молодой поэзии и прозе современной России.

«ЛГ», 2006, № 29.

* * *

«Тамбовский альманах», № 3. — Тамбов, 2007.

Новые рассказы Анатолия Косневича и Валерия Кудрина, стихи Валерия Маркова, Олега Алёшина и Татьяны Курбатовой напечатаны в разделах «Проза» и «Поэзия».

В критическом разделе — три мнения московских писателей Александра Трапезникова и Екатерины Донец и тамбовского прозаика и критика Нины Веселовской о романе Николая Наседкина «Люпофь» (о котором писала и «Литературка»), а также обзор новых книг женской лирики Марии Знобищевой под названием «Проливная нежность».

Характерная особенность альманаха — наличие разделов «Драматургия» и «Юность». В первом опубликована пьеса «Джаз до конца» рано ушедшего из жизни Игоря Лавленцева, а в «молодёжном» разделе представлены юные поэты, авторы сборника «Дети Солнца» (о котором «ЛГ» тоже писала) – каждый одним стихотворением и фото; также две поэтессы, Татьяна Софинская и Елена Владимирова, вынесли на суд читателя свои поэтические внушительные по объёму подборки, а начинающий прозаик К. Киламов – фантастический рассказ «Выбор».

Завершает номер рубрика «Литжизнь», где рассказывается о нашумевшей «Группе 17», возглавляемой московским писателем и издателем

Петром Алёшкиным, и дана хроника литературной жизни Тамбова и его окрестностей за последнее время.

«ЛГ», 2007, № 28.

* * *

«Тамбовский альманах», № 4. — Тамбов, 2007.

Основой альманаха стали прозаические произведения: повести тамбовских писателей Бориса Панова и Николая Наседкина, рассказы Владимира Сашина и новелла 20-летней Марии Знобищевой, публицистика и мемуары Валерия Аршанского и Юрия Расстегаева.

В разделе «Поэзия» обращает на себя внимание историческая поэма Ивана Акулова «Главная площадь», стихи Вячеслава Богданова, а также подборки стихов Симоны Ландау, Ларисы Астаховой и Марины Струковой.

Драматургия представлена пьесой «Принцесса-русалочка» Андрея Кружнова, а в «молодёжной» рубрике «Юность» — творчество трёх юных поэтесс: Юлии Носовой, Елены Захаровой и Елены Антошкиной.

Завершает номер рубрика «Литжизнь», рассказывающая о буднях тамбовских писателей.

«ЛГ», 2008, № 11.

Блиц-рецензия

ЭЛЕКТРОННЫЕ СТРАСТИ

Николай НАСЕДКИН. Люпофь. Email-роман. – М.: Голос-Пресс, 2006. – 364 с.

Читатель, соскучившийся по эпистолярным романам, ныне обрёл возможность узреть их новейшую ипостась: email-романы. Отличие последних от предшественников — в их большей откровенности, практически в обнажённости. Поскольку электронное послание адресовано единственному читателю, в то время как обычное письмо может оказаться в чужих руках. Как признаётся автор, «в основу романа «Люпофь» положена подлинная email-переписка». Что и придаёт ему достоверность и жизнен-

ность. Ну а сюжет? Почти банальный, но вечный и неизменно трагический — любовь пожилого мужчины и девушки. А может ли между людьми разных поколений с разницей в возрасте в три десятка лет вспыхнуть настоящая любовь? Может ли она быть счастливой? Кто из двоих виноват и виноват ли, если чувство умирает? Можно ли пережить крушение любви и продолжать жить-существовать? Что есть предательство в любви? Замена букв в слове «Любовь» объясняется тем, что слишком откровенные слова в интимной переписке автор смягчил пропуском букв или многоточием. Но всё равно получился роман о любви. Каковой и вам желаем, дорогой наш читатель.

«ЛГ», 2006, № 29.

* * *

БЫТЬ ПОДОЛЬШЕ ЗЕЛЁНЫМИ

Дети Солнца. Поэзия молодых / Редактор-составитель Н. Наседкин. – Тамбов: Издательство Тамбовского отделения ООПП «Литфонд России», 2006. – 480 с.

«Дети Солнца» — так назывался Всероссийский слёт молодых литературных талантов, впервые прошедший в 2004 году. Тогда, пройдя строжайший отбор, на него попали трое тамбовских поэтов — Елена Луканкина, Геннадий Грезнев и Роман Кузьмин. На третьем слёте тамбовскую литературу представляли аж семеро молодых поэтов — Алексей Багреев, Антон Веселовский, Елена Захарова, Мария Знобищева, Ольга Кулькова, Татьяна Мещерякова и Александра Николаева. Как отмечает во вступительном слове редактор-составитель книги, председатель правления Тамбовской писательской организации Николай Наседкин: «Итак, на сегодняшний день у нас в Тамбове имеется уже целая плеяда «солнечных детей», которые, можно сказать, произвели фурор в столице…» Да, первые лучи коснулись их юных голов. Что с молодыми дарованиями дальше станется? Будущее попытался прозреть Антон Веселовский:

Кто-то станет дубами, кто клёнами,
Кто согнётся ветлой у пруда,
Быть бы только подольше зелёными —
Пожелтеть мы успеем всегда.

«ЛГ», 2007, № 28.

Событие

«ДЕТИ СОЛНЦА»

В издательстве Тамбовского отделения Литфонда России вышел уникальный поэтический сборник под названием «Дети Солнца». В него вошли стихи десяти юных тамбовских поэтов, которые в своё время прошли конкурсный отбор и стали участниками слётов «Дети Солнца» в Москве.

Первый такой слёт прошёл в сентябре 2004 года. Организовала его Московская писательская организация (Союз писателей России), но тут же выяснилось, что по количеству желающих принять в нём участие и по географии адресов, откуда начали поступать в конкурсную комиссию творения юных поэтов и прозаиков, слёт приобретает статус Всероссийского, хотя формально приглашались на него таланты столицы и Подмосковья.

Отбор был строжайшим, и потому особенно приятно, что сразу трое тамбовских поэтов попали на 1-й исторический слёт — Елена Луканкина, Геннадий Грезнев и Роман Кузьмин..

Во 2-м слёте «Дети Солнца», к сожалению, юные тамбовчане не участвовали. Зато на 3-й прошли конкурсный отбор аж семеро (!) наших молодых поэтов — Алексей Багреев, Антон Веселовский, Елена Захарова, Мария Знобищева, Ольга Кулькова, Татьяна Мещерякова и Александра Николаева.

Итак, на сегодняшний день у нас в Тамбове имеется уже целая плеяда «солнечных детей», которые, можно сказать, произвели фурор в столице, получили рекомендации для вступления в Союз писателей, их стихи и проза появились в центральных газетах и журналах. И тут стоит сказать, что все наши участники слётов — люди в литературе уже не случайные, все они воспитанники тамбовских литобъединений «Радуга», «Тропинка», «Откровение»; почти у всех наших «детей Солнца» имеются изданные книжки, а у некоторых даже несколько.

Московские слёты очень много дали нашим юным дарованиям. Они намного увереннее и, если можно так выразиться, профессиональнее чувствуют себя в литературе, всё активнее участвуют в литературном процессе, литературной жизни Тамбовщины. Елена Луканкина и Алексей Багреев приняты в Союз писателей России и стали полноправными членами Тамбовской писательской организации, получают творческие писательские стипендии (гранты). Антону Веселовскому вручили членский билет в Московской писательской организации (он прописан в столице). Думаю, в ближайшее время ряды писательского союза пополнят Мария Знобищева, Геннадий Грезнев и другие «солнечные дети».

Проект издания стихов тамбовских «Детей Солнца» под одной обложкой победил в конкурсе и получил грант Управления культуры и архивного дела Тамбовской области. Денег хватило, чтобы издать солидный том в твёрдом переплёте тиражом в 1000 экземпляров. Большая часть тиража поступит в библиотеки области. Так что тамбовские любители поэзии при желании смогут убедиться, что литературное пополнение у нас достойное.

Дай Бог нашим юным талантам новых достижений и дальнейшего творческого роста!

«ЛГ», 2006, № 41.

Колонка на троих

ВОПРОСЫ:

1. Над чем вы сейчас работаете?

2. Как складывается журнально-издательская судьба ваших произведений?

3. Какие работы ваших товарищей и коллег по перу вас порадовали или огорчили?

Николай НАСЕДКИН, прозаик, литературовед, руководитель Тамбовской писательской организации:

1. У меня начаты рукописи (точнее — компьютерописи) двух вещей. Это документальная повесть «Иск, или Уроки одной судебной тяжбы» — о нашей вялотекущей судебной реформе, с конкретными советами тем бедолагам, кого судьба втянула в болото судебной тяжбы. И также написаны первые главы романа под условным пока названием «Люпофь». К сожалению, с тех пор, как меня чуть более года назад избрали председателем Тамбовской писательской организации, собственное творчество отодвинулось не то что на второй — на десятый план.

2. Уж мне-то, провинциальному автору, пока жаловаться грех: за последнее время (в XXI веке) вышли четыре моих книги в московских издательствах «АСТ», «Алгоритм» и ростовском «Фениксе», да плюс две книги в Тамбове. Среди них — энциклопедия «Достоевский» (М.: Алгоритм, 2003). Когда я смотрю на этот 800-страничный фолиант, у меня, выражаясь по-современному, крыша едет: неужели это создал я?! Кроме того, в

последние два года появились мои публикации прозы и работ о Достоевском в «толстых» журналах «Нева», «Наш современник», «Урал», «Южная звезда». Есть, конечно, и ложка дёгтя: мой роман «Меня любит Джулия Робертс», который вот-вот должен выйти в Польше, лежит в одном из московских издательств уже третий год и никак не родится в виде книги, а пьеса «Город Баранов», которая получила два диплома и премию на международных драматургических фестивалях и конкурсах, никак не дойдёт до зрителя даже на сцене тамбовского театра, хотя и принята к постановке: нет средств.

3. Не пропускаю романов из цикла «Русская трагедия» моего давнего товарища Петра Алёшкина. Внимательно слежу за стремительной творческой карьерой моего сокурсника по Высшим литературным курсам Игоря Тюленева из Перми. Из «достоевсковедов» самым оригинальным, глубоким и, скажем так, стилистически интересным считаю Игоря Волгина. Ну и, конечно, меня как тамбовского «литвождя» не могут не радовать успехи целой плеяды совсем молодых наших поэтов, заявивших о себе в последнее время победами в творческих конкурсах и публикациями в московских газетах и журналах. Я надеюсь, что имена Елены Луканкиной, Марии Знобищевой, Геннадия Грезнева, Романа Кузьмина скоро станут широко известны на Тамбовщине, а может быть, и, дай Бог, всероссийскому читателю.

ТАМБОВ

«ЛГ», 2005, № 14.

* * *

Валентина ДОРОЖКИНА, поэт:

1. Ещё в начале своей творческой деятельности я твёрдо решила: если не стану хорошим поэтом, то хорошим пропагандистом хорошей поэзии буду обязательно. И уже много лет занимаюсь этим, как говорится, «и письменно, и устно». На областном радио 15 лет веду рубрику «Забытые и возвращённые имена» (сейчас готовлю очередную передачу о поэтах серебряного века, связанных с Тамбовским краем). В конце 2006 года областным управлением культуры и архивного дела совместно с писательской организацией основана серия «Литературные родники Тамбовского края», главным редактором которой я являюсь. Подготовлены книги поэтов Майи Румянцевой, Семёна Милосердова, Ивана Шамова. Работаю также над коллективным сборником стихов местных авторов – к 70-летию области.

Что касается собственного творчества, то в настоящее время готовлю сборник стихотворений, написанных за последние два года, книгу очер-

ков «Мне везёт на хороших людей» – о незабываемых встречах с теми, кто оставил след в моей жизни.

2. Не так давно вышел томик моего «Избранного». За последний год подборки стихов опубликованы в столичном журнале «Российский колокол», в региональном «Подъёме», в нашем «Тамбовском альманахе», в коллективном сборнике «Русь, оставайся святой!..» Готовы к изданию новые поэтические сборники, хотелось бы их издать, но надежда на это очень слабая из-за пресловутой «материальной стороны».

3. К огорчению, выходит немало книг, очень далёких от той литературы, которую мы называем художественной. Авторы либо сами имеют средства на издание, либо находят спонсоров; так что «литературного мусора» ежегодно появляется много, а он идёт ведь в библиотеки! Но, слава Богу, есть и радостные моменты: изданы сборники стихов наших тамбовских молодых поэтов, недавно ставших членами Союза писателей России, – Марии Знобищевой, Алексея Багреева; прозаик Василий Кравченко выпустил к своему 70-летию новый интересный роман «Сага о заблудших». Всегда с огромным интересом читаю публикации новых стихов замечательного русского поэта Валентина Сорокина.

ТАМБОВ

«ЛГ», 2007, № 29.

* * *

Валерий АРШАНСКИЙ, прозаик, публицист:

1. Заканчиваю новую, стало быть, седьмую в биографии, книгу под рабочим названием «Дети века». Это – рассказы, повести, архивы, дневники. Она стилистически не повторяет предыдущую книгу «Мозаика лет» (2006), но тоже адресуется для семейного чтения – взрослым и детям. Сотрудничаю с московскими и местными СМИ.

2. В любимом журнале «Подъём» (Воронеж), с которым связан около 30 лет, в минувшем году выходили рассказ, критика, очерк. В изданной в Тамбове «Школьной хрестоматии» помещены рассказы для детей. И некоторые новеллы вошли в «Тамбовский альманах» и антологию «Тамбовский рассказ», издания нашей областной писательской организации. В публицистике отмечен за 2007 год 1-й Всероссийской премией Российского аграрного движения и Минсельхоза России.

3. Внимательно читаю «толстые» журналы обеих столиц. Удивляет и восхищает проза московского «Октября». Выходят очень интересные вещи у тамбовских коллег-писателей: Николая Наседкина – серьёзнейшие исследования по Достоевскому, Александра Акулинина – произведения о

родной сельской земле, деревенских жителях. Событием на Тамбовщине стал роман Василия Кравченко «Сага о заблудших». Это честная и чистая исповедь, под которой могут подписаться многие и многие дети войны.

А огорчает… Вот собрал для критического обзора в «Подъёме» последние книги местных изданий. Среди них есть богато оформленные внешне, обильно пропиаренные с обложек («Готовится к экранизации», «Обещает стать бестселлером», «Самая тиражная»…) А читаешь эти разрекламированные сокровища и диву даёшься: «Кидаюсь к охотнику, толкаю винтовку, и выстрел летит мимо»… У охотника не ружьё, а винтовка; летит мимо цели не пуля, а выстрел. Такая грамотность. Зато похабщины, матерщины – как прорвало. Остановить поток сквернословия могли бы толковые литературные редакторы издательств. Но их нет. Есть спонсоры, менеджеры, продюсеры…

МИЧУРИНСК

«ЛГ», 2008, № 11.

ЛГ-Рейтинг

Николай НАСЕДКИН. Достоевский. Энциклопедия. — М.: Алгоритм, Эксмо, Око, 2008. — 800 с. — (Энциклопедия великих писателей).

Три раздела книги охватывают и произведения писателя, его героев, и то окружение, которое сопровождало Достоевского по жизни. Краткий биографический очерк изложен Николаем Наседкиным с предельной точностью, но достаточно занимательно. Очерк предваряет первый раздел энциклопедии, в котором автор описывает не только изданные Достоевским произведения, но и неосуществлённые им замыслы. В этом же разделе представлены все литературные жанры, в которых работал Фёдор Михайлович.

О некоторых персонажах писателя Н. Наседкин даёт достаточно пространные статьи, где можно проследить не только их путь и развитие внутри произведения, но и понять сущность, уяснить истоки возникновения того или иного образа. Самый обширный, третий раздел энциклопедии, — это личности, которые влияли на творчество писателя, окружали его при жизни. Издание снабжено списком литературы, с помощью которой читатель может более подробно узнать и о произведениях гения русской литературы, и о фактах его биографии. Иллюстративный ряд представляет исторических лиц из окружения писателя и героев его книг.

«ЛГ», 2008, № 30.

Помимо этого на страницах «Литературной газеты» со значительными по объёму и содержанию публикациями выступила литературовед и критик, член Союза писателей России, профессор ТГУ им. Г. Р. Державина Лариса Полякова: «Могучий, нестареющий талант» (к 130-летию С. Н. Сергеева-Ценского) — «ЛГ», 2005, № 43; и «Вечные ценности? Забудьте!» (статья о качестве современных учебников) — «ЛГ», 2008, № 16.

НОВЫЕ КНИГИ

Акулов И. Судный час. Стихи и поэмы. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2008. 268 с.200 экз.

Венок С. В. Рахманинову. Стихи / Сост. В. Дорожкина и др. Изд. 2-е. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2008. 108 с. 1000 экз. (Среди авторов: В. Дорожкина, М. Знобищева, С. Милосердов, А. Макаров, Е. Начас, Л. Перцева, М. Румянцева, Е. Захарова, А. Николаева и др.)

Дергунов Ю. Совесть. Стихи. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2008. 112 с. 150 экз.

Королёва З. Своё солнышко найти. Рассказы и повести. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2008. 384 с. 500 экз.

Марков В. В ожидании чуда. Избранная лирика. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2008. 228 с. 500 экз.

Сычёва А. Быть ветром. Стихи. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2008. 80 с.

Цурикова Н. Из Тамбовской земли мои корни... Стихи. Тамбов: Изд-во Литфонда, 2008. 140 с. 200 экз.

V.I.P.–ПЕРСОНА. Кто есть кто в Тамбове и Тамбовской области в 2008 году. Сборник биографий самых авторитетных и влиятельных лиц Тамбова и Тамбовской области / Сост. А. Ковыршин. Тамбов: «Пролетарский светоч», 2008. 240 с. 2000 экз. (Среди прочих персоналий — писатели: А. Акулинин, В. Аршанский, В. Герасин, И. Елегечев, Н. Наседкин, Ю. Расстегаев.)

Литературно-художественное издание

ТАМБОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

№ 6 (сентябрь 2008)

Компьютерная вёрстка и дизайн – **Н. Наседкин**
Корректор **Н. Загороднева**

Подписано в печать 10.08.2008 г.
Формат 60x84$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Печ. л. 16,0.
Тираж 600 экз. Заказ №

Издательство Тамбовского отделения ОООП «Литфонд России»
392602, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14.
Тел. 53-50-77; 72-70-32
E-mail: niknas2000@mail.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в открытом акционерном обществе
«Тамбовская типография “Пролетарский светоч”»
392600, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14а.